

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
Р.ГАМЗАТОВА»

Факультет дагестанской филологии

**РОДНЫЕ ЯЗЫКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 75-летию
Адилова Ашурали Гаджибалаевича*

Махачкала 2024

УДК 811.35
ББК 81.603
Р-60

ISSN 2588-0381

Главный редактор:
Омарова З.С. – декан ФДФ, к.ф.н., доцент

Редакционная коллегия:
Хайбулаева М.М. – к.ф.н., доцент;
Казимагомедова Ф.И. – к.ф.н., доцент.

Р-60 Родные языки: проблемы и перспективы развития // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала: ДГПУ им Р.Гамзатова, 2024. – 112 с.

Все статьи публикуются в авторской редакции. Ответственность за точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISSN 2588-0381
DOI:

СЧАСТЬЕ БЕЗЗАВЕТНОГО ТРУДА И ВОСТРЕБОВАННОСТИ

(К юбилею А. Г. Адилова)

*Омарова З.С., к.ф.,н.,
доцент, декан ФДФ
ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)*

Труды дагестанского учёного-языковеда и педагога *Ашурали Гаджибалаевича Адилова* востребованы и используются в профессиональном и общеобразовательном обучении. Сегодня преподавание табасаранского языка в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах немислимо без научного и учебно-методического материала, разработанного А.Г. Адиловым. Он автор таких работ как «Практический курс табасаранского языка», «Методика преподавания лексики табасаранского языка», «Методика преподавания табасаранского языка», «Синтаксическая характеристика падежей табасаранского языка», «Морфолого-синтаксическая характеристика падежей в современном табасаранском языке», «Сборник диктантов для студентов 1-5 курсов ФДФ», «Диалектология табасаранского языка» (научно-методическое пособие для студентов ФДФ по табасаранскому языку) и т.д. «Его пособия по методике преподавания табасаранского языка востребованы и стали настольными книгами учителей и преподавателей родных языков в образовательных учреждениях республики Дагестан», - написал знающий обстоятельно труды Ашурали Алилова профессор З.М. Загиров.

В основе неимоверной продуктивности учёного-педагога и востребованности его трудов лежат не только его талант, старания, любовь к своему народу и языку, ответственность по отношению к проблемам национального языка и стремление разрешить их, но и то, что, на наш взгляд, у его деятельности есть благодатный фундамент. Неспроста в советскую эпоху принадлежность к народу считали одной из лучших характеристик человека. Ашурали Гаджибалаевич вырос в среде народа - среди носителей табасаранского языка, он впитал в себя все нюансы языка с молоком матери, потом долгое время работал учителем в разных общеобразовательных школах – в селениях Зирдаг, Хоредж, Зильдик, Ашага Ярак, Юхари Ярак. Его работа учителем средней школы в общей сложности составляет четверть века. Конечно, эти годы дали будущему исследователю табасаранского языка бесценный опыт, знание на практике проблем преподавания национальных языков и литератур, овладение материалом по говорам и диалектам табасаранского языка. Его беззаветный труд и передаваемые подрастающему поколению знания не остались не замеченными, и Ашурали Гаджибалаевич в годы работы в школе был награждён званием «Отличник народного образования РД».

И дальше судьба дала Ашурали Гаджибалаевичу возможность подхода к родному языку с разных ракурсов. Так, при переезде с семьёй в Каспийск, он начал работать в Дагестанском научно-исследовательском институте им. Тахо-Годи, что позволило ему вложить свой бесценный опыт в работу над учебниками и методическим материалом по табасаранскому языку и литературе, продолжить контакт со школами. Вот что пишет работавший в то

время руководителем сектора родных литератур, старший научный сотрудник ДНИИП, доктор филологических наук, профессор Акимов К. Х.: «Симпатичный молодой человек, имеющий законченное высшее образование по специальности, большой опыт работы учителем табасаранского и русского языков и литератур в школах Хивского района, незаметно вошел в коллектив ученых-методистов института и вскоре стал своим человеком». По словам Курбана Халиковича, в Институте педагогики на плечи Адилова А. Г. навалилась большая нагрузка: совершенствование учебной программы по родной литературе; составление методических писем для учителей сельских и городских школ; разработка методики преподавания родной литературы IV-XI классах по разделам (Методика преподавания лирических произведений; Методика преподавания драматических произведений; Методика развития речи учащихся на уроках родной литературы и т. д.; Изучение состояния преподавания родной литературы в школах республики (во время служебных командировок); исследование различных проблем языка и выполнение общественной работы. Адилов А. Г. в секторах ДНИИП обсуждал детали методики преподавания национального языка и литературы. По его рекомендации в программы всех национальных литератур, в том числе - дагестанской литературы (на русском языке), вошли произведения ряда табасаранских писателей.

Учёный-методист Адилов А. Г. и всю свою дальнейшую жизнь связал с ДНИИП им. А.-А. Тахо-Годи как автор учебников, хрестоматий и учебно-методических пособий по табасаранской литературе для V-XI классов. Он (в соавторстве) несколько раз переиздавал «Учебник-хрестоматию для учащихся 7 класса», доработал «Учебник для учащихся 6 класса», издал «Методические рекомендации к учебнику-хрестоматии для учащихся 7 класса» и т.д.

Многие годы он совмещал исследовательскую и преподавательскую деятельность с работой редактора журнала для детей на табасаранском языке «Пази» («Соколёнок»). Этому способствовала публикация в журнале дидактического и методического материала, с которым мог работать воспитатель детского сада, учитель младших и средних классов, а также художественного материала, привлекающего внимание детей разных возрастов и их родителей. Устанавливались живые контакты со школьными коллективами, публиковались в журнале стихи детей, велась с читателем и подписчиком огромная кропотливая работа, в которую приходилось без устали вкладывать время и любящую свой народ душу.

В 1994 году Ашурали Гаджибалаевич был приглашён на кафедру общего и дагестанского языкознания ДГПИ в качестве старшего преподавателя. Имея до этого времени огромный опыт работы в образовании и в области преподавания родных языков, Ашурали Гаджибалаевич не переставал работать над собой и новую веху на своём трудовом пути ознаменовал учёбой соискателем и работой над кандидатским исследованием. В 1999 году Адилов А. Г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Морфолого-синтаксическая характеристика падежей в табасаранском языке».

Педагогической и исследовательской работе Ашурали Гаджибалаевича всегда было присуще новаторство и неустанная работа над самим собой. Такое отношение к профессии и к жизни в нём было заложено ещё с самых юных лет.

О человеческих качествах интеллигента по природе и педагога от бога Ашурали Гаджибалаевича можно написать многое, чтобы для воспитания подрастающего поколения представить образец трудолюбия, интеллигентности, высокого профессионализма, честного отношения к делу, выполнения в срок и служебной, и общественной работы, умения прививать студентам культа знаний и навыков научного исследования и т.д. Его пример учит достойному поведению в жизни. Для младших коллег Ашурали Гаджибалаевич является опорой и ярким примером служения делу процветания науки и образования республики, добропорядочного и мудрого наставника. Кандидат филологических наук, доцент ДГПУ Алибек Ашурбеков о нём пишет: «Ашурали Гаджибалаевич – личность неординарная, авторитетный ученый, глубокий, тонкий филолог, методист и публицист, который своими глубокими знаниями и педагогическим тактом, присущей ему находчивостью прививает нам любовь к родному слову, родной словесности. Он один из тех, кто честно выполняет свой долг ученого, свое человеческое назначение».

А. Г. Адилов заслуженно получил звание «Ветеран труда». Его труд в преподавании увенчан написанием и публикацией более 100 научных статей и тезисов по родному языку и по методике родного языка в сборниках университетских, региональных и международных научно-практических конференций и в различных других изданиях, среди которых и перечень журналов, рекомендованных ВАК. Отдельными книгами им издано более 20 авторских работ. Более 55 лет он отдал работе в образовании, поскольку начал свою трудовую деятельность, будучи совсем юным выпускником Дербентского педагогического училища. Общий стаж работы Ашурали Гаджибалаевича в отрасли образования и науки по настоящее время составляет 55 лет, из них 24 года – среднего профессионального, 31 год – высшего образования. Он заслуженно пользуется большой любовью табасаранского народа. Его исследования посвящены самым различным областям табасаранского языка: морфологии, лексикологии, стилистике, словообразованию, фонетике и т.д.

А. Г. Адилов является образцом учителя и наставника достойного поколения не только в учебных заведениях, но и в семье. Он смог своей личной жизнью показать пример успешного старшего брата, отца и деда. Он научил своих братьев, детей и внуков своим трудом достигать цели, любить людей и быть полезным обществу. Его дети успешны в своих профессиях, работают в самых разных сферах деятельности – в преподавании, литературе, медицине, журналистике, сейсмологии и т.д.

Ашурали Гаджибалаевич не устаёт дарить свои знания, опыт и частицу своего сердца нашим студентам, младшим коллегам, семье и обществу. Пусть его путеводная звезда благополучно светит ещё долгие-долгие годы во благо нас, его коллег и студентов, и дагестанской науки и образования!

Список использованной литературы:

1. Актуальное состояние изучения родных языков и литератур народов Дагестана. // Материалы Региональной научно-практической конференции, посвящённой 70-летию А.Г. Адилова. - Махачкала, 2019.
2. Зори Табасарана. // Общественно-политическая газета, №17, 2019.

**Список научных и учебно-методических работ
Ашурали Гаджибалаевича Адилова:**

Монографии:

1. Адилов А.Г., Загиров З.М. Синтаксическая характеристика падежей в современном табасаранском языке. - Махачкала, 2002.
2. Адилов А.Г. Характеристика падежей в современном табасаранском языке. - Махачкала, 2015.

Учебно-методические пособия:

1. Адилов А.Г. Практический курс табасаранского языка для студентов 1-5 курсов ФДФ. - Махачкала: Изд-во «Радуга», 2007.
2. Адилов А.Г. Сборник диктантов для студентов 1-5 курсов по табасаранскому языку. – Махачкала, 2011.
3. Адилов А.Г. Методика преподавания лексики в табасаранском языке. – Махачкала: «Фирма КИТ», 2012.
4. Адилов А.Г. Практический курс табасаранского языка для студентов 1-5 курсов ФДФ. – Махачкала, ДГПУ, 2014 (переиздание).
5. Адилов А.Г. Методика преподавания табасаранского языка. – Махачкала: «Фирма Кит», 2018.
6. Адилов А.Г., Нурмагомедова Т.Г. Диалектология табасаранского языка. – Махачкала, 2019.
7. Адилов А.Г., Адилова А.М. Табасаранский язык и культура родной речи. – Махачкала, 2021.
8. Адилов А.Г., Калабекова И.А. История табасаранского языка. – Махачкала, 2024.

Учебно-методическое руководство и учебники для школ:

1. Адилов А.Г., Казиев Ш.Р. Сборник изложений для 5-11 классов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1996.
2. Адилов А.Г., Курбанов М.М. Табасаранский фольклор. – Махачкала: Изд-во НИИ педагогики, 2000.
3. Адилов А.Г. Избранные произведения Абумуслима Джафарова – поэмы (для школьной библиотеки). – Махачкала: Изд-во НИИ педагогики, 2009.
4. Адилов А.Г. Методические указания к учебнику-хрестоматии для учащихся 7-го класса по табасаранской литературе (учебно-методическое пособие для учащихся 7 класса). - Махачкала. 2017.
5. Адилов А.Г., Аскендерова Ш.А. Методика табасаранского языка. 6 класс (учебно-методическое пособие для учащихся 6 класса. Развёрнутые поурочные планы). – Махачкала, 2018.
6. Адилов А.Г., Загиров З.М. Учебник-хрестоматия для учащихся 7-го класса по табасаранской литературе. – Махачкала: Изд-во ДНИИП им. А.А.Тахо-Годи, 2021 (переиздание).
7. Адилов А.Г., Ашурбекова Э.А. Учебник-хрестоматия для учащихся 6-го класса по табасаранской литературе. – М.: Просвещение, 2024.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ КАВКАЗА

Адилов А.Г.,
к.ф.н., доцент ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ТАБАСАРАНСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье постарались выработать лучшие методы и приёмы обучения учащихся числительным, опираясь на лучший педагогический опыт учителей. Также на текстовых примерах старались научить учащихся сочетать числительных с существительными и склонению.

Annotation. The article tried to develop the best methods and techniques for teaching numerals to students, based on the best pedagogical experience of teachers. Also, using text examples, they tried to teach students how to combine numerals with nouns and declension.

Ключевые слова: числительные, морфология, часть речи, правописание числительных, табасаранский язык, простые числительные, метод, склонение.

Keywords: numerals, morphology, part of speech, spelling of numerals, Tabasaran language, simple numerals, method, declension.

Изучение числительного в начальных классах начинается с знакомства именами числительными. Эта часть речи неоднократно вводилась в программы и учебники родного языка. Объясняется это введением главным образом практической необходимостью: на уроках математики числительные употребляются с нарушениями требований культуры речи. Проще говоря, дети не умеют склонять числительные: слишком трудны для них некоторые формы косвенных падежей: в русском языке творительный падеж: семью, десятью, тремястами. В табасаранском языке не меньше трудности доставляют изучение сложных и составных числительных, также склонение числительных в многосерийных местных падежах. Орфография – еще труднее. Давно уже высказывается мнение об упрощении в употреблении трудных форм числительных, так как их неправильное употребление все более прочно закрепляется в разговорной речи даже образованных людей. Тем не менее включение числительных в круг изучения в школе вносит элементарную организованность в речевом их использовании.

Что же должно быть усвоено в начальных классах? Вот круг тем: общее понятие об именах числительных; их деление по функциям на количественные (обозначают определенное число однородных предметов) и порядковые (порядок при счете) изучаются более или менее подробно, встречаются в практическом использовании. В начальных классах табасаранского языка не вводятся в систему изучения неопределенные числительные, числительные приблизительного счета и др.

Сходство числительных с именами существительными и с прилагательными; деление числительных по составу – простые, сложные и составные; склонение простых числительных (трудные случаи склонения составных и сложных числительных откладываются); правописание простых и некоторых сложных числительных. Дробные неопределенные и числительные приблизительного счета в учебниках начальных классов не изучаются, однако использование их в практике не исключено. Основные лексические и грамматические признаки числительных школьники могут выделить и сформулировать сами в ходе анализа предложений из текста. Они убеждаются в том, что числительные *один* и *два* «*саб, кьуб, шубуб...*» до двадцати могут изменяться по классам в табасаранском языке, как прилагательные, а *один до десяти* – даже по числам, при этом во множественном числе в форме *одни* «*садар*», «*кьюдар*», «*шубудар*» и т.д. существенно изменяется семантика. Это числительные, употребляющиеся с существительными, которые имеют только множественное число (туфли, сани, ножницы и т.д.). Склонение простых числительных сходно со склонением существительных, но есть и различия, последние выявляются самими школьниками. Порядковые числительные склоняются, как прилагательные. Числительные *один, два, три до десяти* и *двадцать* «*саб, кьуб, шубуб, йицубдихьна ва кьаб*» обладают особенностями склонения. Полезно ознакомить школьников со склонением *сто, тысяча*, сложных числительных типа *пятьдесят, пятьсот*, составных *двести сорок семь* (хотя бы устно). Некоторые выводы и обобщения: большое разнообразие в значениях, в формах, в морфемном составе, в способах изменения, в правописании числительных. Тем не менее возможно построение нескольких схем-моделей: схема числительных по значению, по функциям; схема по составу слов и числительных типа 125, 786; схема-модель сходств с другими именами существительными, прилагательными; несколько таблиц склонения и пр.

Исследовательские задания: проследить на текстовых примерах роль имен числительных в предложении; подготовить сообщение на тему «Числительные в пословицах и поговорках» (*Ургур сарихъ дийигъруб дар* «семеро одного не ждут», *Ургубан еби, сабан хьадабтI* «Семь раз измерь, один раз отрежь»). Следует признать, что орфография числительных сложна. Многое усваивается практически, и от ошибок спасает лишь цифровое написание чисел. Очень важно, чтобы и на уроках математики элементарно соблюдались нормы формоизменения числительных, как и другие требования «Единого режима культуры речи в школе».

Как и изучение любой другой темы, изучение числительных в табасаранской школе имеет значительные особенности. Разумеется, в зависимости от родного языка учащихся серьезно меняется и направление работы учителя.

Иначе должна быть построена работа по теме «имя числительное» в том случае, если родной язык учащихся значительно отличается от русского. В начальной школе не предполагается систематического ознакомления учеников с числительными, хотя, например, уже во II классе, изучаются выражения со словами *один, два, три, четыре, пять... до десяти*.

Наиболее трудоемкими темами по числительным в национальной школе являются склонение и правила сочетания числительных с существительными. Следует подчеркнуть,

что их усвоение должно происходить взаимосвязано: ученикам надо демонстрировать склонение не отдельного взятого числительного, а в сочетании с существительными. Надо помнить, что для ученика национальной школы задача состоит, прежде всего, в том, чтобы научиться правильно употреблять числительные, а не в том, чтобы систематизировать имеющиеся практические знания, внести в них некоторые поправки, осмыслить их теоретически.

В табасаранской школе могут быть использованы при изучении числительных многие из видов работ, рекомендуемых для русской школы. К ним можно прибавить еще такой специфический вид работы, как перевод (в том числе и обратный перевод). Основная же задача при изучении числительного научить учеников основным нормам использования числительных в речи. При изучении имен числительных, помимо теоретического материала, данного в учебнике, необходимо учитывать два обстоятельства:

а) большая устойчивость ряда типичных орфографических ошибок, допускаемых учащимися при написании числительных в начальных классах табасаранской школы.

б) широко распространенное в речи учащихся неправильное употребление падежных форм числительных.

В связи с этим работу по усвоению школьниками навыков употребления и правописания числительных надо начинать в начальных классах и вести ее систематически в средней школе, вплоть до тех пор, пока полностью не будут устранены эти ошибки. Необходимо, чтобы числительные включались в тексты различных письменных работ (диктантов, изложений, сочинений, упражнений по грамматике и орфографии) в устные ответы учащихся.

Опыт учителей показывает, что учащиеся часто усваивают значение числительных без учета их существенных грамматических признаков, и поэтому они на практике смешивают числительное с другими частями речи (с существительными, наречиями, глаголами), например, к числительным они относят существительные: двойка, тройка; прилагательные: *хьуб этаждин* «пятиэтажный», *шубуб ражари артухъ* «тройной»; глаголы: удвоить, утроить; наречия: вдвое, трижды, втроем.

Следует сообщить учащимся прием разграничения числительных и других частей речи числовым значением: числительные, как правило, можно записать цифрами, кроме нескольких слов (двое, трое... десятеро). Нельзя цифрами записать другие части речи (существительные, глаголы, наречия и т.д.), например: трое, утроить, втроем, но шесть книг (*б китаб*).

Таким образом, обращается внимание учащихся на то, что в русском языке имеются слова, значение которых связано с понятием числа, количества и их не следует смешивать с числительными, поскольку по своим грамматическим признакам они могут принадлежать к разным частям речи, то есть к глаголу, существительному, прилагательному и наречию.

В начале изучения систематического курса морфологии перед учениками ставится задача всегда, когда требуется определить часть речи, руководствоваться одним и тем же планом, действовать по одному и тому же плану, производить анализ слова как части речи в одной и той же последовательности. Это можно показать на таблице.

1)

Фу? «Что?»
Къимат (2), къимат (3)
«двойка», «тройка»

Фициб? «Какой?»
Къюб ражари артухъ
«двойной»
Шубуб ражари артухъ
«тройной»

Гъапуб? «Что
сделать?» Къюб
ражари артухъ
апуб «удво-
ить», шубуб
ражари артухъ
апуб «утроить».

Швнуб? швнур? швнубпиб?
Фукъан? «сколько?»
Швнубпир? «какой?»
Къюб, кюр «два», къюбпиб
Шубрид «трое» къюбпир
«второй»
Кью-къюбди, хьу-хьурди
Хьубпи, хьурпи (пятый)

Как известно, числительные в зависимости от значения делятся на две группы: количественные и порядковые.

В свою очередь количественные числительные делятся на разряды в зависимости от того, что они обозначают. Зависимость между разрядом и значением количественных числительных учителю и следует подчеркнуть.

2) Для закрепления темы проводится выборочный диктант.

1. 300 йис улихъна жилин зин 550 миллион кас яшамии шулайи. «300 с лишним лет тому назад в мире жило 550 миллионов человек».

2. 2010-ни йисан дюн`яйшин 6-7 миллиард кас шулу кюри аьлимари фикир апурайи. «Ученые предполагали, что население нашей планеты достигнет в 2010 году 6-7 миллиардов человек».

3. Заирайи англиш чалнан 30 гаф ва келима кьаьлан гъапинийи. «Заира выучила 30 английских слов и выражений».

3) Учащиеся записывают цифры прописью по столбикам соответственно разрядам и убеждаются, что одни числительные обозначают число и количество предметов, а другие – порядок при их подсчете.

Къадарнан числительнийир

«количественные числ.»

швнуб? швнур? фукъан?

хьуб/р «пять»

миржиб/р «восемь»

йицуб/р «десять»

Тартибнан числ.

порядковые числ.»

швнубпиб? швнурпир?

хьубпи/р «пятый»

мирдибпи/р «восьмой»

йицубпи/р «десятый»

а) Улупнайи числительнийир ишетмиши апурри, гафарин ибарийир диклай, месела: «Используя выделенные числительные, составьте словосочетания с существительными», хьуб мал «пять животное», хьур чве «букв. пять брат»; хьурпи чве «пятый брат»; къаб шишал

«букв. двадцать мешок», *къар риш* «букв. двадцать девочка», *къад йис* «двадцать лет», *къарни риш* «двадцатая девочка» и т.д.

б) Затем учащимся предлагается составить предложения с двумя количественными и двумя порядковыми числительными в сочетании с существительными. Работы учащихся проверяются.

4) Обычно учащиеся путают, такие числительные называются составными и какие сложными.

Для выделения простых, сложных и составных числительных учащимся можно предложить такую таблицу:

	Числительные	
простые	сложные	Составные
три (3)	шестьдесят (60)	тридцать семь (37)
сорок (40)	триста (300)	семь тысяч шестьсот (7600)
сто (100)	восемьсот (800)	сорок девять (49)

5) Для закрепления темы предупреждения орфографических ошибок учащихся учитель предлагает учащимся следующие задания.

1. Придумать примеры с количественными и порядковыми числительными и определить их состав (простые, сложные, составные)

2. прочитайте правильно на доске цифры: 2,3,5,8,10,12,15,18,47,16-й,2-й,27-й,386,125,1784. б) С учетом того, насколько учащиеся усвоили значение числительных, учитель по необходимости прибегает к повторению.

Предлагаем вопросы для повторения числительных.

- 1) Что называется числительным?
- 2) На какие вопросы отвечают числительные?
- 3) Что обозначают количественные числительные?
- 4) Что обозначают порядковые числительные?
- 5) Чем отличаются порядковые числительные от количественных?
- 6) В чем отличие порядковых числительных от прилагательных?

Следует подчеркнуть, что наиболее примечательным среди имен числительных является количественное числительное – один.

Известно, что числительное один в табасаранском языке оказывается необязательным для обозначения выражаемого им количества, которое передается одним только наименованием исчисляемого предмета, например: *Кило картфар гъадагъну*. «Купил кило картошки». *Минутдилан хъадарк*. «Вернись через минуту».

Следует также показать учащимся, что числительное один согласуется с исчисляемым наименованием в классе: *саб карандаш*, «один карандаш», *сар хтул* «один внук» и др.

Во множественном числе слово один является числительным лишь при существительных, имеющих только форму множественного числа: *садар мярхяр* (одни сани), *садар туфлийир* (одни туфли).

Для практического усвоения темы рекомендуем предложить учащимся следующие задания.

1) Научитесь правильно употреблять существительные в русском и родном языках при счете денег; *саб манат* «один рубль», *кьюб манат* «два рубля», *саб кепек* «одна копейка», *кьюб кепек* «две копейки».

2) Научитесь правильно называть меры веса; *саб грамм* «один грамм», *кьюб грамм* «два грамма».

3) Составить 5-6 предложений с данными словосочетаниями.

Рассматривая связь числительных с существительными, учитель начальных классов табасаранской школы обращает внимание учащихся на сочетание слов *йис* «год», *йигъ* «день», *йшив* «ночь» с числительными в общеграмматических падежах.

После числительных один, два, три, четыре... десять, а также составных числительных, которые оканчиваются на один, два, три, четыре... двадцать писать слова *йигъ*, *йшив*, *йис* в а гъ.ж.

7) Предлагаем выполнить следующие задания:

1. *Яв чвуччвун, чуччун, дадайин, адашдин, бабан ва абайин швнуд йис вуш, йип.* «Скажи сколько лет твоему братишке, сестренке, матери, отцу, бабушке и дедушке?»

2. *3 йис, 15 йис падежариз дигиш апІунай.* «Просклонять сочетания: 3 года, 15 лет».

Список использованной литературы:

1. Аьгьмадов Къ. (Къурбанов Къ., Ханмягьмадов Б.) IV-VIII классарий табасаран чІал кивбан методика. (Методика преподавания табасаранского языка в IV-VIII классах). - Мягь-ячгъала: Дагъучпедгиз, 1965.

2. Алексеев М.Е., Шихалиева С.Х. Табасаранский язык. – М., 2003.

3. Баранников И.В. Грекул А.И. Методика начального обучения русскому языку в национальной школе. – Ленинград: «Просвещение», 1984.

4. Буржунов Г.Г. Методика преподавания русского языка в дагестанской национальной школе. – Махачкала, 2004.

5. Рамзаева Т.Г. Уроки русского языка в 3-ем классе трехлетней начальной школы: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1987.

КАТЕГОРИИ ЧИСЛА И ПАДЕЖА МЕСТОИМЕНИЙ В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию словоизменительных категорий числа и падежа местоимений лезгинского языка.

Ключевые слова: лезгинский язык, местоимение, разряды местоимений по значению, словоизменительные категории, категория числа, категория падежа.

Местоимение - часть речи, объединяющая слова, которые не называют предметы, признаки, количества, а только указывают на них [5, с. 121]. В предложении местоимения выступают в роли разных членов.

В специальной литературе встречаются различные подходы в трактовке определения местоимения. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС) мы находим такое определение местоимений: «Местоимение – лексико-семантический класс знаменательных слов, в значения которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации, или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью: к местоимениям принято соотносить только имена существительные, прилагательные, числительные» [3, с. 237].

Местоимение – это часть речи, указывающая на предмет и выражающая значение указания в морфологических категориях числа (непоследовательно) и падежа [2, с. 73].

Как и другим именам, местоименным словам в лезгинском языке характерно изменение по числам и склонение.

Категория числа. Многие местоименные слова в лезгинском языке имеют формы единственного и множественного числа (изменяются по числам).

Собственно личные местоимения (зун «я», вун «ты», чун «мы», куьн «вы») характеризуются выражением значения числа лексически, т.е. оно входит в их лексическую семантику; функциональные личные местоимения (ам «он», абур «они») относятся друг к другу как последовательно изменяющиеся по падежам формы единственного и множественного числа одного и того же слова. Форма множественного числа местоимения ам «он» образуется посредством суффикса -бур: ам «он» > а-бур «они».

Возвратные местоимения жув «я сам», «ты сам» (для 1-го и 2-го лица ед. числа), вич «он сам» (для 3-го лица ед. числа), чеб «они сами» (относится только к 3-му лицу мн. числу), представленные в лезгинском языке, число выражает только лексически.

Вопросительные местоимения вуж? «кто?», вуч? «что?», гьи? «который?», шумуд? «сколько?» изменяются по числам. Форму множественного числа они образуют суффиксацией аффиксов -ар и -бур, например:

вуж? «кто?» > вуж-ар

вуч? «что?» > вуч-ар

гьи «который» > гьи-бур

гьикъван «сколько» > гьикъван-бур

шумуд «сколько» > шумуд-бур (данное местоимение допускает и присоединение суффикса -ар, ср. шумуд > шумуд-ар).

Отрицательные местоимения лезгинского языка (касни «никто», зат1ни «ничто», садни «ни один, никто») по числам не изменяются, они только склоняются (см. ниже).

Указательных местоимения и «этот», а «тот (близкий)», гья «тот», агья «нижний», вини «верхний», ат1а «тот» форму множественного числа образуют посредством суффикса -бур (как и имена прилагательные):

и «этот» > и-бур

а «тот» > а-бур

гья «тот» агья «нижний» > гья-бур

вини «верхний» > вини-бур

ат1а «тот» > ат1а-бур.

Определительные местоимения вири «все, весь», маса «другой», муькуь «другой, иной», гьейри «другой, иной», бязи «некоторый» также изменяются по числам по типу прилагательных, принимая суффикс мн. числа -бур: вири «все, весь» > вири-бур; маса «другой» > маса-бур и т.д.

Примеры: Мегърибан вирибуруз таъсир жедайвал ван хкажна рахазвай «Мехрибан, чтобы повлиять на всех, говорила громко». Бязи ксар кесиб уьмуьрдикай куьц1енва, бязибурун крар вири тук1венва «Некоторые люди от бедной жизни устали, у других все дела налажены».

Неопределенные местоимения са вуч ят1ани «что-то», бязи «некоторый, некий», са вуж ят1ани «кто-то», шумудни сад//шумудни са «несколько», гьар са «каждый, всякий», са къадар «несколько», са гьихьтин ят1ани «какой то», флан «какой-то, некий» форму множественного числа образуют по образцу имен существительных, принимая соответственно суффиксы -ар и -бур:

са вуж ят1ани «кто-то» > са вуж-ар ят1ани

са вуч ят1ани «что-то» > са вуч-ар ят1ани

бязи «некоторый, некий» > бязи-бур

шумудни сад «несколько» > шумудни сад-бур

Категория падежа. Для местоимений, подобно именам существительным, прилагательным и числительным, характерно склонение. Однако в их склонении есть особенности, отличающие их от других слов.

1. Особенности склонения личных местоимений

Личные местоимения I и II лиц образуют формы эргатива и генитива особым образом. Остальные падежи образуются стандартным способом от основы, представленной в дательном падеже [4, с. 45] .

Местоимения III лица ам «он», абур «они» склоняются по адъективному склонению, т.е. по образцу прилагательных.

2. Особенности склонения возвратных местоимений

Возвратные местоимения жув «я сам», «ты сам» (для 1-го и 2-го лица ед. числа), вич «он сам» (для 3-го лица ед. числа), чеб «они сами» (для 3-го лица мн. числа) склоняются по образцу имен существительных. «Возвратные местоимения образуют косвенные падежи от косвенной основы стандартным образом [1, с. 45].

Основа местоимения чеб «сами» подвергается изменениям: а) корневой финальный звонкий согласный [б] ([б] // [пп]); б) гласный основы [э (граф.е)] ослабляется до нуля. Оба эти изменения учитываются в орфографии, поэтому основа всех косвенных падежей местоимения чеб получает структуру чп-.

3. Особенности склонения вопросительных и относительных местоимений

Вопросительные местоимения вуж «кто?», вуч «что?» имеют полную парадигму падежных форм, во множественном же числе они располагают только формой именительного падежа: вуж-ар? и вучар? Оба эти местоимения имеют супплетивную основу, от которой затем регулярно образуются все остальные падежные формы. Местоимение гьим «который» может склоняться при субстантивации посредством показателя -м (гьи-м?).

4. Особенности склонения указательных местоимений

Склонение всех шести рассматриваемых местоимений (и «этот», а «тот», гья «тот», агья «нижний», вини «верхний», ат1а «тот») адъективное, кроме показателя именительного падежа ед. числа -м (суффикс субстантивации), от склонения имен прилагательных ничем не отличается.

5. Особенности склонения отрицательных местоимений

Отрицательные местоимения касни «никто», зат1ни «ничто» не склоняются, в косвенных падежах вместо них употребляются словосочетания са касни «никто», са зат1ни «ничто».

Местоимение садни «ни один, никто» имеет в единственном числе полную парадигму склонения.

Тарарал зат1ни алачир, гьяхьяй багъдани касни авачир «На деревьях ничего не было, поэтому и в саду никого не было».

6. Особенности склонения определительных местоимений

Определительные местоимения вири «все, весь», гьар «каждый, всякий», гьар са «каждый», маса «другой», муькуь «другой, иной», гьейри «другой, иной», башкъа «особый», бязи «некоторый» склоняются так же, как указательные местоимения [1, с. 45].

7. Особенности склонения неопределенных местоимений

Неопределенные местоимения (са вуж ят1ани «кто-то», са вуч ят1ани «что-то», са «один, некто, некий», шумудни сад «несколько», гьар са «каждый, всякий», са гьихьтин ят1ани «какой-то», флан «какой-то, некий») склоняются по образцу указательных местоимений [1, с. 45].

Местоимения бязи «некоторый, некий», са къадар «несколько» в единственном числе не склоняются, а в форме множественного числа имеют полную парадигму склонения.

Список использованной литературы:

1. Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. Лезгинский язык. - М., 1997.
2. Гайдаров Р.И. Морфология лезгинского языка. – Махачкала, 1987.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
4. Мейланова У.А., Гайдаров Р.И. и др. Современный лезгинский язык. – Махачкала, 2009.
5. Розенталь Д.Э. Русский язык. – М., 1997.

Бабаев В.А.,

*к.ф.н., доцент ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)*

Шахбанова А.Ш.,

*к.ф.н., доцент ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)*

ПРИЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШИХ КЛАССАХ

В процессе обучения лексике большое внимание уделяется семантике слова, с которой связано правильное понимание и употребление в речи. Осмысление того или другого слова возможно лишь на основе выяснения его значения [Текучев, 1980].

Изучение многозначных слов. При работе над лексикой словарный запас учащихся пополняется понятиями однозначные и многозначные слова. Это происходит практическим путем: учащиеся учатся распознавать изучаемые явления в текстах, определять их смысловое значение и правильно употреблять в речи.

Многозначное слово выступает в том или ином контексте лишь в одном из своих значений – прямом или переносном. Прямое значение слова непосредственно связано с реальностью, а переносное – возникает в результате переноса названия с одного явления действительности на другое на основании сходства, общности их признаков, функций, например: *зили* «пиявка» - перен. *зили* «эксплуататор, келле «голова, череп» - перен. *келле* «предмет, своей формой напоминающий голову» (*машиндин келле* «паровоз»), *кабабун* «готовить, жарить шашлык» - перен. *кабабун* «терзать». *Дердини кабабзава зи рикI* «Горе терзает мое сердце».

Для объяснения прямого и переносного значения слова можно, например, взять многозначное слово *къизилдин* «золотой» в словосочетаниях *къизилдин тунIал* «золотое кольцо» и *къизилдин гъилер* «золотые руки». В первом словосочетании признак назван прямо, во втором же прямое наименование признака слова *тунIал* «кольцо» перенесено на признак слова *гъилер* «руки». Так у слова *къизилдин* «золотое» появляется новое лексическое значение *къиметлу* «ценное, драгоценное; дорогое», которое называется переносным. Иногда контекст может оказаться недостаточным, чтобы обеспечить слову однозначное употребление. В таких случаях эффективной оказывается работа по исправлению фраз, в которых многознач-

ные слова употреблены без достаточной ясности.

Для правильного понимания многозначного слова надо создать достаточный контекст, т. е. ввести в предложение «ключевые слова» или произвести замену слов, например: *Руш хъсандиз килигзава* «Девушка хорошо смотрит» (*килигзава гъалатIриз* «смотрит на ошибки»), *килигзава аялдиз* «смотрит за ребенком».

Изучение многозначных слов представляет большую трудность для учащихся, так как механизм выявления значений весьма сложен.

Значение многозначных слов разграничивается синтаксической или лексической сочетаемостью: *аялдиз килигун* «смотреть на ребенка» - *алдиз килигун* «смотреть за ребенком»; *Али дакIардиз килигзава* «Али смотрит в окно» - *дакIарар гъуьлуьз килигзава* «окна смотрят на море».

Другим эффективным средством разграничения значений многозначных слов являются парадигматические отношения: 1) синонимические – *вил акъатун* а) «вытек - о глазе», б) скучать, в) «сильно желать (чег-л.)»; б) антонимические – *ширин хиялар* «сладкие мысли» - *туькьуьл хиялар* «горькие мысли».

Использование подобных приемов различения значений многозначных слов в значительной мере способствует успешной работе над ними. «Изучение прямого и переносного значения многозначных слов открывает широкие возможности для воспитания у учащихся внимания к слову и качественного пополнения их словарного запаса» [Магомедов и др. 2004: 121]. Этому способствуют лексико-семантические упражнения типа:

1. *Предложенийра дуьз ва куьчуьрмишнавай манайра ишлемишнавай гафар жагъура ва обуруз баянар це* «Найдите в предложениях слова, использованные в прямом и переносном значении и объясните их».

2. *Ганвай глаголриз шумуд мана аватIа, тайинара* «Определите, сколько значений у данных глаголов»

3. *Ганвай гафар дуьз ва куьчуьрмишнавай манайра ишлемишиз, предложенияр туькIуьра* «Придумайте предложения, используя данные слова в прямом и переносном значении».

К универсальным типам упражнений, формирующим и расширяющим запас слов учащихся, относятся специальные лексические упражнения, которые можно и необходимо использовать при изучении всех разделов языка. Это упражнения на подбор синонимов, на подбор антонимов, на различение значений одного и того же многозначного слова в разных контекстах, на группировку слов по тематическим признакам и т.п.

Работа над синонимами, антонимами, омонимами. Учащиеся практически знакомы с понятиями синоним, антоним, омоним в начальной школе. Поэтому при изучении этих понятий в V классе учителю следует опираться на имеющиеся у учащихся знания и умения, а также на сведения, полученные в начальных классах [Бабаев, 2005].

В результате анализа нескольких примеров (например, *КIватI авуна чна гуж, къуват, эцигна лап вири къудрат* (А.Ф.) «Собрали мы силу, мощь, привлекли все могущество») учащиеся приходят к выводу:

Синонимы – это слова, обозначающие одно и то же понятие, явление действительности, но отличаются оттенками значений. Например: *Сив, клуф, тIши* «рот»; *эгечIун, башла-мишун, гатIунун* «начать» и др. Однако они называют одно и то же по-разному – или выделяя в называемом предмете различные его стороны, или характеризуя этот предмет с различных точек зрения. Синонимы составляют пары или ряды слов, объединенных общим значением, возглавляет ряд основное (главное, доминирующее) слово.

Для более глубокого осмысления синонимов привлекается ряд упражнений. Система практических упражнений с синонимами складывается примерно из следующих элементов:

а) распознавание синонимов в читаемых текстах, объяснение значений и особенно оттенков значений, различий между словами-синонимами;

б) подбор синонимов к словам;

в) активизация синонимов, т. е. использование в связной речи;

г) исправление речевых ошибок (неудачное употребление слов), замена слова синонимом, более уместным в данном тексте.

Работа над синонимами побуждает у учащихся интерес к слову, активизирует их познавательную деятельность и повышает качество знаний.

Изучение антонимов, как и в случае с синонимов, лучше начинать, опираясь на сведения и знания, которые выработались у учащихся в начальных классах.

Антонимы – это слова с противоположным значением. Например: *къакъан* «высокий» - *асклан* «низкий», *югъ* «день» - *йиф* «ночь», *вине* «наверху» - *агъада* «внизу».

В своей краткой беседе учитель объясняет, что антонимы используются в речи для контраста, для построения антитезы. Контрастные картины, поставленные рядом, воспринимаются ярче. Резкий переход от света к тени, от веселья к печали затрагивает чувства человека. Не случайно так много пословиц построено на антонимах (например, *Цав къакъан я, чил – дерин* «Небо высоко, земля - глубоко». *Чил чулавди я, фу – лацуди* «Земля черная, а хлеб – белый» и др.), а народные сказки содержат, как правило, противопоставление добра и зла, красоты и безобразия, ненависти и любви, правды и лжи.

Внимание учащихся обращается на то, что антонимы всегда относятся к одной и той же части речи. Менее всего антонимия характерна для существительных. Чаще всего в антонимические отношения вступают имена прилагательные, глаголы и наречия. Антонимичными могут быть как отдельные слова, так и словосочетания.

При изучении антонимов на уроках лезгинского языка учащиеся пополняют свой словарный запас словами с противоположным значением и учатся употреблять их в связных высказываниях.

Работа с антонимами, как и с синонимами, начинается с анализа художественного текста, но затем вводятся и специальные упражнения:

а) подбор антонимов к данным словам (например, *хъуьтуьл* «мягкий» - *хъукъвай* «черствый (о хлебе);

б) составление предложений с антонимами, точнее – с парами антонимов (*Дустни душман ваз чир хъухъ* «Ты знай друга и врага»);

в) замена антонима в данных предложениях (*Къуър яваидиз катзава* «Заяц медленно бежит» - *Къуър клевиз катзава* «Заяц быстро бежит»);

г) замена данных словосочетаний антонимичными (*мекъи зул* «холодная осень – *чими зул* «теплая осень»;

д) подбор антонимов к многозначным словам (*кайи фу* «сгоревший хлеб» - *кайи рикI* «несчастное сердце»).

Работу над антонимами необходимо вести в течение всего периода обучения в школе.

Основные приемы изучения синонимов могут быть использованы при работе над омонимами. Омонимы совпадают в произношении и написании, но различны по значению. Например: *къаз* «гусь» - *къаз* «зелень, зеленые всходы посевов», *лам* «осел» - *лам* «влажность» и т.д.

Лексическое значение омонимов можно определить только в контексте, например: *УстIарди хъсан къур расна* «Мастер сделал хороший навес» - *Начагъдан сиве къур ава* «У больного во рту сухость» (*къур* «навес» - *къур* «сухость»). Чтобы различать омонимы также следует использовать подбор и сравнения слов: *чIал (шиир)* «стихотворение» – *чIал (лезги чIал)* «язык (лезгинский язык)», *чиг (чиг ич)* «неспелый (неспелое яблоко)» – *чиг (пакаман чиг)* «роса (утренняя роса)».

Усвоение омонимов обеспечивается системой упражнений:

а) определение значений омонимов в текстах;

б) подбор к словам омонимов (например, *чин* «лицо», *экъечIун* «выходить», *алукъун* «упасть») и объяснение их значений;

в) составление предложений с омонимами.

Употребление омонимов в речи способствует обогащению словарного запаса учащихся.

Список использованной литературы:

1. Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. Лезгинский язык. - М.: Академия, 1997.
2. Бабаев В.А. Лезги чIалан методика. – Махачкала, 2005.
3. Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. - Махачкала, 1966.
4. Магомедов Г.И., Мейланова У.А. и др. Методика русского языка в дагестанской национальной школе. – Махачкала, 2004.
5. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. – М., 1980.

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье проводится анализ звукоподражательной лексики даргинского языка. Отмечается, что данная лексика не исследована в исследуемом языке. Они широко распространены и в других дагестанских языках. К данной лексике относятся слова, получившие морфологическое оформление, к которым относятся глаголы, глагольные формы, существительные. Звукоподражания отличаются от других слов особенностями своей семантики. Им характерна эмоциональность и экспрессивность, образность и конкретность. В даргинском языке данная лексика делится на группы: слова, маркирующие звуки, производимые представителями животного мира, слова, маркирующие звуки, которые издает человек, слова, которые маркируют звуки окружающего мира.

Ключевые слова: даргинский язык, звукоизобразительная лексика, дагестанские языки, звукоподражания, семантическая структура, метафоричность.

Звукоподражательная лексика представляет собой один из древних способов словообразования. Она характерна каждому языку. Звукоподражание можно характеризовать как производство лексических единиц посредством фонетического уподобления звукам живой и неживой природы. Существует множество примеров звукоизобразительной лексики в даргинском языке. Приведем примеры: *хъатбяхъес* «хлопать», *гудгудягIбикIес* «кудахтать», *чIивбикIес* «чирикать», *гъямбикIес* «гавкать», *авбикIес* «выть» и т.д. [1].

По существующим мнениям исследователей, данная лексика является базовой, так как звукоподражания есть первые слова, появившиеся в речи человека [5].

Звукоподражательная лексика даргинского языка отличается особой спецификой, которая обусловлена национальной культурой, обычаями, привычками, поведением представителей данного этноса.

Звукоподражательной лексике рассматриваемого языка относятся слова, получившие морфологическое оформление, к которым относятся глаголы, глагольные формы, существительные.

Как уже отмечалось, данные слова широко распространены и в других дагестанских языках.

В исследовательских работах они получили различные названия в терминологическом плане. В ряде работ данную лексику именуют изобразительной, подражательной лексикой, а в некоторых работах их называют ономатопоэтическими словами, звукоподражательными, звукоизобразительными словами.

Во многих языках анализируемая лексика широко распространена, и неплохо изучена, поскольку они богато представлены в лексической системе дагестанских языков.

В лезгинском языке Н.Ш. Абдулмуталибов провел системный анализ данных слов. Он пишет, что «воспроизводя звуки и образы предметов и явлений, они стали названиями самих предметов и явлений» [2, с. 390].

В кандидатской диссертации Э.Б. Айвазовой проведен подробный сопоставительный анализ данной лексики в лезгинском, азербайджанском и английском языках. Автор отмечает, что «перспективным является исследование семантики звукоподражательных слов с учетом языковых факторов, которые формируют их семантическую структуру» [3, с. 3].

В лакском языке в сопоставлении с русским проводится анализ данных слов в работе С.Э. Шамсудиновой. Она считает «в первичной номинации глагольной лексики значительное место занимает и звукоимитизм, что нашло особенно яркое отражение во многих дагестанских языках» [6].

Однако, в даргинском языке данная лексика совсем не исследована.

Звукоизобразительная лексика отличается от других слов особенностями своей семантики. Данной категории слов характерна эмоциональность и экспрессивность, образность и конкретность.

В даргинском языке звукоизобразительную лексику можно распределить по следующим группам:

1. Слова, маркирующие звуки, производимые представителями животного мира: *мябиклес* «мычать», *вадвадбиклес* «звуки, издаваемые удодами», *гьямбиклес* «гавкать», *хлхлибиклес* «ржать», *чливчливбиклес* «чирикать», *гьугьубиклес* «кукарекать» [1].

2. Слова, маркирующие звуки, которые издаёт человек: *хухиклес* «храпеть», *хихиклес* «хрипеть», *шятликлес* «свистеть», *гьегьликлес* «вырывать», *шивкливиклес* «шептать».

3. Слова, которые маркируют звуки окружающего мира: *чляхлдиклес* «течь», *вихдиклес* «журчать», *плянкьбиклес* «стрелять, подражание выстрелам», *тлякьярбиклес* «шум костра, огня», *вянкьбиклес* «стучать» [1].

Звукоподражательная лексика рассматриваемого языка по своей структуре двухкомпонентна: звукоподражательная часть (на ней основная семантическая нагрузка) + модальный глагол (выполняет грамматическую функцию).

Исходя из этого, можно распределить данную лексику по следующим группам:

1). Звукоподражательный компонент + модальный (вспомогательный) глагол: *чяньхьбиклес* «плескаться» - *чяньхь* «плескание» + *биклес* «делаться», *мявбиклес* «мяукать» - *мяв* «мяуканье» + *биклес* «производить, делать».

2). Звукоподражательный компонент + аффикс *-ар/-яр* + *биклес* «делать, производить»: *вянкьярбиклес* «звенеть» - *вянкь* «звон» + *-яр* «словообразовательный аффикс» + *биклес* «делать, производить», *вякьярбиклес* «стучать» - *вякь* «стук» + *-яр* «словообразовательный аффикс» + *биклес* «делать, производить».

3). Повтор звукоподражательной основы + модальный или вспомогательный глагол: *гургурбиклес* – *гур+гур* «повтор звукоподражательного корня» + *биклес* «модальный глагол», *члив-чливбиклес* «чирикать» - *члив-члив* «чириканье» + *биклес* «делать, производить» [1].

В даргинском языке отмечается множество таких слов, в основе которых лежит звукоизображение напряжения, растяжения, сдавливания, натяжения. В таких словах выражена экспрессивность, физическое усилие, напряжение мышц гортани. Чаще всего они образуются с использованием абруптивов *ч1, кь, к1, кь, хъ, п1*: *пац1* «шмяк», *пяит1* «хихиканье», *плагъ* «треск», *чямхъ* «шлеп», *плакъ* «хлоп», *тлякъ* «треск», *вянкъ* «стук», *зянхъ* «звон» [1].

В семантике большинства звукоподражательной лексики присутствует метафоричность, образность: *пурф* «фырканье» - *пурфиклес* «недовольно фыркать». Чаще такие слова и выражения используют для характеристики человека и его действий. Подражание звукам природы, голосам животных и зверей могут быть использованы в характеристике человека. Сюда же можно отнести все издаваемые человеком звуки в полости рта, носоглотке, в горле. Их называют «отпечатками сопутствующих звуков, издаваемых голосовыми органами человека при различных настроениях и обстоятельствах» [4, с.4.].

У человека возникают всевозможные представления, которые связаны со звуками, издаваемыми различными животными, птицами или насекомыми. Очень часто в коммуникативном процессе возникают ситуации, когда человек в процессе речи издает некоторые звуки, либо непроизвольно, либо намеренно. В связи с этим возникают множество ассоциаций, напоминающих те или иные звуки живой или неживой природы. Это способствует возникновению положительной или отрицательной оценки в характеристике человека. Все зависит от возникших ассоциаций. При положительных ассоциациях человек получает положительную оценку, а при отрицательных - человек получает негативную оценку.

По месту образования составляющих звуков данные слова в даргинском распределяются на следующие виды:

а). Носовые: *магьмагь* «призыв собаки», *ну-ну* «гнусавить».

б). Ротовые: *ч1яш* «шипение жаровни», *чиши* «шипение воды», *п1язз* «звук шмеля», *урфф* «фырканье».

в). Горловые: *хур1* «глоток», *хур* «храп», *хир* «хрип» [1].

Проведенный анализ показал, что звукоподражательная лексика малоизученный пласт даргинского языка. Она достаточно широко распространена в языке, распределяется на различные семантические и структурные группы.

Список использованной литературы:

1. Абдуллаев З.Г. Даргинско-русский словарь. - Махачкала, 2017.
2. Абдулмуталибов Н.Ш. В помощь учителю: звукоподражательные слова в лексике лезгинского языка // "Экономика и социум" №3(12) 2014. - С.389-394.
3. Айвазова Э.Б. Морфологические особенности и структура звукоподражательных слов в разноструктурных языках // Кавказский лингвистический журнал. Выпуск III – IV. - Махачкала, 2010. - С. 9-13.
4. Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии. - Казань, 1918.
5. Садовникова А.Г. Ономапопья: особенности и актуальность // Молодой ученый. 2016. №21. - С. 1020-1022.

6. Шамсудинова С.Э. Роль звукоподражания и звукосимволики в первичной номинации глаголов (на материале лакского языка с параллелями из русского языка) //Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 198-200.

Ильясов М.В.,
к.ф.н., доцент ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ДИБГАЛИКСКОМ ГОВОРЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

В дибгаликском говоре муиринского диалекта и в литературном даргинском языке личные формы повелительного наклонения оформляются с помощью суффиксов *-ина, -айа, -а*. В исследуемом говоре данное наклонение формируется посредством аффиксов *-ин, -ина*, соответствующим *-ен, -еная* литературного языка, ср.:

Дибгаликский говор	Лит. язык	
<i>асса</i>	<i>аса</i>	«возьми»
<i>ассая</i>	<i>ассайа</i>	«возьмите»
<i>касса</i>	<i>каса</i>	«бери»
<i>касайа</i>	<i>касайа</i>	«берите»
<i>вашин</i>	<i>вашин</i>	«ходи»
<i>багIина</i>	<i>багIеная</i>	«посейте»
<i>учин</i>	<i>беркен</i>	«съешь»
<i>дучина</i>	<i>беркеная</i>	«съешьте»
<i>айссин</i>	<i>кайсен</i>	«бери»
<i>айссина</i>	<i>кайсеная</i>	«берите»
<i>учIин</i>	<i>учIен</i>	«читай»

1. Приведем фразовые примеры:

2. X1y чакколи учIин– лит.X1y жагали учIен «Ты красиво читай»

3. X1уни арц айсин – лит. X1уни арц кайсен «Ты бери деньги».

4. В даргинском литературном языке повелительным наклонением считаются глагольные словоформы, представленные суффиксами *-а, -и, -ен, -ян, -аба* и выражающие повеление или побуждение к совершению действия, ср.: *учIен* «читай», *аса* «возьми», *вакIи* «приходи» и т.д.

5. Использование данных суффиксов в повелительном наклонении подчиняется определенным законам.

6. Форма повелительного наклонения дибгаликского говора муиринского диалекта образуется от глагола совершенного вид на *-иб*, *-уб* путем прибавления к форме желательного наклонения *-я*

7. *Баркьиб* - *баркья* «сделай», *буциб* - *буца* «держи»

8. *Бяхъяб* - *бяхъя* «ударь», *бургIяб* - *бургIя* «сломай»

9. В тех переходных и непереходных глаголах дибгаликского говора, где форма 3-го лица простого прошедшего совершенного оканчивается на *-ур*, а также в тех непереходных глаголах, где форма 3-го лица простого прошедшего совершенного оканчивается на *-иб* или *-уб*, форма повелительного наклонения образуется путем прибавления к форме желательного наклонения суффикса *-и*:

10. *Айцур* - *айци* «вставай», *багьур* - *багьи* «узнай»

11. *ВачIиб* - *вачIи* «приходи» и т.д.

12. Суффикс *-аба* в *говоре* употребляется по отношению ко 2-му лицу, когда ему повелевается совершить действие по отношению к 1-му лицу:

13. Ну хIуни ватаба «ты меня оставь»

14. Ну хIуни велкIаба «ты меня запиши»

15. Ну хIуни ваххаба «ты меня накорми» и т.д.

16. Когда повелевается 2-му лицу во множественном числе, чтобы оно заставило совершить действие 1 лица, к суффиксу *-аба* прибавляется *-я* в дибгаликском говоре ср.:

17. Ну хIушали ватабая «вы меня оставьте»

18. Ну хIушали чараркьябая «вы меня возвращайте»

19. Ну хIушани ваххабая «вы меня накормите» и т.д.

20. Когда действует 2 лицо во множественном числе, к суффиксу каузативного повелительного наклонения *-акья* в *говоре* присоединяется *-я*, а к суффиксу *-ихъхъин* присоединяется *-ая*: *даракья* *диркьихъина* «делайте», *дихъхъина* - *дихъхъина* «несите»

21. Таким образом, во множественном числе повелительное наклонение образуется путем прибавления к формам повелительного наклонения единственного числа суффиксов *-я*, *-ая*, *-рая*. [Кадибагамаев, 1999: 34] Если же основой иметь в виду не формы повелительного наклонения единственного числа, а форму желательного наклонения, то суффиксами повелительного наклонения множественного числа следует считать: *-(а. я)я*, *-ирая*, *-(е. я)ная*, *-абая*, *-ахъя*. *-ахъеная*.

22. В современном даргинском языке значение повелительного наклонения выражается еще междометными словами и формой инфинитива, ср.: *тIау!* «стоп!», «остановить!», *читI!* «брысь», «убирайся!» (кошке), *лукIес!* «писать!» и т.д. [Ильясов, 2017: 45]. Выражение повеления при помощи междометных слов следует отнести в область пережиточных явлений языка. Употребление же инфинитива в значении повелительного наклонения для даргинского языка является инновацией, возникшей под влиянием русского языка, ибо оно обычно встречается в переводной с русского языка литературе.

Список использованной литературы:

1. Кадибагамаев А.А. Сравнительная морфология даргинского языка. -Махачкала, 1999.
2. Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. – М.-Л.,1959.
3. Ильясов М.В. Фонетические и морфологические особенности цураинского говора даргинского языка. - Махачкала, 2017.

Ильясов М.В.,

к.ф.н., доцент ДГПУ им. Р.Гамзатова

(Россия, Махачкала)

ОСОБЕННОСТИ НАРЕЧИЯ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ЧАСТИ РЕЧИ

Даргинский язык до сих пор не располагает научным определением наречия как части речи. Разряды наречий, их образование и функции - вот три направления - исследования, три аспекта, господствующие до сих пор не только в даргинском языке, но и в других дагестанских языках вообще. Первые языковедческие исследования дагестанских ученых всецело были подчинены интересам школьного обучения, создания учебников и методических пособий, соответствующих программам. Они создавались под влиянием программ для русских школ. Таким образом, к наречиям были отнесены классы слов, отвечающие на вопросы где? когда? как? и выполняющие в предложении обстоятельственные функции, объединяющиеся определенной системой словообразования и категориальной общностью.

В своих основных параметрах наречие даргинского языка как часть речи повторяет все основные характеристики, присущие этому классу слов в русском языке. Но имеются такие признаки, по которым даргинское наречие принципиально противопоставляется, в первую очередь, наречию русского языка. А для выявления отличительных признаков даргинского наречия от аналогичных классов слов в других дагестанских языках нужны сравнительно-сопоставительные исследования общedaгестанского материала в типологическом плане. Перспективность таких исследований в их актуальность несомненны.

Наречия современного даргинского литературного языка по их функционально-семантическим особенностям объединяются в две группы: обстоятельственные и определительные [Темирбулатова, 1986: 103].

Обстоятельственные наречия делятся на следующие семантические группы: пространственные, временные, причинные и целевые.

Пространственные наречия. В даргинском языке пространственные наречия обозначают место совершения действия или указывают на направление движения в пространственной ориентации по отношению к референту. Отвечают на вопросы: чина? «куда?», чинаб? «где?», чинад? «откуда?». Основной особенностью пространственных наречий в даргинском языке является абстрактность их значений.

В исследуемых нами диалектах даргинского языка в большинстве наречий места имеются фонетические изменения.

Наречия времени. Все наречия даргинского языка отвечают на вопросы *мурт?* «когда?», *сецадхли?* «до каких пор?». Например: *жягIял* «завтра», *савли* «утром», *даг* «вчера», *бахъхли* «долго», *бархIехъ* «вечером», *гъанна* «сейчас» и т. д.

В даргинском литературном языке и в диалектах существует множество временных наречий, образованных от имен, выражающих отрезки разных времен года, дня. Например: лит. *дуги* «ночью», кайт. *дуччи*, куб. *дуччили*, ицар. *дуччи*, чирах., амузг. *дуччи*; лит. *ирни* «в прошлом году», кант, *ирнигли*, пиар, *иргил*, чирах., амузг. *иргли*.

В составе временных наречий различаются частные разновидности различных наречий с конкретными значениями. Они выражают самую разнообразную временную семантику. По отношению к моменту речи обозначают также время, как: лит. *гъалаб* «раньше», кайт. *багъсал*, куб. *икъле*, пиар, *салаб*, чирах. *вандиял*, амузг. *салаб*; лит. *гъанна* «сейчас», кайт. *гъана*, куб. *кIина*, ицар., *чирах.*, амузг. *гъана*.

По продолжительности: лиг. *бахъхли* «долго», кайт. *бахъинна*, куб. *бахъе*, ицар., *чирах.*, амузг. *бехъе*; лиг. *гъачам* «однажды», кайт. *сакъ*, куб. *сукъ*, ицар., *чирах.*, амузг. *цайна*.

По отношению к суточному времени: лит. *гIянручI* «ранним утром», кант, *гъабигра*, куб. *тарбахIла*, ицар. *хъхъарцаб*; лит. *хIерсли* «днем», кайт. *эрилла*, куб. *ирилла*, чирах. *гIарили*, амузг. *гIяридла*.

По отношению к временам года: лит. *хIеб* «весной», кайт. *эвла*, куб. *абдине*, ицар. *жебла*, чирах. *хIяябли*, амузг. *неб*, лит. *яни* «зимой», кайт. *гани*, куб. *гане*, ицар. *гани*, чирах. *ганили*, амузг. *ганижнб*.

По отношению к годам: лит. *ишдус* «в этом году», кант, *идус*, куб. *июс*, ицар. *идус*, чирах. *яндус*, амузг. *яйдус*; лит. *гIурдус* «в следующем году», кайт. *цIилдус*, куб. *гъибадус*, ицар. *цIилдус*, чирах. *гъибадус*.

По отношению к началу и концу действия: лит. *гъаланачиб* «поначалу», кайт. *багъсалсар*, ицар. *багъсар*, чирах. *багъсар*; лит. *ахирлишиб* «в конце», кайт. *ахиржи*, ицар. *ахирци*, куб., *чирах.*, амузг. *ахиржи*.

По последовательности: лит. *гъала-гъала* «сначала», кант, *багъса-багъсал*, куб. *сибга*, ицар. *салациб*, чирах. *сибтали*, амузг. *сибтал*; лит. *кIинайс* «потом», кайт. *чIуйнякъи*, куб. *чIуйнас*, ицар. *кIвинас*, чирах. *чIунайс*, амузг. *кIинас*.

Наречия цели. Если наречия времени и места, образа действия и состояния разнообразны и многочисленны по своему составу и образованию, то наречия цели точно так же, как и наречия причины, составляют небольшую группу. Наречия цели в даргинском языке часто колеблются между наречиями причины и образа действия. Они отвечают на вопросы *сен?* «зачем?», *се багъандан?* «с какой целью?». Например: *масхаралис* «в шутку», *хIязлис* «зря», *вайбаркълис* «назло», *гIябас* «зря» и т. д.

Наречия цели в даргинском языке не имеют закрепившихся форм выражения, т. е. для них нет специальных суффиксов, часто передаются конструкциями, в которых имя существительное стоит обычно в форме дательного падежа [Абдуллаев, 1954: 38].

Примеры показывают, что этот разряд наречий типологически пронизывает все даргинские диалекты, но принципиальных различий от литературных примеров мы и диалектах не обнаруживаем.

Наречия причины. В даргинском языке эти наречия составляют незначительную группу. Указывают на причину, мотив, основание, в силу которых совершается или не совершается действие. Отвечают на вопросы: *сен?* «почему?», *се багъандан?* «из-за чего?».

Основным способом образования наречий причины является следующая конструкция: присоединение суффиксального комплекса -х1ели или сложного суффикса -дешли к различным формам наречий и имен: например: *Халкъла бахъдешли селра барес х1ейубра*. «Из-за того, что очень много народу, ничего сделать не смог»; *Дудеш зяг1ипли калуи*. «Отец больной остался».

Определительные наречия делятся на следующие разряды: наречия характера действия и состояния, наречия степени и количества, наречия определенности и наречия неопределенности.

Наречия характера действия и состояния. Выражение признака глагольного действия — основная особенность семантики наречий этого разряда. Эти наречия чаще всего выступают выразителями признака. В функционально-содержательном плане наречия образа действия как бы носят характер выражения атрибутивности. Эти наречия выражают:

Чувственное состояние: *разили* «весело», *паиманиш* «грустно» и т. д.

1 Состояние целостности: *циг1ила* «чуть-чуть», *цабутътпли* «частично»;

2. Вес: *кункли* «легко», *дек1ли* «тяжело»;

Скорость: *хъярхъли* «срочно», *гъалакли* «быстро», *багълалн* «медленно»; отвечают на вопросы *сеи-сен?* «как?», «секъяйда? «каким образом?».

Большинство наречий образа действия образовано с помощью суффиксов -ли/-ни. Например: *разили, азадли, шадли, паиманни, диг1янни* т. д.

Результаты сравнения показывают, что в даргинских диалектах данные наречия подвергаются незначительным изменениям и эти изменения носят фонетический характер.

Наречия степени и количества. Данные наречия выражают счет, меру, степень и распределение. Отвечают на вопросы *сецад?* «сколько?», *чуйна?* «сколько раз?». Например: *х1яйна* «трижды», *ав-авли* «по-четыре», *к1иркали* «вдвойне». Часто они употребляются в парных и удвоенных сочетаниях, и тогда второй компонент присоединяет суффикс -ли: *кам-камли* «маловато».

Наречия определенности. К наречиям определенности относятся следующие наречия: *чина-дигара* «куда угодно», *чинаб-дигара* «где угодно», *чинабалра* «везде» и т. д.

Как видим из примеров, данные наречия по своей структуре сложные. В большинстве своем они состоят из наречий и частиц.

В исследуемых диалектах определительные наречия не подвергаются каким-либо изменениям. Например: лит. *чум-биалра* «сколько-нибудь», кант, *чум-бигълра*, ицар. *чум-бегълра*; лит. *се къасли-биалра*, «с какой-нибудь целью», кант, *ци къасли би-гълра*, ицар. *ци къасли бегълра*.

Наречия неопределенности. В даргинском языке имеются наречия, указывающие на неопределенное место, время, качество, степень признака, неопределенный образ действия. Например: *чинарил* «куда-то», *чинабрил* «где-то», *чумал* «сколько-то», *муртрил* «когда-то», *мурт-биалра* «когда-нибудь» и т. д. Примеры показывают, что принципы образования наречий неопределенности в исследуемых диалектах и в литературном языке общие.

Список использованной литературы:

1. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык, Т.11. Морфология. - М., 1993
2. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка. Фонетика и морфология. - Махачкала, 1952.
3. Мусаев М.-С.М. Даргинский язык. – М., 2002.

Исрафилов Н.Р.,
к. ф.н., доцент ДГПУ
(Россия, Махачкала)

Маллаева С.Д.,
к. ф.н., доцент ДГПУ
(Россия, Махачкала)

ЭТАПЫ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИКИ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА ЗАИМСТВОВАННОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

Словарный состав постоянно пополняется новыми лексическими единицами, поскольку возникает с одной стороны необходимость вербального обозначения новых явлений и процессов, новых предметов и признаков, новых отношений и ситуаций. Вследствие чего в языке и появляются группы слов, которые бывают доступными первоначально лишь ограниченному кругу лиц и не имеют широкого распространения в речи. Такие слова, носящие отпечаток новизны входят в пассивный словарный фонд.

«Существовавшие в глубокой древности военно-политические, культурно-экономические связи между Дагестаном и Ираном оставили свои следы в языке и материальной культуре Дагестана. Это нашло свое отражение, в частности, в системе религиозных понятий среди части дагестанского населения» [4, с. 18].

В древние времена в ряде восточных стран, персидский язык завоевал себе право литературного языка. Персидский язык, на котором была написана богатая литература, был хорошо известен не только в ученых кругах Средней Азии, Азербайджана и Дагестана. Это видно из произведений дагестанских поэтов живших и творивших до революции.

Начиная с VII в. после появления арабов в Южный Дагестан, заметно усиливается влияние арабского языка на агульский язык.

С принятием ислама в Дагестане арабская культура стала оказывать существенное влияние на духовную жизнь горцев. Хотя арабским языком владела определенная часть

высшего духовенства, интенсивному пополнению лексики агульского языка арабизмами способствовали не только перевод письменности на арабскую графику, но и обучение арабской письменности в духовных школах – мактабах и медресе.

В середине XI века территории Азербайджана и Дагестана подвергались нашествию тюркоязычных племен, возглавляемых династией Сельджуков. «За два столетия господства сельджуков и хорезмшахов турецкий язык распространился широко как в Азербайджане, так и в Дагестане. При монголах турецкие племена снова наводнили страну». Приход и оседание на этих территориях на протяжении VII – XI веков компактных масс тюркоязычных племен привели к вытеснению древних местных языков турецким языком. Уже к XI – XIII вв. ставшим разговорным языком коренного населения [1, с. 11].

После присоединения Дагестана к России возникли объективные условия, которые способствовали сближению дагестанского народа с русским. Это привело к пополнению агульского языка русскими заимствованиями, обозначающими новые предметы, явления, понятия. Тем самым, по мере развития агульского языка, а также агульско-русского двуязычия все искусственно введенные в агульский язык восточные слова стали плавно заменяться заимствованиями из русского языка, которые широко распространились в языках народов Дагестана.

Укрепление непосредственных связей русского и дагестанского народов, которые имели не только культурные, торгово-экономические, но и политические отношения привело к тому, что русский язык, стал языком межнационального общения в Дагестане.

«Словарный состав языка находится в непрерывном движении и развитии. Происходящие в нем изменения являются живым отражением тех перемен, которые наблюдаются в общественно-политической, экономической, научно-технической и культурной сферах жизни народа» [1, с.108].

В истории агульского языка ясно видны два этапа пополнения лексики заимствованными словами. Первый этап, когда агульский язык заимствовал слова в основном из восточных языков: арабского, персидского, тюркских и из русского языка до 1917 г. Этот этап охватывает историческую эпоху.

Второй этап начинается после Октябрьской революции 1917 г., когда агульский язык и заимствовал главным образом через русский язык. Разумеется, оба периода отличаются друг от друга как по характеру самих заимствованных слов, так и по способу их проникновения.

Все проникшие в агульский язык до революции русские слова связаны с административно-политическими мероприятиями, проводимыми царизмом в Дагестане, и отражают особенность той эпохи: *укруг* «округ», *закун* «закон», *суд* «суд», *пирказ* «приказ» и др.

Однако массовое проникновение русизмов в агульский язык наблюдается только при Советской власти. Октябрьская революция в корне изменила старый уклад жизни народов Дагестана. Возникли новые политические и экономические условия, способствующие развитию культуры и языков Дагестана. Создание новой письменности на основе русской графики, который стал языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР,

– все это послужило причиной интенсивного проникновения русских слов в агульский язык.

Бурный процесс заимствования русских слов агульским языком объясняется и тем, что последний находится еще на стадии становления письменного литературного языка. Чтобы выразить новые понятия современной научной, экономической и культурной жизни, приходится прибегать к помощи русского языка, роль которого особенно велика в условиях многоязычного Дагестана, где он служит средством общения людей, принадлежащих к различным народностям, для многих стал вторым родным языком. Проникновение русских слов в агульский язык происходит в результате экономического и культурного сотрудничества. Например: *мобильник, компьютер, пресса, терапевт, молотилка, страховщик, хоккей, атлас, фестиваль, реформатор, вирус, ваучер, презентация, менеджер, бизнес, кредит, коммерсант, сайт*, и др.

Список использованной литературы:

1. Дудников А. В. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1990.
2. Омарова С.И. Теоретические проблемы дагестанской лингвистической терминологии. – Махачкала, 1997.
3. Селимов А.А. Вопрос о происхождении народов лезгинской группы и их языков / Словарь ориентализмов лезгинского языка. – Махачкала: ДГПУ, 2001.
4. Шейхов Н. Персидские лексические элементы в лезгинском языке. – Махачкала: Даг. филиал АНССР ИИЯ, 1973.

Исрафилов Н.Р.,
к. ф.н., доцент ДГПУ
(Россия, Махачкала)

Гаджиев Н.Г.,
к. ф.н., доцент ГУП
(Россия, Москва)

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАРЕЧИЙ В АГУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена образованию наречий в агульском языке. Наречия в агульском языке образуются суффиксацией и сложением основ. Суффиксальный способ образования наречий в агульском языке является основным. Наречия в агульском языке также делятся на разряды: образа действия, места, времени, количественные, вопросительные, причины, степени.

Ключевые слова: агульский язык, диалект, наречие, суффикс, послелог.

Большинство наречий в агульском языке образуется от прилагательных при помощи различных суффиксов. Во всех диалектах и говорах агульского языка, наречия образуются от прилагательных при помощи суффикса *-ди*, если последнему предшествует сонорный согласный: *батIарф* «красивый» – *батIарди* «красиво», *джагварф* «белый» – *джагварди* «бело», *ухъттанф* «хороший, красивый» – *ухъттанди* «хорошо, красиво» и т.д.

Некоторые из слов отступают от данного правила. Такие слова как «ветхо», «черно» присоединяют суффикс *-и*, вместо ожидаемого *-ди*: *цлурепф* «ветхий» – *цлур* «ветхо», *кларепф* «чёрный» – *клари* «черно». В кошанском диалекте в этом случае представлен суффикс *-ей*: *цлуред* – *цлурей*.

В тех случаях, когда наречному суффиксу предшествует не сонорный согласный в диалектах и говорах агульского языка мы имеем разнообразие формантов: в собственно агульском, керенском, гехюнском диалектах, хпюкском и цирхинском говорах – *-и*, кошанском – *-ей* и фитинском говоре – *ид*, которые в конечном счёте восходят к *-ди*.

Примеры: соб. аг., кер., хп., гех., цир. *мучлеф* «тёмный» – *мучли* «темно», кош. *мучлед* – *мучлей*, фит. *мучлит* – *мучлид*;

соб. аг., кер., хп., гех., цир. *гъазепф* «зелёный» – *гъази*, кош. *гъазед* – *гъазей*, фит. *гъазит* – *гъазид*.

Наречия от существительных образуются в описываемом диалекте также при помощи суффикса *-ди* (→ *-тти*): *йагъ* «день» – *йагъди* «денно, целый день», *глуш* «ночь» – *глуштти* (← *глушди*) «целую ночь, в продолжении ночи».

Ряд наречий в агульском языке, образуется от имён существительных при помощи суффикса *-ис*: соб. аг. *цул* – *цулис*, *лурд* – *лурдис*, *глул* – *глулис*; кер. *цул* «осень» – *цулис* «к осени», *къ'урд* «зима» – *къ'урдис* «к зиме», *глул* «лето» – *глулис* «к лету».

Суффикс *-ис*, очевидно, является заимствованным из лезгинского языка. Ср. лез. *зул* «осень» – *зулуз* «осенью», *къуьд* «зима» – *хъуьтлуьз* «зимой», *гатфар* «весна» – *гатфариз* «весной». В отличие от агульского языка, в лезгинском языке сфера употребления данного аффикса шире: он употребляется в лезгинском языке и там, где в агульском применяется суффикс *-уд* (→ *-уй*):

соб. аг., хп., гех., цир. *луш* – *лушуй*, кер. *глуш* «ночь» – *глуши* (← *глуший*) «ночью», фит. *уьхь* – *уьхьуйд*;

соб. аг., кер., хп., гех., цир. *йагъ* «день» – *йагъуй* «днём», кош. *йагI* – *йаглуй*, фит. *йагъ* – *йагъуд*, ср. лез. *йиф* «ночь» – *йифиз* «ночью», *йугъ* «день» – *йикъуз* «днём».

Посредством суффикса *-ана* от имён существительных образуются наречия, которые выражают времена года: соб. аг., кер. *цул* «осень» – *цулана* «осенью», *хьид* «весна» – *хьидана* «весной» (ср. кош. *ширквар* «весна» – *ширквара* «весной», фит. *хьитуквар* «весна» – *хьитквара*);

соб. аг., хп. *лурд* – *лурдана*, гех., цир. *лард* – *лардана*; *глул* «лето» – *глулана* «летом»;

кер., кош., фит. *къуьрд* «зима» – *кърдана* «зимой».

Наречия в агульском языке образуют следующие разряды:

Наречия места: *миса(ь)* «здесь», *тиса(ь)* «там», *гиса(ь)* «там (внизу)», *лиса(ь)* «там (наверху)», *гьатиса(ь)* «вон там», *гьагиса(ь)* «вон там (внизу)», *гьалиса(ь)* «вон там (наверху)».

Наречия места могут иметь весь набор парадигматических форм местных падежей: *миса-л*, *миса-хь*, *миса-гI*, *миса-в* и т.д.

Наречия времени. Наречия времени различаются по диалектам и говорам агульского языка. Значительные расхождения, в сравнении с другими диалектами и говорами, имеют наречия кошанского диалекта и фитинского говора:

кер. *эбкъаналди* «до обеда», соб. аг. *абкъаналди*, хп. *абкъаналди*, гех. *авкъаналди*; цир. *авкъаналди*, кош. *нисихІан*, фит. *абкъан гагъ хъагана*;

кер. *эбкъанис* «в полдень», соб. аг. *абкъанис*, хп. *абкъанис*, гех. *авкъанис*, цир. *авкъанис*, кош. *йикъ 'йагІуй*, фит. *абкъанас*;

кер. *багайми* «утром», соб. аг. *багаами*, хп. *багагъми*, гех. *багагъмири*, цир. *багагъмири*, кош. *гъимингана*, фит. *гъидахІанди/гъидахІандис*;

кер. *багаймикес* «с утра», соб. аг. *багагъмикес*, хп. *багаймикес*, гех. *багамирикес*, цир. *багамирикес*, кош. *гъиминхав(гъмикес) гъмиккестти*, фит. *гъидахІандиккес*;

кер. *багаймихав* «с завтрашнего дня», соб. аг. *багагъмихаб*, хп. *багагъмихав*, гех. *багагъмирихав*, цир. *багагъмирихав*, кош. *сакванихъас хав*, фит. *саквандихаб*;

соб. аг., кер., хп., гех., цир. *багагъ* «утром», кош., фит. *саквана*;

кер., хп. *багаймилас хав*, тп. *багагъмилас хаб*, гех., цир. *багагъмирилас хав*, кош. *гъминхав*, фит. *гъидахІанди хаб* «после утра»;

соб. аг. *са арайлас*, кер., хп. *са арайлас*, гех., цир. *са арагилас*, фит. *са арадилас* «через некоторое время»;

кер., тп., хп., гех., цир., фит. *ттиъ*, кош. *итти* «в этом году»;

соб. аг., фит. *хабди*, кер., хп., гех., цир., кош. *хавди* «после, затем»;

соб. аг., кер., хп., *хуптай*, гех., цир. *хъани*, кош. *хав*, фит. *хаб/хъа* «потом»;

соб. аг., кер., хп., гех., цир., фит. *хъайагъа*, кош. *сарайи* «послезавтра»;

соб. аг. *сайе йагъа*, кер., хп. *сайагъа*, гех., цир. *сайа йагъа*, кош. *йарайи*, фит. *сайи йагъа* «после послезавтра»;

цац «в прошлом году»;

соб. аг. *удигъан иса*, кер., хп. *уьден иса*, гех. *уригъ иса*, цир. *уригъан иса*, кош. *илагъ истти*, фит. *инагъ иса* «позапрошлом году»;

соб. аг., кер., хп., гех., цир., фит. *мучІинан гагъ*, кош. *мучІе гІвайи гагъ* «сумерки»;

Вопросительные наречия:

соб. аг., кер., хп. *нандиъас?* гех., цир. *нандирас?*, кош. *нантІас?/нандиъас?*, фит. *нантІас?* «откуда?»;

мус? «когда?»; *фас?* «почему?», «зачем?»;

соб. аг., кер., хп. *найч?*, гех., цир. *найич?*, кош. *ненди?* «куда?»;

соб. аг., кер., хп., гех., цир., фит. *фидахІан?*, кош. *фахІан?* «сколько?»;

соб. аг., кер., хп., гех., цир., кош. *нанди?*, фит. *нантІ?* «где?».

Наречия степени:

лап «очень», «весьма»;

соб. аг., хп., гех. *Іайи*, кер., цир., фит. *къейи*, кош. *чІирей* «очень», «слишком»;

соб. аг., кер., хп., гех., цир. *цІуппи*, кош. *цІуббей*, фит. *цІиппи* «крепко, сильно».

Наречия причины:

соб. аг., хп., фит. *хъуьлаъас*, кер. *хъуьлас*, гех., цир., кош. *хъялаъас* «назло»;
соб. аг., кер., хп., гех. *къасустти*, цир., кош., фит. *къасусттира* «нарочно».

Наречия-последлоги:

соб. аг., кер., хп. *удигъ*, гех., цир. *уригъ*, кош. *илагъ*, фит. *инагъ* «вперед»;

соб. аг. *къабахъ*, кер., хп., фит. *хуппахъ*, гех., цир., кош. *хавахъ* «сзади, позади»;

соб. аг., кер., гех., цир., хп., кош. *вархал*, фит. *варха* «далеко»;

соб. аг., гех. *кІанакк*, кер. *кІенекк (кІенек)*, цир., фит. *кІенакк*, хп. *кІенек*, кош. *айикк/кІеникк* «внизу»;

кер., тп., гех., цир. *багулив*, хп., фит. *багулиф*, кош. *буглив* «рядом»;

варттал «наверху»;

кер., цир., фит. *гъанаъ*, тп., хп., кош., гех. *гІанаъ* «внутри»;

кер. *арай*, тп., хп., гех., цир. *арайиъ*, кош. *йикъанагІ / арайи*, фит. *арадиъ / йукъуьнаъ* «между».

«Наречия-последлоги изменяются соответственно местным падежам» [Магометов, 171]: *удиг*, *удигъас*, *удигъди*; *багулив*, *багулилас*, *багулилди*.

Способы образования наречий по диалектам и говорам агульского языка имеют различия. Так, например, наречие-последлог *хъибел* «ниже», «на низине», имеющий применение в керенском диалекте, а также в фитинском и хпюкском говорах, образован по аналогии наречий-последлогов *варттал* «наверху», *гъавал* «на высоте» и др. В других диалектах и говорах мы имеем другую лексему: соб. аг., гех., цир. *адиъ*, кош. *исвади/айиккди*.

В диалектах и говорах агульского языка для выражения наречия времени «вечером» употребляются различные варианты одной и той же лексемы: соб. аг. *гІубахъми*, гех. *хІавахъис*, цир. *хІавахъди*, кош. *хевехъди*, фит. *хебухъис*.

Список использованной литературы:

1. Дирр А.М. Агульский язык (грамматический очерк, тексты, сборник агульских слов с русским к нему указателем). – Тифлис, 1907.
2. Исрафилов Н.Р. Фитинский говор агульского языка. - Махачкала: Изд-во, ДНЦ РАН, 2013.
3. Магометов А.А. Агульский язык (Исследование и тексты). - Тбилиси: Мецниереба, 1970.
4. Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. – Махачкала, 1993.
5. Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. - Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1994.
6. Шаумян Р. Грамматический очерк агульского языка. - М.–Л., 1941.

Мурадова Д.М.,
к.ф.н., доцент ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)

ЛИТЕРАТУРИЯБ АВАР МАЦАЛДА ЖАНИБ СИНОНИМАЛ ЛЪУГЪИНЕ РУГЕЛ РЕСАЛ

Авар мацалда синонимал лъугиналъе батли-батлиял ресал руго.

Нилъер каламалъулъ синонимал рихиялъе аслиял гиллаби ккола инсанасда жиндаго цереккунго лъалел сверухъ бугеб глабиглаталъул предметазулъ цли-цлиял хасиятал рати, гъел предметазул хлакълъулъ лъай гъарид гъабизе бокъи. Гъединаб мехалда инсанас предметазул цлиял хасиятазда, цлидахъе загъирлъарал гъезул гламатазда цли-цлиял магна глагарал цларал къезе ях1 бахъула. Масала: г1урус мацалда: *мир, вселенная, мироздание, авар мацалда: г1акълу, лъай; г1алам, халкъ, къавм, махлукъат, умат, инсаният, агълу.*

Щибаб синонималъ раг1ул аслиб магналялъул цо кинаб бугониги рахъ бихъизабулеб буго.

Бищун г1емер синонимал мацалда раккула, кинабг1аги мацалъул бечедаб цебет1ураб морфологияб г1уци буклиналдалъун. Авар мацалъулин абун, бокъараб мацалде данде ккун бечедаб морфологияб г1уци буго. Гъедин лъугъарал руго г1емерисел грамматикиял синонимал:

Рес гъеч1ев – ресукъав;

Рет1ел гъеч1ев – рат1ликъав;

Лъим гъеч1ого – лъекъ;

Квен гъеч1ого – кваникъ;

Гъединалго лъугъуна глаголалъул буголъиялъул ва гъеч1олъиялъул формабазул синонимал:

Гъесие кумек гъабила – гъесие кумек гъабич1ого теларо;

Гъель дуда лъик1аб раг1и бицина – гъель дуда лъик1аб раг1и бицинч1ого теларо;

Мух1амад, мун нижсехъе вач1а – Мух1амад мун нижсехъе вач1инч1ого ч1оге;

1.Лексикиял синонимал лъугиналъе ругел ресазул т1оцебесеблъун ккола маг1арул мацалде, цогидал мац1аздего г1адин, чияр мац1алдасан раг1аби рач1ин.

Масала:

даранчи – купец – базарган;

тукен – магазин;

хъап – къандалъо;

бесдал лъимер – ятим;

хъаг – хъазан;

т1окъо – азбар;

Культура – маданият;

- Маданияб канлъи, культурияб лъай

Киназдаго гьоркъоб бикъулеб дица. (ЦI. ХIамзат)

Дир гьаракъ рагIани версталь тIурулел

*Гьабазул **къавм** буго къватIал сверулеб,*

Цо мун гьулгьудани, гьорлъго тIерхъунел

*Гьванил **уммат** буго базар тирулеб. (ЦI. ХIамзат)*

2.Лексикиял синонимал лъугъине бегъула авар мацIалъул батIи-батIиял диалектазда-сан рагIаби рачIун ва литературияб мацIалъул рагIигун цадахъ гьел хIалтIизарун. Мисаллъе босани, *хъащабги, лайкъабги* абураб кIиго рагIи авар диалектаздасан литературияб мацIалде бачIун *къадараб* абураб рагIуе синонималлъун ккун руго.

щурункъверкъ – цIиликъверкъ;

къадако – жужук;

кеторуз – лаплап;

махIквейш – чIутIузул хер;

кесек – мочIу – къотIел - рекел;

эбел – баба – эбелай;

ханжу – гIатI – хараб

цIум – хъвек – хъвекцIум;

къадараб – хъащаб – лайкъаб

азарав – хIалакъав;

жанавар – гIалхул хIайван;

*- Лъаларо гьедигIан вахIцияб иш гьабулеб мехалда бетIералда тIагъур лъурав **жанаваралъул** рекIелъ щиб букIарабали, амма гIадамаз бищунел букIана щакдариялъ бижараб такъсирчилъи бугилан гьебилан. (П. МуртазгIалиева)*

*Гьедин батани, гьале гьабги босе, -янги абун кIодоца эбелалъухъе бегъула гьитIинабго **чадил кесекги** хIанги. (Ф. ГIалиева)*

*- Рес бугебани, - ян кодобе босараб чадил **режелги**, гьанал кесекги кунго бахъунел букIинчIо гьелъухъан (М. МухIамадов).*

3. Жибго авар мацIалъулги ратула синонимал лъугъине ресал:

Заман – завал – гIуж – мех – ригъ;

Жигаралда – тириго – лебалго – гIанчIго;

Загирлъизе – тIатине;

Заз – хIенчеро;

ГIанхвара – ракъугIункIкI;

Хегаб – гIедераб – гIедегIараб;

ГIажизав – унтарав – сакъатав – гIузруяв гIадал жибго литературияб авар мацIалъул жанисел ресаздасан лъугъарал синонимал магIнаялъул рахъаль цоцадасан рикIкIадал руго. Щибаб хадусеб синонималъул цебесебалде дандеккун батIияб оттенок буго. Масала:

- **Сакъатаб, унтараб** рух1чаголъялда релълуна гъаб инсаният, дир гъудул поручик, абун рокъовги хъвадулаго нахъеги байбихъана гъес, рак1 чух1адго гъасдаги гурх1у (Гларип Расулов)

- Дун унеб буго **кидагоялге**, амма дунялалда гладамазда дун клочене гъеч1о. (П. Муртазг1алиева)

П. Муртазг1алиевалъул асараздасан босараб мисалалъулъ нилъеда бихъула **кидагоялге** абураб раг1и *абадияб, даимаб* абурал раглабазе синонимлъун бук1ин. Гъеб синоним лъугъун буго авторасулаб ц1ияб раг1удалъун, щайгурелъул авар мац1алге гъединаб раг1ул форма хасиятаб гъеч1о.

4. Синонимал мац1алде рач1уна т1оцебесеб иргаялда авар мац1алъул морфологияб г1уц1и ц1акъ бечедаб бук1иналъ, гъелъул бат1и-бат1иял раг1илъугъиналъул ресал рук1иналъ. Дагъистаналъул мац1аздаго гладин авар мац1алдаги г1емерисеб мех1алда кинабг1аги бич1ч1иялге ц1ар лъун батула аналитикияб г1уц1иялдалъун. Гъелъул х1асилалда цо раг1удалъун къураб ц1аргун цадахъ х1алт1изабула аналитикияб формаги. Гъединал синонимазул мисалал авар мац1алда ц1акъ г1емер руго. Масала:

Гленеки – глин т1ами;

Бокъи – хъул лъей – хиял лъей;

Къвакларав – бах1арчияв – беркъай гъеч1ев – х1инкъи гънч1ев;

Халатккун – г1емер мехаль – щинаб мехаль;

Хеккого – кват1ич1ого цо параялда;

Гачигамач1 – гачгъец1о – хъах1гъец1о;

5. Синонимал лъугъиналге г1емер клудияб кумек гъабула ц1ияб раг1и лъугъиналъ.

Г1емер авторасулал ц1иял раглаби лъугъуна гъеч1олъялълъул глагол связка «гъеч1о» абураб форма къокъ гъабун кинабг1аги раг1ул къибилалде жубан, масала: *адабгъеч1, намусгъеч1, ничгъеч1, ях1гъеч1, г1акълугъеч1, бет1ергъеч1*. Гъединал синонимаз инсанасул г1амал-хасияталъул негативияб рахъ бихъизабула. Масала: - Намусгъеч1!! – ян ч1ич1идана гъел. Кин мун намус гъеч1ев нечеч1ев аск1ове вач1ине, адабгъеч1 (Г1. Расулов).

Авар мац1алда синонимал лъугъиналге кумек гъабула экспрессивияб релъен, ай коннотация жидер бугел предметияб ц1аралде наречие жубан лъугъарал моделал. Гъединал синонимазул бук1уна къимат къеялъулаб коннотация, масала: *к1албег1ер, раг1ибег1ер, к1алквеш*.

Гъединалго ккола предметияб ц1аралде т1аде глаголалъул къокъаб форма жубан лъугъарал экспрессивияб маг1наялъул синонимал: *к1ух1ал – рахъухъириц; мискин, гъарим – чвантабагъ; нич гъеч1 – т1асан кланц1*.

Мах1 абураб предметияб ц1ар предметияб ц1аралде жубарал формабазги г1уц1ула синонимал. Масала: *оцмах1ав, ц1енмах1ав, лагъмах1ав*.

Список использованной литературы:

1. Абдулаев М., Сулейманов Я. Авар литературияб мац1. Педучилищеялге учебник. - Мах1ачхъала, 1965.

2. Алиханов З.С. и др. Русско-аварский словарь. - Махачкала, 2003.
3. Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М., 1986.

Саадулаева Р. Щ.,
к.ф.н., доцент ДГПУ им.
Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)

ФУНКЦИИ ПОСЛЕЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Пространственные отношения между различными явлениями и процессами окружающего нас мира находят выражение в языке средствами различных языковых уровней: морфологического, лексического и синтаксического. Объектом исследования в данной статье являются послелого, выполняющие роль средства синтаксической связи между членами предложения и выражающие пространственную семантику в лакском языке.

Послелого в лакском языке соотносятся с падежными формами имен: наращиваясь на падежные формы имен, вносят определенную конкретизацию в обозначение пространственных отношений. Синтаксически связанные с именами, послелого в лакском языке управляют падежом непосредственно или посредством глагола.

В лакском языке послелого, как правило, выражают пространственную семантику и образованы от соответствующих наречий места. Лакский язык располагает небольшим количеством наречий послелогов, что объясняется тем, что в лакском языке наречия играют роль послелогов.

Актуальность данной темы определяется ролью, которую играет проблема выражения пространственных отношений в современных областях лингвистики, таких как: теория речевой коммуникации, функциональная лингвистика, логический анализ языка и др. В данной статье мы постараемся описать и систематизировать некоторые функции послеложных конструкций в лакском языке.

Abstract: Spatial relations between various phenomena and processes of the world around us are expressed in language by means of various linguistic levels: morphological, lexical and syntactic. The object of research in this article is postpositions, which act as a means of syntactic communication between the members of a sentence and express spatial semantics in the Lak language.

Postpositions in the Lak language correlate with the case forms of names: building up on the case forms of names, they introduce a certain concretization into the designation of spatial relations. Syntactically related to names, postpositions in the Lak language control the case directly or through the verb.

In the Lak language, postpositions, as a rule, express spatial semantics and are formed from the corresponding adverbs of the place. The Lak language has a small number of adverbs of postpositions, which is explained by the fact that in the Lak language adverbs play the role of postpositions.

Ключевые слова: Пространственная семантика, лакский язык, послелого, падежные аффиксы, пространство, пространственные словосочетания, локализация, служебные частицы, наречия- послелого, лексика.

Keywords: Spatial semantics, Lak language, postpositions, case affixes, space, spatial phrases, localization, service particles, adverbs-postpositions, vocabulary.

Послелого в кавказских языках, как и предлоги в индоевропейских языках, соотносятся с падежными формами имен: наращиваясь на падежные формы имен, вносят определенную конкретизацию в обозначение пространственных отношений.

Употребление послелогов в именных словосочетаниях - явление, довольно распространенное в лакском языке.

Послелого в лакском языке, выступая в позиции после имен существительных, местоимений, выражают различные грамматические отношения между членами предложения, т. е. выполняют функцию падежных аффиксов, например: *Школалул чIарав оьрчIру тIуркIу тIий бия.* «Возле школы дети игрались».

На буклакисса лу столланий бивхъуссия. «Я положил на(сверху) стол книгу, которую читал».

Исвагъисса мурхъ къатлул хъхъичI ххявххун бия. «Красивое дерево **впереди** дома растет».

Послелого, выполняя роль средства синтаксической связи между членами предложения, и, не являясь самостоятельными членами предложения, не имеют номинативного значения, поэтому они не могут выступать в качестве знаменательных слов словосочетаний, их сочетание со словом считается единым компонентом. Они способствуют более конкретному выражению мысли, раскрывают и уточняют значение местных падежных форм или же вместе со словами, с которыми они сочетаются, образуют семантически новые отношения - пространства, времени, причины, цели. Компоненты послеложного словосочетания объединяют синтаксический тип связи управление. Эти словосочетания состоят из трех слов: первый, зависимый компонент образуют два первых слова, а последнее слово - второй, господствующий компонент. Послелого в них выступают связующими «посредниками» двух полнозначных слов. Они, относясь к именам в различных падежах, употребляемых в разных лексико-грамматических значениях, требуют определенной падежной формы этих имен.

Послелого в лакском языке соотносятся с падежными формами имен: наращиваясь на падежные формы имен, вносят определенную конкретизацию в обозначение пространственных отношений. Синтаксически связанные с именами, послелого в лакском языке управляют падежом непосредственно или посредством глагола.

В лакском языке послелого, как правило, выражают пространственную семантику и образованы от соответствующих наречий места. Лакский язык располагает небольшим количеством наречий послелогов, что объясняется тем, что в лакском языке наречия играют роль послелогов. Наречия-послелого в лакском языке являются служебными словами: они всегда

находятся после управляемого ими существительного, которое стоит всегда в родительном падеже:

Родительный падеж + *ялув* «наверху»

+*лув* «внизу»

+*махъ* «сзади»

+*вив* «внутри»

+*ч1арав* «около»

+*ч1арац1* «рядом»

+*лагма* «вокруг, кругом»,

+*хъхъич1* «вперед»

+*хъирив* «вслед»

+*чулух* «сбоку».

Они употребляются в качестве самостоятельных слов-наречий (в качестве приглагольного определения) и в качестве служебных слов-последлогов.

Оьрч1ру, т1урк1урдугу кьуртал бувну, кьавт1ул лагма лавгуна. «Дети, завершив игру, **окружили** (встали в круг) вокруг костра»;

Куужа буттахъал аьдатурттайн бувну, каругу махъ дирхьуну, кьавт1ун ивзуна. «Старец как полагалось в старину, держа руки **сзади**, вышел в круг и станцевал»;

Нину шардай дуч1аннин ссавур дакъа, ч1ивиоьрч1 хъхъич1ун увккуна. «Не дожидаясь возвращения матери, ребенок не стерпел и отправился **вслед**».

К наречиям-последлогам можно отнести еще служебные частицы: - *куна*, -*ксса*, -*ниях-яр* которые прибавляются к соответствующему падежу для выражения сравнения, например: *Жуч1а ваксса къасса лухччив дакъассар шяраву.* «У нас **таких** такихровных просторов нет в селе»;

Ттуч1а ттуч1анияр гьартасса кьатри бур. «У меня просторнее дом, **чем у тебя**»;

К1инияр инт ххуй дизай ттун. «Летом лучше, **чем зимой**, кажется мне»;

Оьрч1ач1анияр ниттич1а ссавур ца1акьсса дия. «У матери показалось больше, на первый взгляд, **чем у сына**».

«Некоторые последлоги (*вив* «внутри», *лув* «под», *ялув* «на», *ч1арав* «около», *чулух* «сбоку») выражают значения, в общем сходные с теми, которые выражаются местными падежами в их обстоятельственном употреблении.

Однако большинство последлогов, присоединяясь к местным падежам, служат для выражения таких пространственных отношений, которые местными падежами сами по себе слабо выражаются. Таковы последлоги: *лях* «между», *махъ* «сзади», «за», *хъхъич1* «вперед», «перед», *гьанну* «вблизи», *архну* «вдали от», *хъирив* «вслед», «за», *данди* «напротив», *ккур-ккай* «на кончике», *цач1у* «вместе с», *урч1ах* «справа от», *куях* «слева от», *лагма* «вокруг», *дянив* «в середине».

Жулба хъхъич1 бивхьусса масъала ца бур – маз я бувабу! «Задача, стоящая **перед** нами одна – сохранить язык!».

Лажма ургарча, вин ккаккант1иссар оьрмулут т1ааьнишуву! «Если оглянешься **вокруг**,

ты увидишь красоту жизни!».

КъатлучІан гъанну мурхъру бувгъуну бия. «**Вблизи** от дома посадили деревья».

Послелого, дублирующие значения местных падежей, также не вполне совпадают с последними. Так, *ялув* может значить не только «на», но и «над». Однако надо заметить, что для выражения конкретно-локальных отношений все больше начинают применяться послеложные формы, например: *столланил ялув* «на столе», *гъалмахчувнал чІарав* «около товарища», *дустурал дянив* «среди друзей», *дучрал хъирив* «за лошадьми», *оьрчІал лагма* «вокруг детей».

Дустурал дянив рутлан къабучІиссар! «Нельзя сеять рознь **между друзьями**».

Гъалмахтурал чІарав ацІаву буржлувссар гъармудан! «Поддержка (стоять рядом с друзьями) **среди друзей** долг каждого».

Дучрал хъирив лаян бигъасса масъала бакъая. «**За лошадьми** угнаться - не легкая задача было».

В именных словосочетаниях с послелогом можно выделить следующие структурные типы:

1. Словосочетания, выражающие пространственные отношения: *бюхттулсса зунттул хъхъичІ* «перед высокой горой», *муххал кІанттул махъ* «позади железного стула», *ттул къатрал махъ* «позади моего дома», *буттал къатлул ялув* «над отцовским домом», *классравусса парталул лув* «под школьной партией», *цюллисса вацІлул махъ* «позади зеленого леса», *танал ахънил чІарав* «около его огорода» и др.

2. Словосочетания, выражающие временные отношения: *цІусса зурул дайдихъулул хъхъичІ* «перед началом нового месяца», *депутатътурал сессиялул хъирив* «после сессии депутатов», *депутатътурал выбордал хъхъичІ* «перед выборами депутатов» и др.

3. Словосочетания, в которых послелог *ялув* указывает на предмет мысли, предмет суждения: *буттал къатрал ялув* «ради отцовского дома», *дуклаки оьрчІал ялув* «о школьниках», *шяраваллил захІматкаштурал ялув* «о сельских тружениках».

Таким образом, в указанных словосочетаниях значение послелогов накладывает свой определенный отпечаток на значение имени существительного. Для данных именных словосочетаний, как это заметили, характерны различные локальные значения. Это выражается, главным образом, в большей степени, нежели чем при употреблении обычных конструкций с пространственными падежами, т. е. конкретизация локальных отношений.

Список использованной литературы:

1. Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале дагестанских языков) // Язык и человек. – М.: Изд-во МХУ, 1970.
2. Муркелинский Г.Б. О послелогах-наречиях, выражающих пространственные отношения в лакском языке // Система провербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. – Черкесск, 1983.
3. Саадулаева Р.Щ. Выражение пространственных отношений в лакском языке. – Махачкала, 2016.

АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Заимствование, как известно, - один из наиболее значительных источников пополнения лексического состава языка и его фразеологии. Лексико-семантическая система любого языка в своём развитии неизбежно обогащается не только путём увеличения числа слов, созданных словообразовательными средствами, изменением и расширением значений бытующих в языке слов, но и путём освоения лексических элементов других языков. Процесс адаптации заимствованных слов на каждом языковом уровне характеризуется определенными специфическими чертами и обладает различными потенциальными возможностями в отношении полной освоенности заимствуемых слов.

Ключевые слова: Заимствование, иноязычные слова, лакский язык, адаптация, язык-приемник, нормы языка, семантика, лингвистика, лексика, взаимовлияние.

Развитие словарного состава любого языка происходит как за счёт собственных внутренних ресурсов, так и за счёт заимствований из других языков. Естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с лакским народом являются слова заимствованные из других языков, прочно вошедшие в лексику лакского языка.

Основным признаком заимствованных слов большинство лингвистов считает не просто проникновение их в заимствующий язык, но факт закрепления их в словарном фонде данного языка, полное подчинение их нормам данного языка. Процесс адаптации заимствованных слов на каждом языковом уровне характеризуется определенными специфическими чертами и обладает различными потенциальными возможностями в отношении полной освоенности заимствуемых слов. При этом заимствованные слова неизбежно проходят несколько этапов или стадий адаптации. По степени освоенности в языке-приемнике они обычно подразделяются на полностью освоенные и недоосвоенные, т. е. находящиеся в стадии освоения.

Интенсивные процессы контактирования и взаимного влияния языков бывших советских народов привели к значительному изменению словарного состава каждого национального языка, к пополнению его новыми словами и понятиями, к обмену через лексические заимствования социально-экономической и культурно-исторической информацией. Особенностью процессов взаимодействия языков в современную эпоху является то, что обмен лексикой происходит в основном через литературный язык, письменную речь, в отличие от предшествующих эпох, когда заимствование происходило преимущественно устным путем, и основная роль здесь принадлежит средствам массовой информации (печать, радио, телевидение), художественной литературе (переводной), школе, театру и другим социально-культурным сферам. Это объясняет и большие потоки заимствований, проникающих из рус-

ского языка в контактирующие с ним языки. Интенсивные процессы контактирования лакского народа с русским и с другими народами посредством русского языка, ставшего единственным по сути языком межнационального общения в современную эпоху привели к значительному обогащению лакского языка новыми словами и понятиями.

Заемствование иноязычных слов - процесс долгий, сложный, сопровождающийся многими лексическими, семантическими, грамматическими, фонетическими и орфоэпическими явлениями.

На наш взгляд, наиболее существенным изменениям при усвоении иноязычных слов подвергается семантическая структура лексики которая, будучи наиболее сложной и многомерной стороной языкового знака, не поддаётся полному и адекватному восприятию носителями заимствующего языка. Семантическое содержание слов не остается неизменным, и после заимствования оно развивается в новой для него лексической системе, взаимодействуя со словарными единицами, которые в заимствующем языке уже имеются.

В результате заимствованные слова по сравнению с их эквивалентами в языке-источнике обнаруживают ряд различных расхождений в семантическом объёме, значимости, мотивационных связях с другими словами и т. д.

Безусловно, количество, характер и степень названных и некоторых других расхождений зависят от многих факторов общего характера, а именно: разносистемности и типологической отдалённости контактирующих языков, продолжительности и специфики самих контактов, функциональной роли и наличия у заимствующего языка письменной формы и некоторых других.

Однако, несмотря на это, в каждом случае как причины, так и результаты индивидуальны, неповторимы и своеобразны.

В лакском языке различаются два больших слоя заимствованной из русского языка лексики - дореволюционный и заимствованный после Великой Октябрьской революции. Заимствованные дореволюционные русизмы суть следующие: 1. Торговая терминология: *шутI* «счёт», *пунт* «пут», *ккило* «килограмм». 2. Строительная терминология и названия домашнего обихода: *старпил* «стропило», *калпуш* «кирпич», *турба* «труба», *пилта* «плита», *ишкан* «шкаф», *пач* «печь», *самувар* «самовар», *уту* «утюг», *чейникI* «чайник». 3. Названия овощей, продуктов питания: *картушка* «картошка», *кампитI* «конфета», *кIанIлустта* «капуста», *сухар* и «сухарь», *испирт* «спирт». 4. Названия транспорта: *пургон* «фургон», *пайтIун* «фэтон», *шарбан* «шарабан», *бидарка* «бедарка». 5. Военная и административная терминология, социально-экономические понятия: *хIаписар* «офицер», *салдат* «солдат», *гинирал* «генерал», *параккурор* «прокурор», *кканвуй* «конвой», *испаравка* «справка», *рижим* «режим», *ссургъуч* «сургуч», *минутI* «минута», *ссикIунд* «секунда», *обьшкъяла* «школа», *завут* «завод», *кказит* «газета», *ккнишкка* «книга». Особенно усиливаются русско-лакские контакты после Великой Октябрьской революции. Народы Дагестана, как и народы всей России, освободившись от национального и социального гнета, получили возможность для всестороннего развития в рамках своей национальной автономии. Великая Октябрьская социалистическая революция привела к огромным преобразованиям: в республике созданы партийные и советские учреж-

дения, коллективные объединения трудящихся масс, которые вызывают активное употребление нового слоя лексики, заимствованного из русского языка, например: *совет, съезд, партия, большевик, социалист, меньшевик, сессия, сабрания, актив, чилин, сельсовет, ликбез, изба-читальни, активист, депутат, бедняк, середняк, кулак, союз, буржуази, нэп, доклад, трибун, революционер, революции, социализм, капитализм* и т.п. В связи с вовлечением в активную жизнь советского общества, с развитием науки и культуры в лакский литературный язык входят слова, обозначающие профессии, должности, род занятий, например: *монтер, шофер, тракторист, комбайнер, учетчик, артист, художник, директор, бригадир, звеньевой, инспектор, слесарь, токарь* и т.п. Вошли в лакский язык названия средств путей сообщения и связанные с ними понятия: *автобус, такси, трамвай, мотоцикл, вагон, транспорт, ккуккушка, линейка, мотор, пуружсин, винт, грейдер* и т.п. Такие слова, как *самолет, пароход, машина, поезд*, стали вытеснять более ранние заимствования в лакском языке. Довольно большое количество заимствований относится к военной терминологии: *сержант, лейтенант, капитан, майор, подполковник, бронопоезд, танкетка, ппулеметI, автоматI, катюша фронт, армия, батальон, дивизи, дизиртур* и т.д. Заимствована и лексика, относящаяся к документации, деловой переписке, телевидению: *документ, паспорт, штамп, ведомость, дебет, кредит, ппосылка, маркаIа, кканверт* и т.п.; термины, относящиеся к физкультуре и спорту: *бокс, физкультура, футбол, зарядка, турнир, баскетбол, штангист, лыжникI, шахматчи* и т.п. С развитием сельского хозяйства в лакском языке появляются заимствованные из русского языка названия ряда сельскохозяйственных машин, орудий и сельхозпродуктов: *комбайн, трактор, малатилкка, ккультливатIор, редискка, соя, лимон, апельсин, петрушкка, бакIлажан, силус* и т.п. Развитие национальной культуры лакцев пополняет заимствованную лексику, относящуюся к литературе и искусству: *очерк, повесть, поэма, стихотворени, пписа, кино, музыкаIа, цирк, ансамбль, тIуатIр, кинотIуатр, фотография, гитIара, ппатефон, граммофон, магнитофон, пленка* и т.п. На смену старой школе приходят новые школы, ФЗО, техникумы, вузы, принесшие в лакский язык ряд новых понятий из русского языка: *тетрадь, линейкаIа, ппартта, доска, омоним, ассимиляция, подлежащи, зачет, колоквиум, сачинения, занятIия, училища, техникIум, институтI, диплом, философия, дробру, картта, педсовет, таблица, сказуеми* и т.п., и слово словарь, вытеснившее из лакского языка ранее заимствованное из арабского языка *лугъат*. В язык лакцев пришли и заимствования, обозначающие названия предприятий общественного питания, блюд: *исттолове, ресстторан, кафэ, закIусочни, буриц, буфет, кIотлетI, вареникI, чайникI, ппадлива* и т.д. Заимствовано также большое количество названий продуктов питания, напитков: *макарон, булкка, буханкка, кконсерва, горчицца, шикIолат, коньяк, ппельменну, селедка* и т.д. А вместо таких лакских слов, как *чяхир, хIан*, у них чаще стали употребляться слова *вино, пиво, квас*. Заимствованы из русского языка и названия месяцев: *январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*. Заимствованы лакцами и некоторые названия одежды, обуви, тканей, предметов туалета и украшений: *костюм, пинджак, пизсам, гарнитур, плащ, жакет, кошнэ, китель, майка, турусик, кофта, галстук, косынка, фурашка бант, лента, шуба, шляпа, туфли, босоножки, ботинка, валинка*

сандалу, шифон, габардин, бастонн // бостон, бобрик, диагональ, крепдешин, маркизет, панбархат, гипюр, драп, штапиль, крем, духи, одеколон, пудра, брошка, медальон и др. Пополнилась заимствованиями и торговая терминология: *товар, доход, убыток, сдачи, растората, грамм, тонн, центнер, километр, метр, сантиметр, литр, гектар, соти, коопераци* и т.д. Вошли в лакский язык названия массы предметов домашнего обихода, пришедших в их дома и квартиры с новой домашней утварью и мебелью (сюда же отнесены и названия частей дома и стройматериалов): *гарафин, рюмка, четверть, паднос, пиримус, щетка, фанарь, ситка, пулав, камод, сирвант, гарнитур (мебельный), диван, киресло, тумбачка, покрывал, шипланер, турюмо, тирас, духовка, рейка, замазка, цемент1, кухни, парадни, кушетка, будильник, килеенка, ваза*. Заимствовано и множество других слов: *отличник, ударник, нурма, процент, авани, сурт, банда, шпион, номер, ссода, лом, ремонт, парашут, якорь, бучка, фанера, мандат, путевка, лазарет, амбулатория, фабрика, фирма, шахтта, вишка, ттачка, мастерской, ццех, гипноз, рецепт, операция, порошок, миллиард, бульвар, проспект, сквер, фонтан, подвал, склад, больница, парк, эмигрант, протокол, нотариус, миссионер, почтальон, жулик, прогноз, микроб, магнит, цензура, акцент, вальс, полька, фокус* и др.

Состав и характер заимствований определяется особенностями лексико-семантической системы как языка-источника, так и заимствующего языка. Заимствование слов находится в прямой зависимости от уровня развития лексико-семантической системы заимствующего языка, наличия или отсутствия в нём слов, необходимых для обозначения тех или иных понятий, значений, смысловых оттенков, имеющих в языке-источнике. Заимствование, следовательно, продиктовано необходимостью восполнить недостающие звенья в системе заимствующего языка.

Список использованной литературы:

1. Абдуллаев А.А Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. - Махачкала, 1995.
2. Буржунов Г.Г. Некоторые вопросы совершенствования преподавания родного языка в лакских школах. - Махачкала, 2003.
3. Хайдаков С.М. Лакская лексика – Махачкала, 1961.

Хайбулаева М.М.,

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

Габидуллаева П.М.

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

К ВОПРОСУ ВЫРАЖЕНИЯ ТАКСИСНОЙ СЕМАНТИКИ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ КОНВЕРБАМИ

Аннотация: В статье рассматриваются конвербы, выражающие таксисную семантику, а также отглагольные формы имеющие дополнительное темпоральное значение придаваемое им деривационными суффиксами.

Ключевые слова: таксисная семантика, конверб, деривационный суффикс.

Лексический показатель при формировании высказывания может «задавать» временной план, требующий определенного выбора временной формы, – той именно, которая по своему временному значению соответствует значению обстоятельственного темпорального показателя. Без лексических средств полная реализация функций выражения времени, адекватная потребностям речевой коммуникации, была бы невозможна.

Кроме основного лексического значения процессуальности, отглагольные формы имеют еще и дополнительное обстоятельственное значение, придаваемое им еще и деривационными суффиксами.

Перечисленные выше признаки характеризуют отглагольные формы, что позволяет, на наш взгляд, отнести данные словоформы к конвербам.

Выражение таксисной семантики конвербами на –лде-

Конверб на –лде- констатирует совершение одного действия ранее другого и имеет значение «к тому времени когда, пока», например:

Балагъараб бер къаницилалде, гюла ясал, сон церекъадила кколаришча АхИмадил яс гъайураб къо. [М.М.М., 1993: 32]. «Не успеешь оглянуться, как девочки выросли, как будто вчера сказали, что у Ахмеда родилась дочь»; *РачIа гъанже дица гъадал тIаде цвелалде цо мухъалде вала-гъун хазабун лъикI* [Г.Ц., 1989: 150]. «Давайте теперь, пока они подойдут, пойду отсюда в одну сторону»; *Ингердахъе цвелалде, имам шунусго чигун ЗонобкIкIалахъе рецтIуна* [Г.Ц., 1988: 70].

Деепричастная форма на -лде может находиться в начале, в середине и в конце предложения, например: *ГIака босилалде бокъ гъабе, чIужу ячиналде рукъ гъабе (пог.)*. «Прежде чем корову купишь, построй сарай, прежде чем поженишься, построй дом»;

Дун цАалун вуссун вукIарав, мун цАализе иналде. «Я, отучившись, вернулся, пока ты учиться пошел»; *Гъанже гьельхъх валагъун чIезе заман гьечIин, квешав чиясда, бер чIвалалде, дие цо речIчIизабизе жо босея гъанибе!* [Гъуд., т. 5: 41]. «Теперь ее ждать времени нет, пока плохого человека не увидел, мне принеси сюда выпить!»

Выражение таксисной семантики конвербами на -го

Самой распространенной, нивелированной, употребляемой формой в аварском языке является форма на -го. Функционально частица -го в аварском языке имеет универсальный характер употребления, она присоединяется к различным именным и глагольным формам слов, придавая ОФГ различные семантические модификации. Функциональным особенностям данной частицы в аварском языке посвящена статья К. Гаруновой. В ней автор освещает морфолого-семантическое значение и некоторые синтаксические функции частицы -го при сочетании с глаголом и его формами. Исследователь заключает, что «постпозитивно, сочетаясь с одним из компонентов составного глагола, семантически -го при нем выражает в основном усилительно-выделительное, усилительно - ограничительное или противительное значения; в синтаксическом плане частица -го требует постановки глагола в определенной форме времени, а также положительного или отрицательного значения; в морфологическом аспекте частица -го выполняет словообразовательную роль» [2, с. 12].

Формант обстоятельственной формы глагола на -го является деривационным суффиксом при оформлении деепричастий, которые следует отграничить от частицы -го употребляющейся с различными частями речи, придавая последним дополнительные значения и оттенки, например: в деепричастиях *къунго* «не дал, оказывается»; *щунго* «не дошел, оказывается» – это деривационный суффикс, т.к. образует новые слова, в словах *дуцаго* «тобой самим», *нижго* «мы сами» – это многофункциональная частица.

Характеризуя деепричастие на -го, Ш.И. Микаилов отмечает, что «и по распространенности и по формальной и семантической нивелированности по диалектам в аварском языке оно не имеет равных» [3, с. 120], например:

Цинги бералги рацIцIунаго чIобогояб стололде нахъе ана. [Гъуд., 1974: 57]. «Затем, вытирая глаза, направился к пустому столу»; *РачIа, гьалмагъ, чIаго рукIаго ВатIаналъе къасдал сайгъатал гъаризин.* [Г.Ц., 1989: 405]. «Давай, друг, пока живы, подарим Родине свои мечты»; *Борхалъуда гъоркъан гъункун унаго, рихха-хочи ккола, квеш балагъула.* [Г.Ц., 1989: 411]. «Проходя вплотную под высотой, замешательство получается, плохо смотрят».

В большинстве случаев -го, сочетаясь с обстоятельственными формами глагола, требует в предложении отрицательного глагола:

Биччай вехъасул гIумру, гIияхъанасул хабар, халатго гъабичIого, гъаб бакIалда лъугIизе [Г.Ц., 1988: 195]. «Пусть жизнь пастуха, рассказы чабана, долго не тянув, здесь же закончатся»; *Цо къоялда Султанбег семун вуго ясалде, рос-рукъалде къезе мун гIунго йикIун гьечIилан* [Г.Ц., 1988: 157]. «Однажды Султанбег поругал дочь, что она не выросла еще, чтоб замуж отдать».

Отрицательная форма деепричастия на -го выражает действие, служащее пределом для другого действия, например: *Гьел рачIинчIого ниль рильгъун бажаруларо.* «Пока они не

придут, мы не сможем идти»; *Дун- глаги юкьичЮго, мун хвезе дир чара гьечЮ.* [Г.Ц., 1989: 278] «Пока меня хотя бы не похоронишь, ты не должен умирать».

Вай, Роза! – абун абулаго, гАкълуялдаса ун, Мирза алъул гьурмаде ккола. [Г.Ц., 1989: 261] «Ой, Роза», – говоря, потеряв сознание, Мирза падает на ее лицо»; *Зулпукъар, Розахъги Мирзахъги цин-цияхъ валагъулаго, уна.* [Г.Ц., 1989: 263] «Зулпукар, смотря то на Розу, то на Мирзу, уходит»; *Хехъезе кВечЮго, гьаракъги гьабун, гьелъухъа хЛалица ворчЛун лъутана.* [Г.Ц., 1989: 321]. «Не стерпев, вскрикнув, еле-еле смог от нее убежать».

Деепричастия, образованные прибавлением форманта -го к форме причастия прошедшего времени, выражают предшествование одного действия другому, указывая при этом на минимум времени между действиями, например: *Дица цибаб кьоялъ баркала кьола кьижун ворчЛаравго бетИргъанасе.* [Г.Ц., 1989: 536]. «Я каждый день благодарю, как только проснусь, всевышнего»; *Гьале радал бакъул канлъи чИварабго, кенчIезе лъугъана зобазул гьумер.* [Г.Ц., 1989: 363]. «Вот, как только солнечный свет ударил, сверкать стало небо».

Частица -го присоединяется и к деепричастию на - лде. Форма на -лде имеет значение «к тому времени», с прибавлением частицы -го ускоряется развитие действия. Например: *Гьеб иш гьесухъе кьелалдего лъалаан дида гьев гIабдал вукIин.* «К тому времени, пока ему дали эту работу, я знал, что он дурак»; *Лъарахъе цвелалдего, хьитал рахъуге* (пог). «Пока не дошли до реки, обувь не снимайте».

Выражение таксисной семантики конвербами на -гIан

К конвербам, выражающим таксисное значение, относится и деепричастная форма с суффиксом -гIан. Продолжение действия, выраженного главным глаголом вплоть до начала другого действия, выражает формант -гIан. Присоединяясь к целевой форме глагола, он придает ей значение «до тех пор, пока...»:

Дир рекIел цIа ссвинегIан, сабру гьабе, хирияв. [Г.Ц., 1989: 100];

«Пока угаснет огонь в моем сердце, имей терпение, дорогой».

Как видим, формант -гIан придает таксисной форме конверба явно выраженную семантику предела.

Конверб на -гIан передает семантику длительности действия глагола относительного времени, и результат этого действия отражается на глаголе абсолютного времени, например: *Гьелъухъ валагъанагIан паналъулев вукIана Зубаир* [Гьуд., 1974: 42]. «Чем дольше на нее смотрел, тем больше Зубаир млел»; *ВачIанагIан вачIине вокъула лъималазе гьобол.* букв. «Сколько приходит, столько и любят дети гостя». «Чем чаще приходит, тем больше любят дети гостя».

Выражение таксисной семантики конвербами на - дал

Не менее распространенными являются и формы временного подчинения на - дал: *Тушбабазул цIа свиндал, ЦадахIарий къачIала* (Г.Ц., 1988: 103). «В то время когда врагов огонь погас, в Цудахар собрались».

Деривационный суффикс - дал имеет оттенок причинности. Конверб на - дал показывает время, совпадающее с завершением действия:

Формант -дал присоединяется и к именам существительным в родительном падеже. Ш.И.Микаилов считает, что он является «по-видимому, отживающим себя в системе склонения существительных показателем родительного падежа на = дал, ныне вместо него стал чаще употребляться формант=дул. Из того следует, что деепричастная форма на =дал образовалась на базе уже существовавшей падежной формы на = дал =>» [3, с.126]. Как видим, в авароведении существует традиция возведения словообразовательных формантов к словоизменительным аффиксам, а именно к падежным окончаниям [Жирков, Микаилов]. В аварском языке возможен переход словоизменительных морфем в словообразовательные, так и переход словообразовательных морфем в словоизменительные.

Выражение таксисной семантики конвербами на -гун

Конверб с формантом - гун обозначает действие, одновременно с завершением которого начинается другое действие; формант присоединяется к форме глагола, выражающей общее время: *ГьитIнаб мехаль гогьдаризарурал, кIудиял гIейгун, эбел-инсул бетIералде ралхунел* (пог.). «Избалованные в детстве, как вырастут, садятся на головы родителей».

Деривационный суффикс -гун, присоединяясь к форме масдара, образует форму конверба с причинно-временным значением:

Рокъобе нух къосингун, хвалчабаца къотIараб (Р.Г., 1993: 114) «Заблудившись по дороге домой, кинжалом зарезанное».

Б.М.Атаев считает, что форма масдара с частицей -гун и причастие прошедшего времени, осложненное частицей -го, выражают значение непосредственно предшествования [1, с. 113].

Форма на -дал в отличие от формы на -ун передает не только временное соотношение действий, но и причинно-следственное отношение. Например: *РорчIами къолелъул, ратIалъулелъул бачиндал сорола сабру араб квер* «Когда приветствуешь, расстаешься, дрожит беспокойная рука».

В этом предложении -дал придает причинно-временное значение и выражает предшествование действия до совершения другого действия. Мы могли бы предположить, что -дал передает временное значение. На наш взгляд, если сказать: *РорчIами къолелъул, ратIалъулелъул бачунелъул сорола сабру араб квер*. «Когда приветствуешь, расстаешься, дрожит беспокойная рука», то здесь наблюдается только временное значение, выражающее одновременность действия.

По мнению З.М. Маллаевой, «такие лексемы образуются от переходных и непереходных основ и маркируются темпоральными аффиксами или суффиксальными комплексами: = го, = л = де, =л = да = сса, = гун. [3.,с.125].

Таким образом, таксисные конвербы аварского языка, в отличие от деепричастий русского и других дагестанских языков, не имеющих самостоятельной временной соотнесенности, могут содержать в своем составе темпоральные показатели.

Список использованной литературы:

- 1.Атаев Б.М., Алексеев М.Е. Аварский язык. – М., 1998.

2. Гарунова К. Функциональные особенности частицы -го- в глагольных формах аварского языка // Глагол в языках Дагестана: Сб. ст. – Махачкала, 1980.

3. Маллаева З.М. Видо-временная система аварского языка. – Махачкала, 1998.

4. Микаилов Ш.И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала, 1964.

Хайбулаева М.М.,

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

Габидуллаева П.М

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале произведения Расула Гамзатова «Мой Дагестан»)

Аннотация. В данной статье проанализированы фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в произведении Р.Гамзатова «Мой Дагестан». Выявлено сходство и различие исследуемых единиц (более 90 единиц), различными экстралингвистическими факторами. Для репрезентации личностных качеств человека во фразеологических единицах поэт широко применяет орнитонимы и зоонимы. Используются образы: *xIinçI* «птица», *цIум* «орел», *гьеду* «ворона», *гIанкIу* «курица», *руз* «сова», *микки* «голубь».

Во фразеологических единицах с компонентом-зоонимом «лошадь» преобладает сравнение человека с *чу* «лошадью», чем с наименованиями других животных и птиц.

Ключевые слова: фразеологизмы, зооним, животные, культура, фразеологическая единица, человек.

Для создания образов, репрезентации состояния, личностных качеств, характера, чувств и ощущений, выявления авторского отношения поэты часто используют фразеологические сочетания с зоонимами.

В основе функционирования ФЕ без изменения их семантики и структуры лежат их абсолютные выразительные свойства: образность, эмоциональность, оценочность и экспрессивность. Наиболее существенные изменения претерпевают рассматриваемые нами ФЕ при преобразовании их структуры.

В аварском языке достаточно большое количество фразеологических единиц, имеющих единый смысл и нераспадающихся на части. Для них не характерна образность.

Фразеологизмы-зоонимы, отражая отношение «человек – природа» и являясь необходимыми составляющими языка, помогают понять языковую картину мира того или иного народа. Исследование фразеологизмов позволяет получить информацию об их культурно-информативной, социально-информативной и экспрессивной функциях [1, с.7].

В художественной литературе названия животных часто выступают в образно-символической функции.

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

В книге «Мой Дагестан» Расул Гамзатов использовал более 90 фразеологических единиц с зоонимами. Для репрезентации личностных качеств человека во фразеологических единицах поэт широко применяет орнитонимы и зоонимы. Использованы образы: *хӀинчӀ* «птица», *цӀум* «орел», *гьеду* «ворона», *гӀанкӀу* «курица», *руз* «сова», *микки* «голубь»,.....

Для репрезентации спешных действий человека и их конечного результата поэт сравнивает разные природные состояния, например: *Мун гӀедегӀулев вуго, гӀедегӀарал лъарал ралъдахъе цоларо; гӀемерал бусаби хисулеб хӀинчӀ босен гьечӀого хутӀарабила...* «Ты торопись, торопящие реки до моря не дойдут; много раз гнезда меняющая птица осталась без гнезда».

Расул Гамзатов применил собственную поговорку к милиционеру, который не пустил его в Верховный Совет и посадил на трое суток: –*Мун варанияли щай гурин, варани хӀинчӀ вукӀун вугин. Воржине ккани – варани, хӀалтӀизе ккание– хӀинчӀ.* «Ты не то что верблюдом, а страусом оказался. Если лететь – верблюд, если работать – птица». Поэт осуждает его во всех действиях, считает его никчёмным человеком.

Беспомощность великого писателя актуализируется в следующих фразеологических поговорках: *Дир гьитӀинаб пероялда кӀвезе гьечӀо кӀудиял, гӀедерал гӀоралги лъаралги жанире рачине. ХӀанчӀида рекъараб букӀуна би. Дида тӀаса лъугъа нуж!* . «Мое маленькое перо не сможет спешащие речки и реки собрать». Какова птица, соответственно такова и кровь. Вы меня простите!».

Назидательный смысл имеет следующая поговорка Расула Гамзатова, в которой утверждает, что у каждого человека должен быть свой стержень, свое жильё и свой очаг, собственность репрезентируются местоимениями жиндирго «свой», жинцаго «самим», например: *Щивасул букӀине ккола жиндирго хӀинчӀ, жинцаго бетӀер лъолеб къандалъо, жинцаго цӀа бакулеб гъансито.* «У каждого должна быть своя птица, подушка для своей головы, очаг, который сам разжигает».

Поэт порицает тех, кто предаёт Родину ради тёплого места для себя и сравнивает их с теми, которые тёщу мамой называют, забыв мать, например: *«Руго цо-цоял лъади ячараб мехалъ якъадалда эбелиланги абун, эбел кӀочон тарал, хӀанчӀаца гӀадин хинаб бакӀ бихьун ватӀан хисулел.* «Есть некоторые, которые после женитьбы тёщу мамой называют, мать забывшие, как птицы, увидев теплые места Родину меняют».

В стихах поэта применяется паремиологическая единица аварского языка, в которой наблюдается ассоциация метафорического переноса человек-животное, например: *Бица-бицаралда божулев чи – гьорол кьояль хелкил рачI гIадав чи*. букв. «Человек, который верит всему – как хвост петуха в ветреный день». Эквивалентно паремии русского языка «Куда ветер подует, туда и ты»; *БагIараб хIелеко гIадин лъугьана*. «Стал как красный петух» – *багIараб хIелеко* «красный петух» употреблен в значении «похож на чего-либо», и смысл целого не равен значению компонентов; *Азбаральуб багIараб хIелеко хьвадилеб букIана*. «По двору важно разгуливал красный петух» – словосочетание *багIараб хIелеко* «красный петух» является свободным, и смысл целого равен сумме значений лексических компонентов.

Назидательно-сравнительный характер имеет поговорка поэта:

Воре, гIедегIуге, гIагарав гьудул,

ГIедегIараб хIелкил гьаракь кьун бугин.

«Смотри, не торопись, родной друг,

Торопившегося петуха голос охрип».

Черты характера человека могут ассоциироваться с образом одной и той же птицы, например, близорукость человека в аварском языке репрезентируется во фразеологических единицах образом совы: *беццаб руз* «слепая сова», *беццаб руз гIадин* «слепой как сова». В паремиологических единицах: *Кьаси вахьун, кьад вегун, рузил гIамал жибго те!* «Ночью бодрствуя, утром отсыпаясь, оставь повадки совы! *Ригьда рега, ригьда рахьа, рузил гIамал жибго те!* «Вовремя ложитесь, вовремя вставайте, повадки совы оставьте!» – формы повелительного предложения требуют не уподобляться повадкам птиц, так как это не свойственно человеку и может отразиться на его здоровье.

В творчестве поэта изобилуют пословицы и поговорки о таких животных, как лошадь, собака, осел, овца, медведь, волк, кошка и др. Наличие зоонимических символов можно объяснить тем, что в жизнедеятельности аварцев они занимали главное место.

В произведении «Мой Дагестан» употреблено более 15 поговорок и пословиц с зоонимом *чу* «лошадь». Для аварцев лошадь является помощником в хозяйстве, поэтому применяется большое количество фразеологических единиц с зоонимом *чу* «лошадь». Поэт сравнивает человека с *чу* «лошадью». Для сравнения применяется послелог-гIан, например: *Губернаторасде Шурагай индал, ШантIурида бадиб чугIан вуссинIо* (Т.І: 70). «Стал неподкупным, прямым, принципиальным», букв. «Как лошадь даже в лицо Шантура не посмотрел, когда к губернатору в Шурагай поехал». В сатирических целях поэт использует поговорку: *РекIиндал чиги лъала, рецтIиндал чуги лъала*. «Человек всегда должен оставаться человеком, наделенным высокими человеческими качествами», букв. «Человека при езде верхом можно узнать, когда слезешь и лошадь можно оценить».

Для сравнения положительных сторон человека и лошади применяются прилагательное *лъикIаб* «хороший» и наречие *берцин* «красиво», например: *ХIинкьун вукIин лъикIаб чиясги, хIал дагьльун букIин лъикIаб чоцаги лъазе толареб*. «Что боится и хороший человек, что обессилена и лошадь не дадут знать!», букв. «Хороший человек скроет свой страх»; *Чу*

берцин гьабула кьилияль, чи берцин гьавула захIматаль. «Седло украшает лошадь, труд украшает человека».

В сатирических целях поэт использует поговорку: *Чи лъала рагIудасан, чу лъала риль-лъадасан.* «Человек всегда должен оставаться человеком, наделенным высокими человеческими качествами», букв. «Человека при езде верхом можно узнать, когда слезешь и лошадь можно оценить». З.М.Маллаева замечает, что: «Специальные речевые средства организации структуры пословиц и поговорок усиливают их выразительность и экспрессивность. Одним из таких средств является рифма. Как правило, рифмующиеся компоненты являются смысловыми центрами пословиц и поговорок» [3, с. 365].

Негативное отношение к человеческим порокам репрезентируется в поговорке: *Чангит барабцинаб чу букIунаро, чухъа ретIаницинав чи вукIунаро.* «Уздечку надевшая-не лошадь, черкеску надевший – не всякий мужчина».

Использованы пословицы с зоонимом чу «лошадь» с назидательным смыслом: *Чи чIваларилан кьалги гьабуге, чу свакаларилан ахIудги рахъунге!* «Думая, что не убьют человека – не ссорься, думая, что лошадь не устанет, не выходите по тревоге»; *Чи вухуге – малъе, чу бухуге – кIалциIи бай.* «Не бей человека – назидай, не бей лошадь – накорми»; *Чу босе, юргъа бихъун, налъи гьабе, чи вихъун.* «Купи лошадь смотря какой иноходь, долг делай, смотря какой человек». Рассматривая внутреннюю форму представленной пословицы, человеку дается наставление и поучение.

Список использованной литературы:

1. Абдуразакова З.Г. Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: автореферат дисс. ... к. филол. н. - Махачкала, 2014.
2. Араева Л.А. Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликаторы языковой картины мира русского и китайского языков.//Вестник Кемеровского государственного университета, 2016.
3. Маллаева З.М., Омарова З.С., Хаштихова Ш.Ш. Этнокультурные характеристики пословиц // Мир науки, культуры и образования, №2(75), 2019.

Хачукаева М.Я.,

*помощник проректора по общим вопросам,
старший преподаватель чеченского языка и литературы
Российский исламский университет им. Кунта-Хаджи
(Россия, Грозный)*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЫ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ СУПРУГАМИ
(на материале нахско-дагестанских языков)**

Аннотация. В данной статье предметом исследования являются термины родства, обозначающие мужа и жену, применяемые в коммуникации супругов в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков в качестве обращений. Актуальность темы статьи обусловлена как неисследованностью данных вокативов, так и угрозой исчезновения исследуемых этикетных формул в городских условиях. Посредством сравнительного анализа выявляется специфика речевой культуры нахско-дагестанских этносов.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, семейный дискурс, вокативы.

Annotation. In this article, the subject of research is kinship terms denoting husband and wife, used in the communication of spouses in the family discourse of the Nakh-Dagestan languages as addresses. The relevance of the topic of the article is due to both the lack of research on these vocatives and the threat of disappearance of the studied etiquette formulas in urban conditions. Through comparative analysis, the specificity of the speech culture of the Nakh-Dagestan ethnic groups is revealed.

Key words: Nakh-Dagestan languages, family discourse, vocatives.

Формулы речевого этикета самым тесным образом связаны с традиционным укладом жизни, с культурой, обычаями и ритуалами каждого этноса. Изменение традиционного уклада жизни соответственно приводит к изменениям в сфере речевого этикета, обслуживающего семейный дискурс. Интенсивная миграция сельских жителей в города, представляет собой серьезную угрозу для сохранения традиционных формул речевого этикета. Особенно это касается носителей дагестанских языков. Несколько иная ситуация у носителей чеченского и ингушского языков, у которых в городах представлена более однородная среда. И у традиционных чеченских и ингушских этикетных формул, по сравнению с дагестанскими, больше возможностей сохранить свой функциональный статус.

В городских условиях быстро утрачивается специфика этикетных формул, обусловленная обычаями, нравами, эстетическими вкусами этноса. Количество речевых формул заметно сокращается, поскольку молодежь их уже не использует. Что касается взрослого населения, то в городских условиях использование традиционных «сельских» речевых формул теряет свою актуальность.

Поэтому одной из актуальных задач нахско-дагестанского языкознания остается сбор, систематизация, лингвокультурологический и прагматический анализ всех формул речевого этикета.

Речевой этикет, обслуживающий семейный дискурс нахско-дагестанских языков, основан на таких морально-этических нормах, как: почитание родителей (в том числе бабушек и дедушек, старших родственников по линии отца и матери), уважение ко всем представителям старшего поколения, забота о младших членах семьи. Не только культурные традиции общие для всего этноса, но и морально-этические принципы, по которым живет каждая отдельная семья, оказывают непосредственное влияние на выбор этикетных формул семейного дискурса.

Поскольку сфера функционирования семейного дискурса ограничена рамками бытовой коммуникации, то нас, прежде всего, интересует общение между членами семьи, в том числе и общение супругов между собой.

В общении супругов между собой в чеченской речевой культуре употребление чеченских терминов *майра*, *мар* «муж» в функции обращения имеет ряд ограничений. Муж при обращении к жене также должен соблюдать строгие правила подбора вокативов. При публичном обращении к жене муж не должен применять в качестве вокатива чеченский термин родства *зуда* «жена». Запрещено мужу также обращаться к жене по имени. Это табу перешло в современный речевой этикет из времен язычества. Л.М. Бахаева отмечает, что «в общении при табуировании имён используют следующие правила: муж о жене – *зуда* (жена), *хусамнана* (хозяйка дома). При разговоре с другими, имея в виду жену, – *чуьрниг* (та, что в доме), *тхайниг* (наша), *сте* – (жена); жена о муже – *стаг* (человек, муж), *кьонах* (мужчина), *хусамда* (хозяин дома). При общении о нём с другими: *чуьрниг* (тот, что в доме), *тхайниг* (наш); *майра* (муж); *мар* (муж), *цлийнда* (хозяин дома); *берийнда* (отец детей)» [1, с. 34].

В ингушской речевой культуре «супруги в глаза называют друг друга по имени, а при других людях и при детях словами: «эй», «слышишь», а заочно: «отец детей», «муж», «он», «отец семьи», «мать детей», «хозяйка дома», «она» – «яьй», «хозий», «берий да», «мар», «ер», «цIен да», «берий нана», «цIен нана», «из» [2, с. 121].

В ряде языков нахско-дагестанской группы до сих пор сохранился обычай табуирования имен, чаще всего, имен, обозначающих мужа и родственников мужа, вне зависимости от их возраста.

В кубачинском диалекте даргинского языка (большинство исследователей придерживаются мнения, что кубачинский – это самостоятельный язык даргинской группы) «муж при обращении к жене, не называет ее по имени, а употребляет вокативное междометие *ай* «эй» в сочетании со словом *уссе* «девочка, девушка»: *ай уссе* «эй, девочка, девушка». Жена обращается к мужу таким же сочетанием вокативного междометия *ай* «эй» и слова *гал* «мальчик, парень»: *ай, гал* «эй, мальчик, парень». Видимо, это отголоски магии имен. Возможно и такое предположение, по которому считалось грубостью жене и мужу называть друг друга по имени» [3, с. 83].

В говорах южного наречия аварского языка, по наблюдениям К.И. Гаруновой, «в отличие от литературного языка, где для понятий «**муж**» и «**жена**» имеются специальные термины *рос* «муж», *лълади* «жена», не существует специальных названий, а используются общие термины, обозначающие мужчину и женщину вообще: «муж» – *рос* \\\ *бетIергъанчи* ... понятие «жена» выражается термином *чIчIужо*, множественное число образуется супплетивно – *руццабал*» [4, с. 28].

Наиболее распространенное обращение жены к мужу в дагестанских языках – это междометие (часто) или личное имя (реже). «Языковые единицы, употребленные в качестве обращения, выполняют ряд коммуникативных функций: называют адресата речи, привлекают его внимание, характеризуют, выражают отношение говорящего. Основной функцией обращения, по мнению большинства исследователей, является обозначение адресата речи» [5, с. 38].

В диалектах даргинского языка для обозначения термина муж применяются различные лексемы, но ни одна из них не применяется в вокативной функции. Наибольшее распространение по диалектам получил термин *мургул* «муж» и его фонетические варианты: *муръул* и *мурул*. Термин *субI* «муж» представлен только в хайдакском диалекте даргинского языка и встречается исключительно в фольклорных текстах. В кубачинском диалекте функционирует термин *тIуб* «муж», сфера применения которого ограничена словосочетанием *тIубла аба* «свекровь», букв. «мужа мама». В мекегинском, губденском и мурегинском диалекта употребляется термин *амарсар* «муж». В чирагском и кубачинском диалектах употребляется термин *адме* «муж», «мужчина». Похожий термин представлен в кубачинском диалекте *адими* «муж», «мужчина».

Как указывает С.М. Гасанова: «Термины *мургул* (*муръул*>*мурул*), *адме*, *адими*, *амарсар* служат для выражения двух понятий – «муж» и «мужчина». А термин *субI* (>*гъуб*>*тIуб*) выражает только одно понятие «муж». Передача одним термином двух понятий «жена» и «женщина», так же как и двух понятий «муж» и «мужчина» отражают ранний период моногамии» [3, с. 83-84].

Можно сказать, что лакская речевая культура заметно отличается от других дагестанских этносов в вопросах применения терминов родства, обозначающих названия супругов в вокативной функции. Слово *лас* «муж» в лакском языке употребляется в вокативной функции при коммуникации супругов между собой. Гораздо чаще термин родства *лас* «муж» употребляется в качестве вокатива в сочетании с притяжательным местоимением *ттул* «мой», например: *ттул лас* «мой муж», *ттул ххирасса лас* «мой дорогой муж», *ттул абзизсса лас* «мой любимый (дорогой, милый) муж», *ттул дакIнилсса лас* «мой душевный муж» и т.д. Такие обращения, в целом, не характерны как для остальных дагестанских языков, так и для нахских языков.

В лезгинском языке наиболее распространенным является обращение жены к мужу: *я да* «эй, парень», *я итим* «эй, мужчина». В некоторых говорах лезгинского языка встречается вокатив *къери* «старик». Жена к мужу никогда не обратится словом *гъувл* «муж», на это употребление по сей день, действует строгое табу.

«Во всех дагестанских языках представлены формулы речевого этикета, которые характеризуются рядом примечательных особенностей и носят четко регламентированный гендерный характер. Так, некоторые вокативные междометия, обслуживающие речевой этикет носителей дагестанских языков, употребляются исключительно для привлечения внимания мужчин, в то время как другие вокативные междометия служат для оклика женщин. Обращение (вокатив) в дагестанских языках является наиболее распространенным гендерным маркером» [6, с. 363].

В чеченском языке термин *зуда* применяется как для обозначения жены (*хIара сан зуда йу* «это моя жена (есть)»), так и женщины (*и зуда тхан тайпанан йу* «это женщина нашего рода»). Термин *сте* применяется для номинации человек женского пола, репрезентирует значение «женщина», например: *Сте хIума цIенна дика йу*. «Уют в доме создает женщина».

«В ингушском языке для обозначения жены имеются два термина – *сесаг* и *уст*. *Се* обозначает вообще женский пол, а *саг* – человека, и производится соединением этих двух основ: *се + саг* – человек женского пола.

В чеченском языке *цIен-нана* (мн. ч. *цIийнан наной*) «хозяйка дома». Это сложное существительное образовано соединением двух основ: 1) *цIийнан* – существительного единственного числа, родительного падежа «дома» и 2) *нана* – существительного единственного числа, именительного падежа «мать», т.е. «мать дома». Традиционное обращение мужа к жене и жены к мужу в семейном дискурсе – это сочетание вокативного междометия *хIей, хезий хьуна* «эй, ты слышишь».

Среди дагестанских языков термин родства *жена* в качестве вокатива употребляется, насколько нам удалось выяснить, в лакском языке, при этом он употребляется в форме вокатива: *щарссей* (ном. *щарсса*, мн. число – *хьами*) «жена», «супруга». В лакско-русском словаре Иса Халидович Абдуллаев приводит также диалектную форму данного слова – *щарссару*, вокативная форма *щарссаруй* «женушка» – уменьшительно-ласкательное обращение мужа к жене [7, с. 882].

В лезгинском языке термин родства *наб* «жена» в качестве вокатива функционирует, как правило, в сочетании с вокативным междометием *я* «эй»: *я наб* «эй, жена». Следует отметить, что в лезгинском языке такая форма обращения не носит такой грубый оттенок, как в русском. Это вполне доброжелательная, стилистически нейтральная форма обращения. Кроме обращения *я наб* «эй, жена» имеются и другие формы обращения, выбор которых зависит от ситуации, например: *я руш* «эй, девушка», как правило, в присутствии посторонних людей; *я джан* «душа моя», *я рикI* «сердце мое» в присутствии очень близких людей, чаще – в отсутствии свидетелей.

В табасаранском языке термин *хпир* «жена», также как и термин *жилпир* «муж», имеет в ауслaute показатель грамматического класса человека *-р*. Как и в большинстве нахско-дагестанских языков слово *хпир* в табасаранском языке имеет значение не только «жена», но и «женщина». Традиционное обращение мужа к жене – это сочетание вокативного междометия *я* «эй» и слова *риш* «девочка»: *я риш* «эй, девочка».

Термин родства *жена* в качестве вокатива в семейном дискурсе дагестанских языков получил распространение только в лакском языке. Можно сказать, что особенностью лакского языка является и употребление такого обращения к супруге как: *ххирей* «дорогая», «любимая» в присутствии посторонних. В остальных нахско-дагестанских языках для публичного обращения к жене предпочтительны вокативные междометия, реже – имена собственные.

Использование терминов родства, обозначающих супругов – «муж» и «жена» в коммуникации супругов в преобладающем большинстве исследуемых языков носит достаточно ограниченный характер. Как правило, это имеет место в общении супругов между собой без свидетелей.

Список использованной литературы:

1. Бахаева Л.М. Гендерный фактор в чеченском языке. - Грозный, 2009.
2. Оздоева Э.Г. Генезис терминов, обозначающих некровное родство в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57). Ч. 2. - С. 120-122.
3. Гасанова С.М. Термины родства и свойства в даргинском языке (по данным диалектов) // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. - Махачкала, 1985. - С. 72-87.
4. Гарунова К.И. К вопросу о терминах родства в некоторых говорах южного наречия аварского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. - Махачкала, 1985. - С. 21-30.
5. Халидова Р.Ш. Аварский речевой этикет в свете прагмалингвистики. – Махачкала: ДГПУ, 2023.
6. Маллаева З.М., Рамазанова З.М. Гендерно-маркированные вокативы в дагестанских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5. Ч. 2. 2018. - С. 366-370.
7. Абдуллаев И.Х. Лакско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2018.

Чапаева Р. М.,

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р.Гамзатова

(Россия, Махачкала)

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА

Язык представляет собой функционально-коммуникативную систему, объективно существующую в человеческом сознании и проявляющуюся в речи. Языковые факты, вследствие этого, рассматриваются сквозь призму их функционально-коммуникативной роли, в тесной связи с фактами речи. Функциональная природа языка заключена в передаче языковыми

единицами, каждая из которых является носителем определенного, закрепленного за ней значения. Основной функцией языка, признается коммуникативная функция, которая является универсальной для всех языковых систем мира.

Общеизвестно, что язык фольклора выступает надежным источником информации об этнических и культурных особенностях любого народа. Попыты моделирования языковой картины мира даргинца, т. е. поиски особенностей национально-культурной специфики языка, возникшей под влиянием этнографических, географических, социальных, исторических и других условий, неизбежно приводят нас к языку фольклора. Отметим, что прибегнуть к фольклорному материалу вынуждает нас и необходимость – отсутствие письменных памятников, отражающих древнюю эпоху жизни горцев.

По некоторым дагестанским языкам имеются древние письменные источники, но они по специфике своего содержания, ограниченного религиозной или чисто лингвистической тематикой, не передают этноязыковые особенности, характеризующие своеобразие национального образа мира дагестанского горца, в частности, даргинца.

Важные атрибуты мира этноса – национально-культурная и национально-языковая особенности – наиболее четко проявляются в сферах лексики, лексической сочетаемости, а также в так называемых малых жанрах фольклора: пословицах, поговорках, фразеологизмах. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире.

Язык фольклора, крупницы лингвистических данных на страницах этнической поэзии, прозы предоставляют возможность говорить о единой системе языковой картины мира даргинцев, о соотношении семантики языковых единиц с «миром вещей». Разнообразные же диалектные структуры представлены в этой картине как части целого. Закономерности, правила, по которым построены эти диалектные структуры, задают парадигматические связи частей национального образа между собой, отражают внутреннюю, глубинную семантику соответствующих представлений.

Сказанное можно было бы объяснить, например, на семантическом анализе даргинских сказок. В фольклористике отмечено, что за разнообразными сказочными сюжетами можно обнаружить единую картину мира».

Для анализа привлечены такие фольклорные произведения, которые нами отнесены к собственно даргинским и даргинское их происхождение не вызывает каких-либо сомнений. Сюжеты их бытуют только в Дагестане, они уникальны, возникли на этнической почве конкретной народности, и отражает такой фольклор реалий, характерные только этому этносу. К примеру, происхождение названий некоторых даргинских сел в точности передают их историю и возникновение. Название села Цухта (расположенного в Левашинском районе) произошло следующим образом: в местности, где ныне расположено это село, раньше был маленький хутор. Там произошёл сильный пожар и все дома сгорели. Вновь отстроенное село получило название «Цухта». В даргинском языке слово «цух» является частью сложного слова «цухбиэс» обгореть. Таким образом, название Цухта означает «обугленное, обгорев-

шее».

Достаточно дифференцированный в речевом, экономическом, природно-географическом отношении отдельный даргинский аул со своими небольшими отселками может иметь и в большинстве случаев имеет свой собственный уникальный мир этнической природы. Отдельные горские аулы противопоставляются друг другу принципиальными особенностями, и не на последнем месте при этом находится этнопсихология, что существенно отражается на взглядах горцев.

Мы смотрим на мир «глазами даргинца», и оцениваем тот или другой факт, так сказать, «по-даргински». Многие сравнения, сравнительные обороты опираются на даргинские реалии. Можно выделить большую группу выражений и уверенно утверждать, что так сравнивать может только житель гор, он так мыслит, так смотрит на окружающую его действительность, такова концептуальная модель мира даргинца, отображенная в образных средствах языка. На каждом горце - печать местности, каждый народ по-своему видит мир, у каждого народа о материальной вселенной свой образ. В этом плане даргинцы не являются исключением. Они не только имеют общий со всеми родственными народами Дагестана образ, в нем есть и собственные неповторимые этнонациональные оттенки.

Среди объектов фразеологической номинации даргинского языка значительное место занимают моральные качества личности: отношение к себе и другим людям (жалость, эгоизм, уважение, человеколюбие, сочувствие, сострадание, гостеприимство, благодарность, неблагодарность, гордость, зависть, злословие и т.д.); отношение к труду (трудолюбие, лень, щедрость, бережливость, скупость); характеристики честности человека (честность, правдивость, искренность, обман, лицемерие, лесть, предательство); морально-волевые качества (мужество, выдержка, смелость, трусость); ценностно-нормативные понятия (добро, зло, благо).

«Некоторые крупные даргинские аулы или диалектные объединения, такие, например, как Акуша, Цудахар, Усиша, Сираги, Мекеги, Хайдак, Урахи, Губден, Кубачи, Муги, Харбук и другие, отличаются тем, что имеют собственные концептуальные модели мира, обусловленные их бытом и другими этническими особенностями. Модель мира акушинца существенно отличается от модели мира кубачинца, но вместе они создают общедаргинскую картину мира, т.к. культура любого даргинского аула, какая бы оригинальная она, ни была, является частью общедаргинской культуры. По такой же модели строятся культуры и модели мира и других родственных народностей Дагестана, в совокупности образуя общую картину мира горца, обусловленную этнокультурным своеобразием Дагестана».

Список использованной литературы:

1. Магомедова З.К. Культурные концепты в даргинской языковой картине мира. - Махачкала, 2012.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

Адилов А.Г.

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

Мирзаханова Т.Г.,

ассистент ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ДЖАФАРОВА

Аннотация: В статье исследованы особенности жанра рассказа в творчестве классика табасаранской литературы А. Джафарова, которые стали популярными во всей дагестанской литературе.

Ключевые слова: табасаранская литература, рассказ, жанр, Абумуслим Джафаров, сюжет, эпические традиции.

Известно, что табасаранская литература не знала до недавнего времени развитых эпических традиций. Их предтечей были малые формы эпоса: сказки, легенды, анекдоты, притчи и другие афористические жанры. Первыми образцами табасаранской литературной прозы стали повесть Э. Ханмагомедова «Кто работает, тот ест» (1934), произведение для детей и рассказы А. Джафарова «Думуган ва гьамус» - «Прежде и теперь» (1934).

Потребность эпического осмысления действительности во всем ее многообразии, как и желание непосредственного обращения к массам, выразилась в появлении в 30-е годы на страницах газеты «Красный Табасаран» и в республиканской периодике статей, очерков, зарисовок о новых людях, первых стройках, а также фельетонов, критических статей. Произведения отвечали задачам дня и стали первыми саженцами в молодом табасаранском литературном саду.

Очерковая литература обращалась к жизни колхозной деревни, отмечая новое в психологии человека, рождающееся под воздействием социалистической нравственности в процессе коллективного труда. Показывались герои гражданской войны, активисты, партийные работники. Все это становится основным содержанием небольших по объему произведений.

Первые прозаические опыты А. Джафарова, Б. Митарова, А. Везирова, Г. Гаджиева, Э. Ханмагомедова, Т. Шалбузова, М. Шамхалова и других отличались энтузиазмом, юношеским задором, эмоциональностью.

Еще молодой начинающий прозаик А. Джафаров отличался мастерством выражения мысли, оригинальностью подхода к раскрываемым проблемам. Впоследствии он скоро ут-

верждается в табасаранской литературе и как талантливый лирик, и как драматург. Но судьба А. Джафарова была очень трудной и не очень помогла попутным ветром.

Абумуслим Пирмагомедович Джафаров - поэт, прозаик, драматург, переводчик - родился 12 июня 1909 году в горном табасаранском селении Хив нынешнего Хивского района. Там прошло его детство, именно там природа одарила этого человека своеобразным талантом. Он рос в простой крестьянской семье, где было двенадцать детей. А. Джафаров с детства был трудолюбив и прилежен. По словам его сестры Гюлизар, он с малых лет был пристрастен к книгам, любил читать и писать. Отец Пирмагомед, работавший в Баку на нефтяных промыслах, мечтал всем детям дать образование. С этой целью он отдал Абумуслима в азербайджанскую школу, в то время открывшуюся в селении Хив. Его первыми учителями были Темирхан Шалбузов и Эфенди Шабанов. Они сыграли большую роль в творческой судьбе А. Джафарова, который не раз в своих публикациях с уважением и любовью отзывался о своих учителях и считал их своими наставниками. После окончания дербентского педучилища в 1924 году, А. Джафаров работает в Комсомоле в Табасаранском районе.

В 1931 году Джафаров переходит в махачкалинскую типографию. В это время в свет выходят его первые стихи «Первые шаги»- «*Садни гамар*», чуть позже - «Тогда и теперь» - «*Думуган ва гьамус*» и сборник стихов «Веселые голоса».

Родоначальниками новой табасаранской литературы выступили: Т. Шалбузов со своими произведениями, стали выступать тогда А. Имамов, А. Везиров, И. Шахмарданов, А. Ханмагомедов, Б. Раджабов и другие. Наибольшую активность проявил А.П. Джафаров, который в 1933-35 годах опубликовал сборник поэтических произведений «Сабпи гамар» - «*Первые шаги*», «*Шад сесер*» - «Веселые голоса», с Дадашем Раджабовым сборник «Наши песни», драму «От тьмы к свету»-«*Мучлувалиан акувализ*», книгу прозы «*Думуган ва гьамус*» - «*Тогда и теперь*».

Говоря о зарождении табасаранской прозы в творчестве А. Джафарова, нельзя не учитывать роли в формировании новой литературы, издававшихся на родном языке, программ для школ, хрестоматий по литературе, учебных пособий по языку, осуществление переводов на табасаранский язык произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.К. Крылова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Горького, Д. Бедного, А. Фадеева, В. Маяковского и других. Многие из этих переводов, в том числе произведений прозы, осуществлял А.П. Джафаров, что явилось для него своеобразной школой творческой учебы у больших мастеров литературы.

У всех дагестанских народов до революции проза была слабо развита или же, как у табасаранцев вовсе отсутствовала. В 20-40-ых годах также в этих литературах больше была развита поэзия, чем проза и драматургия. Но по сравнению с дореволюционной эпохой прозаических произведений теперь выходило значительно больше. Их авторами были аварец Р. Динмагомедов, лезгины А. Фатахов и З. Эфендиев, кумыки А. Аджаматов и Ю. Гереев, лакец Э. Капиев и другие.

А. Джафаров, идя в ногу с этой новой программой, со всей ясностью показывает, как в реальной действительности из жизненной практики рождаются новые общественные отношения, зреют и крепнут в большом и малом черты гуманизма, мысли и чувства людей, которые впервые в истории человечества стали складываться в типические признаки личности. И для полного восприятия проблем и идей прозы писателя необходимо, с нашей точки зрения, обратить внимание на юношескую и сатирическую прозу, написанную им чуть раньше. Ознакомьтесь с главными их образами и проблемами, и увидите плавный переход творческих поисков писателя к жанру рассказа. Основные интересы и проблемы того времени переплетены в рассказе «Десятый рейс» - «*ЙицЛубни рейс*», опубликованном 18 августа 1963 года, в газете «Дагестанская правда». В рассказе поставлены и разрешены проблемы совести, чести, самоотверженного труда и воспитания человека в духе высокосознательного отношения к труду, высокой нравственности, касающейся почти всех сторон поведения человека и призванные играть все более значительную роль в жизни общества - такова главная идея рассказа «Десятый рейс». Любопытны в этом рассказе образы двух молодых людей - Касума и Айваза, на основе которых и развивается основное действие. Наиболее интересен из них образ Касума - колхозного шофера, который дан в развитии. Это трудолюбивый, уважаемый всеми молодой человек. Но он пропитан старыми, отжившими предрассудками. Так, например, он любит девушку Милейсат только за то, что она образованная, при этом преследуя корыстную цель. Для Касума любовь Айваза и Милейсат ничего не значит, и, надеясь выиграть свою затею, проявляет себя как настоящий эгоист, совершив аморальный поступок, учинил скандал с Айвазом. На товарищеском суде, где председательствовала Милейсат, Касум получает по заслугам. Вот там-то и дал он слово исправиться не только поведением, но и трудом.

Как мы видим, общественная сила на него сильно подействовала. Общественное мнение нравственно перевоспитало Касума. Оно внушило Касуму, что он своим высокосознательным трудом и хорошим поведением может привлечь и поднять и остальных колхозников на борьбу за новые успехи в труде. Да, Касум перевоспитан нравственно, но никак не забывает Айваза. Он продолжает еще чувствовать к нему неприязнь. Это еще усиливается, когда он увидел написанный на стене колхозного клуба моральный кодекс строителя коммунизма. Касум никак не может мириться с принципом: «Человек человеку друг, товарищ и брат!». Мудрый старик, заведующий складом, дядя Рустам любит крупными желтыми зернами пшеницы, показывая их водителю самосвала Касуму. Он то, своим мудрым словом, вызывает в Касуме трудовой пафос и желание сделать десять рейсов. Касум не только трудолюбивый, но и послушный старших товарищ. Своим честным и сознательным трудом Касум стал примерным водителем. Теперь думает Касум, что это будет оправданным решением Айвазу, так как Айваз является прославленным трактористом. Писатель здесь проникает в духовный мир своего героя, показывает, как постепенно отбрасываются органически несвойственные ему думы и переживания. В финале видим Касума совсем другим, душевно богатым, полностью преображенным человеком. В его душе происходят резкие изменения. Касум лишней раз убеждается в верности

принципа морального кодекса строителя коммунизма «Человек человеку друг, товарищ и брат!» Это произошло в кульминационный момент, когда он торопился завершить десятый рейс. «Небо покрылось черными тучами. Надвигалась гроза. Сверкала молния. Хлынул дождь». Такова была погода, когда Касум с полной машиной зерна завершал последний рейс. Горная шумная река торопилась в своем течении, не меньше чем Касум. В характере Касума можно подчеркнуть еще и такие черты, как смелость, храбрость, самоотверженность ради общественного дела, ибо только такой человек способен загнать машин в такую бурную стремительную горную речку. Чувство ответственности перед джамаатом ему не дает покоя, когда машина заглохла в самой середине речки. Касум парень отчаянный. Он открывает дверь кабины. Крик его сердца был громче молнии. Этот решительный парень потерял ориентировку, когда зёрна по-одному стали уноситься течением реки. Неожиданно появляется Айваз со своим стальным другом, который шёл с пахоты. «Срезав стремительное течение горной реки, сделал резкий поворот и взял машину Касума на буксир со словами: «Эй, друг! Крепче держи руль!». Они благополучно дошли до колхозной конторы. Моментажно выскочив из кабины, пожав руку Айвазу, который спас его от смерти и джамаат от беды, Касум указывает на моральный кодекс. Касум, прочитав вслух нравственный принцип «Человек человеку друг, товарищ и брат!», утверждает, что это замечательные, золотые и верные слова. Вот в такой активной созидательной деятельности, в труде высокосоциальном, который отражает преобразовательный дух нашей эпохи, формируется сознание у людей. Такова идея рассказа, который и представляет собой сюжетное, развёрнутое подтверждение писателем этой готовой мысли. Автором показана психология героя в начале и в конце рассказа. В этом рассказе перед нами нравственно перевоспитанный, сознательный человек, который отбросил все гнилые предрассудки. Писатель, как видно, далеко не разведчик и не первооткрыватель новых сторон человеческих взаимоотношений и тайников человеческой психологии. Он выступает в этом рассказе как талантливый иллюстратор готовых идей и мыслей, которые формировались в новом обществе. Хотя надо искренне признать, что только злой скептик, лицемер и нигилист может отрицать глубокую нравственную ценность самого этого лозунга-призыва: «Человек человеку – брат, друг и товарищ!» Но было бы неверным в наши дни задним числом винить писателя, прошедшего через ад лагерного кошмара в том, что он следовал коммунистическим заветам, которым продолжал быть верным даже в годы лишения свободы и возвращения оттуда.

К числу произведений, замечательных идейной и художественной зрелостью, где сделаны серьёзные шаги в настоящую прозу, относится цикл рассказов А. Джафарова «Прежде и теперь» - «*Думуган ва гьамус*». Контрасты – приём, импонирующий автору в поэзии, был использован в прозаических опытах. Патриот социалистической родины, энтузиаст многих культурных начинаний в крае, одарённый художник, талантливый бытописатель Джафаров «изменяет» рационалистическому принципу. Верх берёт художник реалист, хорошо знающий жизнь, её сложность, тонкости, подробности человеческого бытия и психологии. Он прибегает к фольклору и красочным этнографическим подробностям, об-

рядам, обычаям народа. Как и в лучших поэтических произведениях – «Кулаке Нури», «Мастерице-ковровщице» и других, здесь присутствует большая обстоятельность, внимание к деталям, исследование мотивов, побуждающих героев к действию. В образе дедушки Керима впервые воссоздаётся истинно национальный характер. Поэзия, ставшая в определённой степени «подпочвой прозы» (Б.Сучков), подготовила благодатную ниву для его разработки.

Сборник «Прежде и теперь» - «*Думуган ва гьамус*» состоит из пяти самостоятельных рассказов, объединённых общей идеей, героем и принципом подхода к отражению жизни. Вместе с тем каждый из них законченное целое. Преамбула повествования иллюстрирует главный композиционный прием: «Вчера я, как всегда, слушал интереснейшие рассказы деда. Как только подхожу к нему, он, нисколько не удивляясь, начинает рассказывать всякие были и небылицы, зная, что я пришел к нему именно слушать их» [2: 1934. С.- 3].

Первый рассказ посвящен Кериму, умудренному жизнью старцу, его внутреннему миру. Характеристике предпослан портрет: «Мой дед был в возрасте восьмидесяти пяти лет, выдавшим жизнь человеком. Грубые губы, исполосованное глубокими морщинами лицо, маленькие, черные глаза, сохранившие молодецкий дух, веселую улыбку. Уши деда могли слышать жужжание мухи в любом углу комнаты». Типичный для горца-аксакала облик являл собой новаторство в табасаранской литературе.

Психологический склад Керима раскрыт в поступках, размышлениях и характеристике от лица автора: «Все непременно отмечали в моём деду одно обстоятельство: провёл славную жизнь, и сейчас, на склоне лет, никак не соглашался с тем, что пришла старость. Дед был умён и добр, к нему приходили советоваться по любому случаю: готовились ли к свадьбе или похоронам – в доме бывало полно людей из своего и соседних аулов. Останавливались у него на ночлег торговцы кинжалами, украшениями из серебра и золота, брошек, серёжек, часов и других изделий. Приезжали продавать керосин – снова останавливались в доме деда. Первый вопрос, который задавали приезжие, был: «Не знаете ли вы, где живёт дядя Керим? Как пройти к его дому?»

Внутренний мир старика обнажается в диалогах с внуком.

Дед как-то сказал мне: «В каждом ауле у тебя должна быть своя крепость». -- Разве под силу её построить в каждом ауле? – спросил я. Услышав эти слова, он медленно открыл рот, обнажив белоснежные зубы, и с улыбкой ответил: - Дорогой внук! Иметь друга – это значит иметь дом, куда ты сможешь зайти в любое время дня и ночи как желанный человек. Тебе, четырнадцатилетнему, ещё неизвестно, что значит зарабатывать своими руками и делиться добром с друзьями, народом...» [2: 1934. С.- 15].

Все в Кериме свидетельствует о глубокой приверженности добрым традициям гор. Колоритны бытовые сценки, в которых Керим не устает наставлять ворчливую жену, терпеливо учит её радушию. Из рассказов в кунацкой, где собиралось много народу, внук его узнавал о тяжелой участи детей в прошлом, о случаях воровства и продажи их в рабство.

Собственно раскрытие темы начинается в главе III, так и называемой «Прежде», где страшная картина как бы возвращает воображение к сценам из поэмы «Кулак Нури». Здесь разворачивается та же трагедия - самоубийство женщины. Автор предваряет событие: «Летнее утро чем-то примечательно. Многоголосая трель птиц, журчанье быстрых горных ручейков, раскатистое горное эхо, - все это волновало душу. Пик горы так высок, что, когда смотришь на него, папаха спадает с головы. Внизу, в теснине, змеёй извивалась река. Только с севера доносилось злое непонятное пение какой-то незнакомой птицы...» [7: 1986. С.-150].

Суровый реализм углубляет впечатление человеческого несчастья. Голоса аульчан, требующих мести за изменение общественного устройства. Пафос рассказов был необходимым элементом, ибо, как пишет Б. Сучков, «утверждение нового в искусстве социалистического реализма шло рука об руку с критикой и отрицанием всего того, что противостоит социализму и мешает его воплощению в жизнь» [7: 1986. С.-364].

Прозаический цикл позволяет судить о растущем мастерстве молодого прозаика. Нарисованные им реалистические картины нравов патриархального аула приобретают глубокий социальный смысл. Гибель жены бека, юноши и его возлюбленной – протест против насилия и зла. Здесь сделан также шаг к правдивому изображению человека.

Мастерство писателя наиболее очевидно обнаруживается в рассказе «Охота». Большой любитель природы, он впоследствии стал егерем, что дало ему уникальный материал для прекрасных произведений, написанных в послевоенные годы, таких как «Крылатый браконьер», «Юные геологи», «Седобородый охотник».

Лучшие свои произведения А. Джафаров посвятил родному колхозу. Так, например, в 1959 году Джафаров написал рассказ «Весть» - «Муштулугъ», посвящённый трудовым будням колхозников-хлеборобов. Этот рассказ впоследствии вошёл в школьную хрестоматию.

У А. Джафарова описание природы и животных в рассказах гармонично соединяется с повествованием. Язык же точен, при описании природы согрет лиризмом. Читатель, прочитавший его рассказы, получает полезные сведения, которые расширяют знания о мире.

Список использованной литературы:

1. Гасанов М.М. «Биначи» - «Основоположник». (Очерк творчества А. Джафарова на табасаранском языке). // «Литературайин Табасаран». – Махачкала: Дагкнигиздат, 1980.
2. Джафаров А.П. Думуган ва гьамус. – Махачкала: Даггосиздат, 1934.
3. Джафаров А.П. Муштулугъ. // Литературайин хрестоматия VI-и классдиз. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1964.
4. Джафаров А.П. Спичкаийъ айи холодильник. Йицубпи рейс. Уьлин тики. // Ихтилатарин гьварч. Дюзмиш гьапур М.М. Гьясанов. – Мягьячгала: Дагучпедгиз, 1986.
5. Джафаров А.П. Бицли геологар (гьварч). – Мягьячгала: Дагучпедгиз, 1965.

6. Юсуфов М.Г. Табасаранская советская литература. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1986.

Биданок М.М.,
*д.ф.н., заместитель директора
по науке ГБУ РА «АРИГИ Т.М. Керашева»
(Россия, Майкоп)*
Дибиров И. А.,
*д.ф.н., профессор ДГПУ им. Р.Гамзатова
(Россия, Махачкала)*

ВКЛАД Ш.Х. САЛАКАЯ В НАУЧНУЮ ЖИЗНЬ АБХАЗИИ

Аннотация: В статье с упоминанием фактов биографии Ш.Х. Салакая рассмотрен его весомый вклад в абхазоведение. Приводимые в статье материалы классифицируются автором на три группы (абхазский фольклор, абхазское литературоведение и история абхазской науки). Это позволяет пошагово рассмотреть каждую из них, с приведением биографических и аналитических сведений.

Ключевые слова: абхазский фольклор, Шота Хичович Салакая, эпос, этнос, нарты.

Abstract: In an article mentioning the facts of the biography of Sh.Kh. Salakai examines his significant contribution to Abkhaz studies. The materials presented in the article are classified by the author into three groups (Abkhaz folklore, Abkhaz literary criticism and the history of Abkhaz science). This allows you to consider each of them step by step, with biographical and analytical information.

Key words: Abkhaz folklore, Shota Khichovich Salakaya, epic, ethnicity, Narts.

Шота Хичович Салакая (1933-2021) – один из ярких представителей абхазской гуманитарной науки, внесший огромный вклад в абхазскую фольклористику.

С 1 декабря 1959 года и по ноябрь 2021 года Ш.Х. Салакая продуктивно и увлеченно трудился в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа (сегодня – Абхазский институт гуманитарных исследований (АИГИ) им. Д.И. Гулиа Академии наук (АН) Абхазии). Будучи ведущим научным сотрудником фольклорного отдела данного учреждения, он к тому же занимал должность профессора кафедры абхазской литературы Абхазского государственного университета (АГУ). Кроме этого, Ш.Х. Салакая с 1998 года был главным ученым секретарем Президиума АН Абхазии, действующим академиком названной Академии, а также – действительным членом Адыгской (Черкесской) Международной Академии наук (АМАН).

Как показывает сфера его деятельности, Шота Салакая выступал основным докладчиком на более чем трех десятках научных форумов, проводившихся Координационным советом по фольклору при АН Грузинской ССР в Тбилиси ежегодно, начиная с 1960-х годов. Помимо этого, он был участником целого ряда разных (региональных, республиканских, международных) научных мероприятий Кавказа вплоть до последних дней своей жизни. Тема-

тика научных работ и докладов Шоты Салакая, круг его исследовательских обращений свидетельствует о его многогранности. Круг научных интересов ученого включает весьма обширные, но стержневые разделы абхазоведения: фольклор, литературная критика и история абхазской науки. Попытаемся рассмотреть их пошагово.

Что касается фольклора, присущего родному для Шоты Салакая абхазскому народу, можно сказать так. Фактически фольклорная мысль с момента его рождения и на каждом из индивидуальных биографических этапов сопровождала ученого. Родившись 18 июля 1933 года в селе Тхина Очамчирского района Абхазии Шота Салакая, там же завершил школьное восьмилетнее обучение и продолжил его уже в профессиональном направлении в стенах абхазского сектора Сухумского госпедучилища. Почти через 20 лет, уже в году 1952-ом состоялось его поступление на русский сектор филологического факультета Сухумского пединститута имени А.М. Горького (СГПИ), завершение которого в авторской биографии состоялось в 1956 г.

Одновременно он проявлял активность своими публикациями в региональной прессе. Во время обучения присущие Шоте Салакая внимание к исследованиям, его заинтересованность в поисках не могли остаться без внимания. Они оказались зафиксированы, вследствие чего за его успехи ему была присвоена Ленинская стипендия. В 1956 году, то есть сразу по окончании СГПИ, Шоте Салакая удалось поступить в тбилисскую аспирантуру при Институте истории грузинской литературы имени Ш. Руставели АН Грузии непосредственно по созвучной его фольклорным трудам специальности «Фольклористика». Также ему удалось успешно окончить названное учреждение в 1959 г., подтвердив свою квалификацию посредством защиты в 1965 г. кандидатской диссертации на ту же фольклорную тему («Основные виды абхазского героического и исторического эпоса»). Искомая фольклорная тематика была продолжена и расширена Шотой Салакая в дальнейшем, что привело к представлению и успешной защите диссертации докторской («Эпическое творчество абхазского народа»), состоявшейся в 1999 г. в столичном ИМЛИ.

Анализируя развитие абхазской версии нартского эпоса ученый ведет речь о том, что она поступила в распоряжение научного круга с 40-х гг. прошлого века посредством трудов Шалвы Инал-Ипа, который инициировал ее научное изучение. Придавая устному народному созиданию весьма значимое место во внутреннем мире как абхазов, так и других кавказских наций, Шота Салакая весьма внимателен. Большая часть из двух сотен состоявшихся у ученого публикаций посвящена именно фольклорному материалу. Или – стыку фольклора с современной автору литературой. Действительно, не имевший письменных традиций вплоть до прошлого века, абхазский народ, как и некоторые другие кавказские этносы, мог выразить собственные художественные силы только посредством фольклорного инструментария. Это давало весьма своеобразную на тот момент вариацию национальной литературной критики, лишь устанавливавшуюся тогда, но уже весьма основательную своим нартским фундаментализмом.

Фольклорно апробированная тенденция была присуща многим северокавказским соседям абхазов, и именно это прослеживал в своих трудах Шота Салакая. Обширное

применение единого эпического материала в рядах отличающихся друг от друга (языково, культурно) этносов есть событие, достаточно не обычное в фольклоре. Многие из таких рассмотрений Шоты Салакая происходят в детализированном соотношении с подобным художественным продуцированием северокавказских наций (в частности, активнее, – абазо-адыгов). Ученый делает акцент на их обращении не только к присущим им образцам поэтической героики, однако в достаточной мере и на прочие устные жанры, в том числе, – и на сказку. Так, к примеру, в жанровом отношении, сказка как у абхазов, так и у адыгов, и у абазин, есть жанр национального слога, образцы которого обязательно имеются фактически в каждой горской семье на радость и детям, и родителям.

Либо другая общность. Так, в частности, схожие друг с другом фольклорные защитники охотников и их дичи обнаруживаются практически у каждого из кавказских народов. Сопровождающая Кавказ столетиями боевая нацеленность жителей, несомненно, обусловила доблестную сюжеттику, бравую событийность и военную персонажность его словотворчества. Как подсказывает своему читателю Шота Салакая, такой бравадой окрашены присущие разным кавказским этносам эпические творения. Идентичными друг другу бравыми героями с их аналогичными охотничьими заслугами у адыгов Шота Салакая называет Мазитха, у грузин-горцев – рачинцев и сванов – Апсат (но чаще богиня охоты Дали), у осетин, карачаевцев и балкарцев – Авсат и проч. [2, с. 4] Такая склонность к героике кавказских горцев в их творчестве уже неоднократно трактуется учеными посредством территориально общих хроник кавказских народов. Присоединяется в объяснении общности к ним и Шота Салакая. Он видит эпос глашатаем, который помогает Кавказу на протяжении ряда столетий проводить устойчивую оборону, защищая земли предков от разнообразных агрессий: «В конце концов, не так уж важно для истории, кто заложил первый камень в основании этого памятника, и кто возвел крышу над ним. Значительно важнее та непреложная истина, что он стал своим, родным, любимым творением для целой группы кавказских народов, что он во многом сближает, спланивает их, активно способствуя духовному общению между ними» [1, с. 83].

Другая грань исследовательских интересов Шоты Салакая относима нами к литературной критике, напрямую связанной в своем развитии с предыдущим фольклором. И потому никак не способной остаться вне мнений ученого. Так, к примеру, в своем Предисловии, инициированном автором к выходу шеститомного Собрания сочинений Дмитрия Гулии в Сухуми (1981) на абхазском языке, Шота Салакая уверенно, убедительно считает уважаемого нацией писателя гордостью абхазского народа. Относя его деятельность к трудам «местных интеллигентов-краеведов», Ш. Салакая называет аксакала-писателя одним из тех, кто в советское время оказался крупным научным, культурным и общественным активистом.

В момент становления абхазского исследователя его потенциал был уже тогда заметным. Он подчеркивался авторитетными тогда в их науке специалистами. Преподавательница Шоты Салакая, серьезный филолог XX в., профессор Елена Вирсаладзе определяла в свое время юного абхазского исследователя как выдающегося в ряду потенциальных своих слу-

шателей. Являясь в своих реалиях участником многих международных научных форумов, Шота Салакая имел и намерения, и основания вести речь, делать выводы об истории науки абхазов на фоне интеллектуального развития других кавказских народов. Эта категория является третьей из выделяемых нами в списке научных интересов Шоты Салакая. По его мнению, лишь в начале XIX в. у абхазов появилась сама письменность. Следовательно, по мнению анализируемого ученого, абхазская наука, как и многая другая младописьменная культура Кавказа, весьма молода. Это Шота Салакая подтверждает, последовательно, поэтапно рассматривая с 30 – 40-х гг. XIX века, тенденции научных мнений, обусловленные инициативной работой регионального краеведения, а также – неустанным вниманием, уделяемым авторитетными проезжими этим землям. Однако в ряде случаев некоторые устные источники не попадают в блокнот ученого, что автор, работая с абхазскими народными сказками, прослеживает весьма обоснованно, психологично поясняя логику ощущений сказителя, а также – и читателя, и собирателя.

Ведущими течениями абхазского, как и в целом, – общекавказского нартоведения, он признает следующую тенденцию. Это широкая научная публикация текстов эпоса, а также умножение посредством этого сравнительного соотнесения большинства имеющихся национальных версий. На основе такого умножающего научного внимания Шота Салакая видит возможность: 1) более выразительного тонирования этнической специфики «Нартов» у той или иной кавказской нации; 2) более глубокого воспроизведения самого источникового вида, присущего эпическому монументу. В целом, как удастся нам выяснить, в своих трудах он продуктивно сочетает этническое своеобразие абхазского народа с его адаптационным синдромом в хроникально-территориальных обстоятельствах. Потому очерчивает эту специфику этноса профессор Шота Салакая, ведя речь о ее двухсотлетнем развитии с опорой на российское историко-культурное пространство, начиная с 1810 г. В силу того, что апробированный предками горцев древний фундамент выстраивал монументальное здание общекавказской культуры, он, по мнению ученого, нуждался в словотворческих зачинах многих кавказских наций: «Поэтому и те народы, которые закладывали основу, и те, которые возводили его стены и крышу, вполне законно могут претендовать на соавторство, если можно так выразиться по отношению к фольклорному произведению» [1, с. 84]. И оттого, завещая нам свои исследовательские интересы, помня о требуемом соавторстве, аксакал Шота Салакая призывает (твердо, мастерски отчетливо): «со временем создать общий сводный текст нартского эпоса народов Кавказа как памятник бескорыстной дружбы и вечной борьбы за свободу и справедливость» [1, с. 85].

Список использованной литературы:

23. Салакая Ш.Х. Нартоведение в Абхазии // Известия СОИГСИ. – 2014. – № 11(50). – С. 81-85.
24. Салакая Ш.Х. Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1974. – С. 19-26.

Ильясов Х.И.,

д.филолог.н, профессор,
(Россия, Махачкала)

Тинаева А.Оз. К.,

д.филолог.н., профессор
(Турция, Гёксун)

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЖАНР ШАММА

Аннотация. В данной статье анализу подвергается ассоциативный метафорический ряд лакского фольклорного жанра шамма. В нем обнаружены восточные символы и мотивы, которые послужили кладезом для последующей письменной литературы, а также способствовали сохранению образности лакского языка и развитию поэтического мышления.

Ключевые слова: фольклор – устное народное творчество, метафора – переносное значение, в основе которого лежит смежность явлений, предметов и т.д., эпитет – определение при слове, подчеркивающее его выразительность, символ – условный знак, изображение, не имеющее видимого сходства с изображаемым предметом, шамма – лакское фольклорное четверостишие.

Метафорический ряд восточных символов и мотивов характерен лакскому фольклорному жанру шамма – четверостишиям. Восточные образы и мотивы содержатся как в шамма, так и во всех других жанрах фольклора народов Дагестана, но в шамма они занимают привилегированное положение. Об ассоциативном метафорическом ряде говорят символы Рога изобилия, Чаши Джамшида, Святого Грааля, Трона, Зеркала, различных сфер и гиперсфер, а также такие эпитеты, как ковер-самолет, сапоги-скороходы, шапка-невидимка и т.д. Невозможно рассмотреть все примеры, содержащиеся в лакском шамма. Они обогатили современную лакскую литературу восточными символами и мотивами, а также способствовали сохранению образности языка. Приведем наиболее характерные, типичные и чаще всего встречающиеся из них, по которым можно составить себе представление о целом или сделать соответствующие выводы.

Итак, обратимся к примерам:

Ва ттул шанцинал хЛавий,

Шанувагу бияйрив,

Ттунния, янил чаний,

Иттала къауккара.

О, стройный тополь молодой,

Спится ли тебе по ночам?

Я же не могу сомкнуть глаз

Из-за тебя, свет моих очей!

Это яркий пример использования метафоры света в любовной лирике. Свет сфер, о которых мы говорили, трансформирован в чувство взаимности, любви. Этот тонкий поэтический образ восходит к Зеркалу, к Рогу изобилия, Звезде, Ладье, Трону и т.д.

*Къума-џансса ратлаву
Инавалу ливчI гьалбарџI,
Ява личIлулну бикIу
Лавмарт къатIул къабугьан.*

*Лев, оставшийся наедине
В тесных ущельях,
Будь настороже,
Как бы не угодить в капкан!*

Лев – символ благородства, мужества, доблести. Потому очень часто его изображают крылатым. Образ восходит к Солнцу, Светилам, Пегасу, Бураку. В нашем контексте использован как инструмент для того, чтобы подчеркнуть восхищение его храбростью, «лев, оставшийся наедине с самим собой в тесном ущелье...» Кто он был? Почему он остался один? Почему его бросили друзья?

*Ттуруллуву бургьил оьрчI
На ина ссах ласава,
Ттул вин дулун хъус дакъар,
Махъ бусансса чув акъар.*

*О, дитя солнца, в облаках
Как мне тебя заполучить?
Нет у меня золота,
Нет именитой родни.*

Дитя Солнца – образ из того же круга, примыкающих к Чаше Джамшида, Святому Граалю. Священный древний символ использован в шамма для того, чтобы показать отношение девушки к возлюбленному:

*Ина кIигъагъивуй,
Арцул пиядай,
Ттул махъра-махъсса щин
ХIачIан бувнавав?*

*Чтоб ты пополам разломалась,
Серебряная чаша,
Для того ли тебя сделали,
Чтобы испить мою последнюю воду?!*

А вот и прямой прообраз Рога изобилия – серебряная чаша. Но посмотрите, какой облик принимает чаша! Ведь последняя вода трагической героини есть ее последняя надежда!

Сама же серебряная чаша – возлюбленный, который погасил в душе героини последнюю надежду...

*Дуниял ччай, гъав дулай,
Алжан ччай, дуржагъ булай,
Ина ччай на бивчІарча,
Гъаттавун къагъанссара.*

*Кто ищет Дунъя (мирского),
получает Смерть,
Кто ищет Рая, получает Ад,
Если, возжелав тебя, я умру,
Наверное, не помещусь в могилу.*

Здесь уже речь идет о гранях Грааля – об Аде и Рае. Это наиболее распространенная тема в шанма. И в дальнейшем можно убедиться в этом:

*Недосыгаемому ястребу
Расставляла я сети,
А в них угодила
Обычная куропатка.*

Девушка, мечтавшая о принце на корабле с алыми парусами, заполучила заурядного жениха и шутивно-горько ухмыляется своей судьбе. Ястреб – Возлюбленный. Образ ястреба из круга мифических птиц, трансформированных из образа Солнца.

*Къиргъулул яруннин
Къадагъа дакъуй,
Къабургара на вих
Багъдад бунугу.*

*Если даже Багдад
В глазах твоих,
Не взгляну на тебя,
Потому что глаза
твои непостоянны.*

Строки сожаления девушки, обращенные к ветреному юноше, который люб ей, но она не может довериться ему из-за его непостоянства. Здесь в скрытой форме дан символ Зеркала – глаза, отразившие Багдад!

*Мармар чарил муруллай
Яру лухІи Итаргуй,
Ина бугъан къахъурча
Къаританна дуниял.*

Во дворце на скалах

*Черноокая Итаргу,
Если не смогу тебя поймать,
Распрощаюсь с белым светом.*

Итаргу – прообраз Жар-птицы, девушки-птицы, красавицы с лицом девушки и крыльями Жар-птицы вместо рук. Такое ощущение, что сюжет этого шанма заимствован из сказки. В окрестностях г. Махачкалы есть знаменитая гора Таргу. Возможно, Итаргу – производное от названия горы, местообитание прекрасной птицы или возлюбленной.

*Эшкьи хьусса хан булбул
Ччучлачисса ссалливав?
Луглай къалярхъсса тIутIи
ДакIнивун къуртIуну дур.*

*Отчего так горюет
Влюбленный соловей,
Оттого ли, что роза,
которую отыскал,
Вонзилась ему в грудь?*

В этом шанма как нельзя лучше передана горечь любви такими общеизвестными символами, как соловей и роза. Очень часто вместо соловья в горской поэзии «выступает» пчела. Вообще, шанма имеет свою специфику, она меняет символы или значение символов применительно к местным поэтическим традициям.

*Любовь наша была слаще
Меда молодой пчелы.
Кто нам поперчил,
Пусть мир станет
для него горьким!*

В этом шанма любовь сравнивается с медом молодой пчелы, а то, что мешает истинной любви – с горечью, с перцем.

*Ты цветок и я цветок,
Оба мы цветочка,
Так пойдём, цветочек мой,
В поле порезвимся.*

В этом безобидном любовном шанма, где влюбленные названы цветами, угадывается связь с символом Древа Жизни. Ведь цветок – это растение, как и дерево. Тем более, что богиня Плодородия изображалась всегда рядом с плодоносными деревьями.

*Любовь – это морской конь,
Страсть – ветер летучий,
Они оба заодно,
От них нет покоя.*

Экспрессивная, эмоциональная, непостоянная любовь сравнивается с морским конем, летучим ветром. За этими сравнениями угадываются символы Пегаса и Феникса.

*В краю Рая ласточка,
На стене Каабы голубка,
На вашей стене бабочка,
И я не смог их поймать.*

Ласточка, голубка, бабочка – отдаленные «аналоги» Семурга, Сирин, Гумаюн, Жар-птицы.

*Пчелка с цветка
Берет нектар,
Бери и ты с меня, любимый,
Сельские сплетни.*

Пчелка – очень отдаленный прообраз все того же Гумаюна, Феникса, Семурга.

*С полей забрала сердце,
С гор – глаза,
Но с порога твоей гостиной
Не могу забрать своих глаз.*

Глаза – синоним символа Зеркала, Отражения, Очищения, Любви.

*Среди столько птиц
Ты единственный.
У кого перо золотое,
Мой горный орел?*

Горный орел с золотым пером тоже из круга образов Семурга и Феникса, как и куропатка:

*Сколько же воды
Пьет красавица?
И такая же красивая походка,
Как у куропатки.*

А вот как чаша использована в любовной лирике горцев:

*Моя золотая чашечка,
Неужели нет у тебя времени?
Серебряная моя чаша,
Сколько можно тебя ждать?*

Здесь чаша из «арсенала» символа Чаши Джамшида, Святого Грааля.

*В день погожий, солнечный,
Ястреб летает над горами.
Не ходи за мной, как ястреб,
Белобородый старичок.*

Ястреб – из круга образов мифической Жар-птицы, Семурга, Феникса.

Высок твой воротник,

*Словно у оленя,
Вот бы только обнять
Руками белыми.*

Олень – атрибут Древа Мироздания. В охотничьем культе Древо Мира изображалось со зверьми, висящими на ветвях вместо плодов. Среди этих зверей непременно «присутствовал» и благородный олень. Да и размашистые рога оленя напоминают на ассоциативном, подсознательном уровне ветви Древа Мира, Древа Жизни. В дальнейшем животные эти почитались священными и стали родовыми тотемами. Вот почему многие роды носят «звериные» фамилии.

*Чтоб поймать
Неуловимого ястреба,
Я кинула сеть,
Но оказалось,
поймала куропатку,
Что кудахтала
на склоне горы.*

Ястреб, куропатка, конечно же, относятся к кругу птиц, относящихся к символу Феникса, но в то же время они относятся также к атрибутам Богинь Плодородия или Древа Мира, Древа Жизни, как и олени, медведи, орлы, соколы, ястребы и куропатки тоже «висят» на ветвях Древа Мироздания.

*В саду цветочном
Огненный цветок,
Хочется сорвать,
но не достать мне его,
И вот переживаю я теперь.*

Сад – это далекий прообраз Рая, огненный цветок – образ юноши, а также прообраз Зеркала. Образ Зеркала содержит в себе мотив очищения, совершенства, гармонии, а образ Феникса, Семурга, Гумаюна, Сирина – мотивы Возрождения, духовно-нравственного Очищения, Преображения, Воскрешения или Нового Зарождения.

*Твоя походка
Словно журчанье речки,
Ты научился языку
горного бурана,
Мой соколенок.*

Соколенок принадлежит к ареалу символа Семурга, Феникса.

*Пусть не выпадет
Зимою снег,
Чтоб не замерзла
Фиалка в горах.*

Фиалка – символ горской любви, происходит из рода того же Древа Жизни, Древа Плодородия. Приведем несколько примеров, где разными образами говорится примерно одно и то же:

*Ты слышал такое,
Что скорпион-птица,
Гнездо вьет себе
Только на небесах?*

Или:

*Тебе известно,
Что тот, кто стоял
Под тенью гумаюна
Становится царем?*

А также и в другом шанма:

*Вся золотом вышитая,
Бриллиантами выбитая
Райская птица-ласточка,
Как трудно достичь
твоей любви!*

Или:

*В райском саду
Апельсиновое дерево,
Чем больше я принохиваюсь,
Тем сильнее я сохну.*

Скорпион-птица, гумаюн, райская ласточка – из области Сирина, Семурга, Феникса. Райский сад и апельсиновое дерево из ареала Древа Мироздания.

В горской любовной лирике место восточной розы занимает, как правило, фиалка:

*Фиалка, фиалка,
Я искал фиалку,
Но фиалка для любви
Оказалась по соседству.*

Или:

*Чтоб не расти другим цветам,
Чтоб росла горная фиалка,
Что роса высушила тебя, фиалка,
Что не смог прижать к груди.*

Или же:

*На стене Рая – пташка,
На нашей стене – бабочка,
Среди цветов*

*Фиалка – королева,
Чтоб была суждена мне.*

Народная фантазия щедра на выдумки, когда дело касается такой тонкой сферы, как любовь.

*Если предложат мне выбор
Между женихом и Раем,
Скажу: «Не хочу Рая,
Дайте мне жениха!»*

Если мы привыкли к тому, что любовь сравнивается с Раем, то в этом шанма видим, что она ставится превыше всего.

В другом стихотворении говорится:
*Вот бы среди туч
Мне встретить тебя,
Пуще волка ненасытного
Я бы тебя увел.*

Волк в сознании горцев благородное животное. В данном случае речь идет об очень сильном чувстве, о «волчьей страсти». Волк к тому же ассоциативно вызывает в памяти львов, тигров и других зверей, относящихся к кругу символа Древа Мира.

В горской поэзии встречается и соловей, но намного реже, чем в восточных рубаи и газелях:

*Украшающая звуками землю,
Прекрасная птица соловей!
Весь мир уже развалился,
Пора прекратить свою песню.*

Очень часто для более эмоциональной передачи чувств и мыслей в горской поэзии используются образы птиц, зверей, таких, как сокол, ястреб, ласточка-тарлан, итаргу, олень, джейран, горный козел, косуля и т.д.:

*Высокогорные олени
Останавливаются на вершинах,
Моя измученная любовь
Останавливается только у тебя.*

А в другом шанма возлюбленная названа сразу несколькими эпитетами:

*Ласточка на воротах Рая,
Голубка на стенах Мекки,
Бабочку с нашей стены
Не смог я поймать.*

Или вот другой пример:

*Услышав пение куропатки,
Просыпаюсь, не выспавшись.*

Как же мне жить дальше

С этим бурым медведем?

В горской поэзии приближение к возлюбленной, ответная любовь сравнивается с Раем, с его наслаждениями, неземным блаженством, тогда как безответная любовь и страдания уподобляются Аду с его мучениями и болью. Из круга образов, связанных с понятиями Ада и Рая – яблоко, виноград, ангелы, змей:

Поела бы я фрукты

Из садов Багдада,

Но заставляют поесть

Горькое яблоко ада.

А в другом шанма поется:

Вот бы мне плачущего яблока

Или груши стонущей,

Неплохо бы и немую айву,

Я бы их съела,

как лекарство от сердца.

Или вот:

Чем краше яблоко,

Тем дороже оно,

Покушай от души,

Только не набей оскомину.

Взаимная любовь в шанма сравнивается с небом, со спокойным морем, с медом молодой пчелы, а безответная любовь – с бураном, ураганом, ветром летучим, росой жгучей, изморозью, снегопадом, лавиной, обвалом, громом, огнем безжалостным.

В горских четверостишиях, в особенности в лакском фольклорном жанре шанма явно доказывается справедливость концепции академика Г.Г. Гамзатова об общем и особенном. Так, очень часто в них «роль» соловья выполняет пчела (даже любовь сравнивается с медом молодой пчелы), розы – фиалка, льва – волк, газели или косули – тур, джейран, безответная любовь сравнивается с обвалом в горах и т.д. Все эти детали передают национальную особенность, колорит лирической поэзии.

Так, вместо льва часто выступает горный тур. Оба эти символа выражают благородство. Вместо Жар-птицы выступает Салу-тарлан или Итаргу, роль Пера выполняет Калам, Рога изобилия – Маччарал къукъу (кувшин с медовым напитком), Чаши Джамшида – Жамжигъан или пияда (пияла).

Все эти параллели свидетельствуют о том, что существует единый код мировой мифопоэтической культуры и лакский фольклорный жанр шанма является органической составной ее частью.

Список использованной литературы:

1. И деревья держутся корнями. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2000 (на лакском языке).

2. Песни отцов. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971 (на лакском языке).

3. Альманах «Дружба», №3-4. - Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979.

Ильясов Х.И.,

д.филолог.н, профессор,

(Россия, Махачкала);

Тинаева А.Оз. К.,

д.филолог.н., профессор,

(Турция, Гёксун)

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

Аннотация: В статье исследуется творчество великого советского поэта Сулеймана Стальского. Его творчество отмечено М.Шлоховым, Н.Тихоновым, В.Луговским, Б.Пастернаком, Э.Капиевым. Сулейман Стальский воспевае человека труда, человека создателя новой жизни. В данной статье рассматривается эволюция творчества символа советской эпохи – поэта Сулеймана Стальского.

Ключевые слова: Ашуг, Габиб – прозвище Эфенди Капиева, которое ему дал С.Стальский; Мулла – мусульманский священнослужитель.

Эта эволюция прослежена не только по стихам Стальского, но и по произведению Эфенди Капиева о нем под названием «Поэт».

В этой книге рассматриваются истоки развития творчества Сулеймана Стальского.

Методология исследования базируется на сравнительно-историческом и типологическом методах исследования, так как творчество Сулеймана Стальского рассматривается в эволюции: от ашуга-импровизатора до народного трибуна.

Результаты. Великий советский поэт Сулейман Стальский родился 18 мая 1869 года в ауле Ашага-Сталь Кюринского округа Дагестанской области. Он вырос в бедной крестьянской семье в крайне стесненных условиях. Сызмальства судьба приготовила ему тяжелую судьбу. Его мать умерла, когда сыну исполнилось всего лишь 7 лет. И Сулейману пришлось хлебнуть все прелести сиротской жизни. Когда мальчику исполнилось 17 лет, ему пришлось в поисках куска хлеба работать на нефтяных промыслах по найму.

Сначала он батрачил на зажиточных людей в Кюре, затем подался на нефтяные промыслы в Баку, там брали всех подряд, не смотря на возраст. Впоследствии работал на Самаркандской железной дороге. Его жизнь чем-то схожа с жизнью пролетарского писателя Максима Горького. Ему тоже пришлось скитаться по миру в поисках пропитания. Они не прошли даром для Сулеймана. Сулейман хорошо узнал жизнь, набрался бытовой мудрости, созрел умственно и физически. А, главное, он стал писать стихи. Вернее петь. У него был талант импровизатора. Вскоре, Сулейман стал известен как ашуг. Эта слава упрочилась за

ним, когда он вызвал на поэтическое состязание двух известных в Кюре ашугов и одержал убедительную победу над ними. Случилось это в 1909 году.

Вначале Сулейман Стальский сочинял стихи на азербайджанском языке. Так на этом языке им сочинены широко известные произведения, такие как стихотворения «Мулле», «Кавказ», «Колхоз», «*Не торопясь сквозь зной*» и другие.

«Вот мои книги, — говорил Сулейман, показывая на односельчан, — у них в голове записаны все мои песни».

«Эй! Песня вышла!» — громко кричал он. Собирались соседи, чтобы послушать свежие стихи. Они даже не удивляясь такому вторжению поэзии в быт, крестьяне всегда просто и весело собирались слушать его новую песню.

Первая его песня «Соловей» относится к 1900 году. Это программное стихотворение можно назвать политической сатирой. В ней он высмеивал и разоблачал угнетателей народа в лице беззаботного соловья.

Сулейман Стальский не первый кто посвятил стихи этой весьма певучей птице. Средневековая суфийская лирика изобилует образами *соловья и розы*. Как правило, всегда эта слащавая любовная история.

Фаридудин Аттар написал поэму «Язык птиц», Хаким Санаи «Паломничество птиц», Алишер Навои – «Собрание птиц». У сотен поэтов есть в арсенале стихи про соловья и розу.

Сулейман Стальский в этом ряду смотрится величаво. Так как он совершил поэтический переворот, то есть он первый кто в привычный восточный образ соловья внес нотки социального протеста.

*Поешь от мира отрешась,
Беспечен, счастлив ты сейчас.
Ах, дела нет тебе до нас,
Благословенный соловей!*

Эти строки стали хорошо знакомы и близки бедноте. Стихотворение это написано им в 1900 году. И, конечно же, у него сразу появились последователи. Одним из них является Максим Горький. В 1901 году он напишет стихотворение «Буревестник». Ведь не случайно Максим Горький высоко ценил творчество Сулеймана Стальского, назвав его Гомером 20 века!

Он уловил революционные нотки в произведении Стальского, «переобул» соловья в буревестника, усилил протестную составляющую и выдал совершенно новое поэтическое изобретение!

Но тут надо оговориться, что Сулейман хорошо знал песни Етима Эмина, можно сказать, был выращен на них. Ему глубоко запали в память стихи Етима о назначении человека, о месте человека в мире. Конечно, Сулейман является продолжателем дела своего великого предшественника и учителя Етима Эмина. В поэзии Сулеймана Стальского мотивы бегства от окружающей жизни звучали не отчаяньем, как у многих его сверстников, а иронией и едкой сатирой.

Иногда от сатиры он переходил на прямой укор власть держащим.

Революция вознесла народного поэта, народного трибуна Стальского на пьедестал славы. Но он был не из тех, кто любил купаться в лучах славы. Он резко критиковал власть имущих, казнокрадов, лихоимцев. Ниже мы приведем стихотворение, которое как-будто написано в наши дни, настолько оно актуально и злободневно и сейчас.

Где правда времени, друзья?

*Мир изменил свое лицо,
С ума сошла цена теперь,
В мильон обходится яйцо,
Хмелеют без вина теперь.*

Разве эти строки не про наши рыночные отношения, когда цены растут не по дням, а по часам? И если помните, недавно только был у нас коллапс с производством яиц. Как метко подметил поэт: «В мильон обходится яйцо».

*Полынь смеется над пшеном,
Петух кружится над орлом,
Лиса – я с нею был знаком,
Гляди: как лев страшна теперь.*

И разве по заслугам, по труду мы получаем заработки или должности? Места львов у нас занимают одни лишь лисы. Хлеб всему голова, а полынь смеется над пшеном.

*Пройдет ли смена всех властей,
Уйдут ли воры всех мастей,
Дождемся ли благих вестей,
Измучена страна теперь.*

Эти строки Сулейман Стальский словно написал про 90 годы, когда в нашей стране царила анархия. Тогда шел криминальный передел страны, когда воры всех мастей рвались к власти. Поэтому поэт с сожалением констатирует: «Измучена страна теперь».

*Шакалы воют в тишине,
И вой теперь длинней втройне,
На тонкой заячьей спине,
Шерсть, волчья шерсть видна теперь!*

Шакалы воют в тишине, а на тонкой заячьей спине видна волчья шерсть! Каково же жить честным людям в такой стране?

*Где конь, где барс не разглядишь,
Нет уголка, где гладь и тишь,
Чудовищем прослыла мышь,
Она важней слона теперь!*

Где конь, где барс не разглядишь пишет поэт. Да в той разрухе и сумятице сложно было что-то различить. А мышь прослыла чудовищем и теперь она важнее слона!

*Нам обещали вечный рай,
Обманут наш родимый край,
Ворона, чей ужасен грай,*

Голубком названа теперь.

Ворона названа голубком, естественно, голубка прозвана вороном. «Нам обещали вечный рай»-недоумевает поэт, а взамен получили ужасный грай!

Как? Виноградная лоза,

И на тебе растет коза,

Увы! Я проглядел глаза,

Земля – не та, не та теперь!

1919 год.

Аккордом стихотворения отчаявшегося поэта является строка:

Земля - не та, не та теперь!

Это крик души прозревшего человека, вера которого рухнула, видя то безобразие, которое творилось во имя «вечного блага».

В книге «Жизнь, прожитая набело» Наталья Капиева отметила: *«Гаджибек Гаджибеков под диктовку Стальского записывал его песни, начиная от созданных в 1900 г. Записи длились часами. Иногда целыми днями. Сулейман помнил наизусть тысячи своих строк».*

Ощувив мощь таланта Стальского, Гаджибеков выступил против оценки его творчества только как ашугского, а считал его народным поэтом, народным трибуном.

Стальский создал также ряд крупных произведений: поэма «Дагестан», «Поэма о Серго Орджоникидзе, любимом сподвижнике и друге великого Сталина», «Думы о родине».

Сулейман Стальский обогатил поэтический словарь лезгинской поэзии, его поэтические выражения вошли в разговорный язык лезгин, сделались народными поговорками. Но поэзия для Стальского не являлась профессией — он был членом Ашага-Стальского колхоза и всю жизнь занимался сельским хозяйством.

Стихотворение «Свобода» датируется 1919 годом и является знаменательным этапом в его творчестве. Рьяный сторонник новой власти он участвовал в восстании против Деникинцев, позже принимал участие в сооружении оросительных каналов и ремонте дорог, был первым из старшего поколения поэтов Дагестана, так горячо воспевавший революцию, став активным агитатором новой жизни в горах, певцом советской действительности, ее героики и буден.

В начале 1930 годов стихи С. Стальского появляются на страницах республиканской периодической печати на лезгинском языке, затем - на русском и языках народов Дагестана.

В селении Ашага-Сталь летом 1933 года он встречается с московскими писателями Н. Тихоновым, П. Павленко и В. Луговым.

Отмечая, двадцатилетие его творческой деятельности в постановлении ДАГЦИКа было сказано: «...Присвоить звание народного поэта Дагестанской АССР, тов. С. Стальскому, старейшему поэту лезгинской бедноты, начавшему плодотворную деятельность четверть века назад и активно помогающему своим творчеством социалистическому строительству».

Стихи и портреты С. Стальского не сходили со страниц журналов и газет страны. Его стихи переводились и публиковались на 15-ти языках народов СССР. В Даггизе вышла его книга стихов «Избранное», а в Москве в Гослитиздате книга – «Стихи и песни».

С. Стальский был избран председателем правления Союза писателей Дагестана.

Он был прекрасным оратором. Убедительно и страстно выступал он и на Первом съезде Советов Северо-Кавказского края, где сказал: «Нужно работать с совестью и честью, ибо нет, и не может быть иных радостей у человека, кроме тех, за которые борется наша партия, борется рабочий класс».

Высокую оценку творчеству С. Стальского дал выдающийся советский писатель М.А.Шолохов:

«...Сулейман Стальский принадлежит к тому разряду истинно народных поэтов, которые были возвращены своим народом, но широкое признание получили только при Советской власти. Думы родного народа, его радости и горести, подслушанные поэтом, обрели певучую, пленительную в своей непосредственности и свежести форму песен-стихов и обогащенные талантом певца – снова шли в народную гущу, чтобы жить дальше не умирая».

В мировой литературе особенно в любовной лирике можно найти тысячи песен про Соловья и розу. Все они отдают слащавостью и негой. Лирический мотив стихов о любви Стальский превратил в суровую песню социального жанра. Так впервые за тысячелетия образ Соловья был переработан гением Стальского и в нем прозвучал социальный протест. Поэтому М.Горький восхищался им. Стихотворение Соловей написано в 1900 году, тогда как Буревестник Горького написан в 1901 году. Возможно, что на него повлияло творчество Стальского.

Умер С.Стальский 23 ноября 1937 года. Похоронен в Махачкале, на бульваре Сулеймана Стальского. Могила является памятником культурного наследия РФ.

Многолетняя дружба связывала С. Стальского с народными поэтами Дагестана Г. Цадасой, А. Гафуровым, А. Магомедовым, а также с известным дагестанским писателем Э. Капиевым, написавшим широко известную книгу-новеллу «Поэт», прототипом которой стал С. Стальский.

В ней Эфенди Капиев писал:

«В далеких горах Дагестана есть аулы златокузнецов, канатоходцев, лудильщиков. Как ни странно, есть в Дагестане и аул поэтов. В этом ауле почти в каждом доме живёт певец. Обыкновенный певец, прежде чем начать песню, спрашивает у народа, какую песню петь: о любви или ненависти, о радости или печали? Народ просит певца петь о любви, но так, чтобы там была и ненависть; петь о ненависти, но так, чтобы там была и любовь; петь о печали, но так, чтобы там было и немного радости; петь о радости, но так, чтобы там было хоть немного грусти. Эти требования, которые веками предъявлял маленький дагестанский народ к своим ашугам и певцам, и определяют сущность и характер настоящей, большой поэзии. Без боли, без радости не рождаются стихи и поэмы. Одной и той же иголкой шьют в горах и свадебные платья, и саван. Так и перо поэта должно передать все чувства сердца».

В книге-эссе «Поэт» Эфенди Капиев дает не просто портрет Сулеймана Стальского, но поднимает такие вопросы как поэт и время, поэт и народ, личность и общество. Капиев признается в начале повествования: «Это цикл этюдов, написанных с натуры. Автор поста-

вил перед собой дерзкую задачу: показать через поэта прозу жизни, ее течение и будничные колорит...

Увы, постигнута, может быть, одна лишь капля... Но ведь бывает довольно и капли, чтобы ощутить в ней соленый привкус моря...»

Много страниц в книге посвящены творчеству и предназначению поэта, его природе. К примеру, «Бывают разные поэты, как и почва!», «говорящий ссет, слушающий жнет», «хорошие слова растут на высоких деревьях, а их нужно выращивать. Поэт тот кто многоопытен и молод душой. Его любовь должна быть щедрой, как солнце летом (ветви сада цветут под солнцем), его ненависть должна быть яростной, как река в грозу (корни сада питаются влагой). Без этого заглохнет жизнь и сад души скоро обратиться в пустыню...»

В другом отрывке мы знакомимся с размышлениями Сулеймана о поэте: «...разные бывают поэты. И в погожие дни, и на самой плодородной почве из одного и того же цветка змея добывает яд, пчела добывает мед...»

Сулейман рассказывает, как он впервые увидел бродячих певцов – ашугов и как заразился от них поэзией. Вот как он признается в этом: «Посреди улицы сидели бродячие ашуги с бубнами в руках и пели песни о соловье, тоскующем о солнце. Ашуги были одеты в лохмотья и пели с закрытыми глазами, будто сквозь сон. Постоял я с народом, послушал. «Черт возьми! Ведь это все давно лежит у меня на сердце. Постойте-ка, постойте!» После этого случая впервые в жизни он начал слагать стихи. И вот отрывок его первого стихотворения:

*Ты все поешь в тиши ночей,
Влюбленный в розу соловей,
Откуда знать тебе людей,
Людскую скорбь, людскую боль,
Людской неласковый язык,
Печаль, разящую как штык?
Души моей голодный крик
Пойми, счастливый соловей!*

Это стихотворение ни похоже ни на одно другое стихотворение про соловья. В ней нет радости любовных утех, но есть неизбывная скорбь бедняка...

Будучи на промыслах в Баку, Сулейман услышал в ночлежке песню, которую исполняли такие же бедняки, как и он. В этой песне пелось о том, как соловей влюбился в розу и роза роняла лепестки. Тут Сулейман подумал: «До соловья ли здесь, когда людям так тесно на земле?»

Мир, мир нужен иной, но где он?..

В интересную форму облачены мысли Сулеймана об окружающем его мире. Он считает мир весами, умышленно сбитыми с толку. На этих весах и днем и ночью обвешивают на кусок хлеба, на аршин бязи, а иногда и на целую жизнь. Поэтому почаще проверяй свои гири...

Здесь мы находим аналогию с Весами Справедливости Судного дня. Если земные весы нарочно сбиты с толку, то небесные весы учитывают даже вес с пылинку, ничего не вы-

пуская из виду. И каждый будет держать ответ за пылинку добра и за пылинку зла, которое он совершил в жизни.

Автор замечает: «Сулейман писал, как пахал, налегая всем телом», тем самым подспудно говоря, что творчество поэта неотрывно от его труда. Сулейман говорит о поэте: «Поэт – это ореховое дерево. Покуда есть на его макушке хоть один единственный плод, люди не перестанут швырять в него палки». Под «швыряющими палками» можно подразумевать и доброжелателей, и критиков, и просто хулителей.

Сулейман Стальский говорил Эфенди Капиеву о том, что поэт чем-то должен напоминать волка. А волк, как известно, является символом чести, мужества и бесстрашия в горском эпосе. Так вот он говорил: «Волчий голод и волчья смелость да будут присущи тебе в жизни. Ибо поэзия во многом подобна дикому коню, и она жестко мстит каждому, кто хитрит перед ней, кто неискренен, кто думает, что все дело в том, как вращать глазами».

Описывая заурядные случаи из жизни поэта, Капиев искусно вплетает в канву произведения сокровенные мысли и идеи. Так, например, Сулейман ночует в караван-сараях. И там он исполняет песню. Вот что он сам говорит об этой песне; «Я не помню о чем я пел. Должно быть о Багдаде моем ненайденном, неоткрытом, неизвестном. Где ты Багдад, родина счастливых?» И далее: «...Караван пройдет, караван-сарай останется!»

Багдад – символ гармонии и счастья. Чего-то недостижимого на земле. В конечном итоге Багдад – некое представление о Рае на земле, иллюзорное счастье или счастливый мираж. Ведь не зря Сулейман говорит: «Моя жизнь, мои годы, подобно странствующему в сыпучих песках бедному каравану, вышли наконец на верную дорогу... Дорога эта вела в Багдад».

Караван пройдет означает, что пройдут поколения, отжив свой век, но навечно останется караван-сарай. Так называет Капиев нашу планету Земля.

В своем творчестве Сулейман поддерживается принципа: «Язык – не нога, споткнешься, долго останешься лежать на земле, не в силах подняться».

Описывая различные жизненные, бытовые случаи Капиев доводит их до совершенства. Они становятся поучительными, мудрыми. Возьмем, например, случай с возведением дворца. Люди строили дворец. Уже были подняты стены. Оставалось накрыть крышу. Но сначала надо было установить в центре дворца главный опорный столб, на котором держится вся конструкция. Дворец строили на высокой горе и люди несли столб к нему. А на горе уже ждал народ с кувшинами масла, со знаменами и музыкой. Уже собирались, умалив столб для бараката, чтобы в доме всегда было изобилие, торжественно установить опорный столб.

Но знаете, в каждом ауле есть свой дурак. Над всем смеются. Но иногда дурак выкидывает такие номера, что не подумаешь о нем как о глупце. Наоборот, он говорит умные вещи. Вот такой же был Пагрул-дивана. Он подбежал к столбу и что-то шепнул ему и снова ускакал, оседлав деревянного коня, на котором примчался. У него спросили, что ты говорил столбу? Он ответил:

- Ай, бревно, обычно из твоих братьев делают либо подпорки, либо лопаты или, разрубив на куски, жгут в огне. За что же тебе дана такая честь? Тебя несут на плечах с поче-

том, завернув в шелк, тебя встречают со знаменами и кувшинами масла. За что скажи такие почести? – вот так обратился к столбу.

- И что же он ответил тебе интересно? – спросил неугомонный народ.

- Благодаря моей прямоте! – ответил столб. – Прямоте!

Так что слова этого сельского дурака, запиши, поэт на своем щите. Пагрул-дивана был не просто сумасшедший, он был великий философ!

Сулейман Стальский не раз обращается к поэту, понимая его значимость для настоящего и будущего. Эфенди Капиев зафиксировал и это обращение Поэта Сулеймана к безымянному поэту: «Поэт! Стремись всегда вперед! Пусть ты один и не знаешь дороги: тому, кто впереди видит город, не нужен проводник! Не беда, что за каждым углом тебя будет подстерегать смерть, не беда, что позади остаются лакомства и уют: ты будешь львом! Не оглядывайся! Пусть каждая капля твоей крови рвется вперед. Только вперед. А что касается страха перед случайностями, то поверь мне, что лучше иметь в будущем свинец, чем золото в прошлом и ничего впереди!»

Такими вот словами Сулейман Стальский вдохновляет начинающих поэтов на свершение духовных подвигов. Он говорит, что поэт должен всю свою жизнь учиться у народа: «...ты каждый день, как школьник в школу, начнешь ходить учиться к своему народу. Смеяться его смехом, плакать его слезами, любить его любовью».

В книге описывается колхозная романтика: «Грузовик трогается и с места берет подъем. Над ним в закатном мареве наклоняется аул, как многоярусная древняя башня. Буйволы нехотя уступают грузовику, и лишь тогда, когда он задевает их, они с тупым равнодушием чуть-чуть подаются в сторону. Звуки сирены перекликаются с эхом, и эхо дрожит, разнося их далеко по садам. Из садов уже возвращаются домой говорливые толпы колхозников. Поравнявшись с Сулейманом, они приветствуют его и машут войлочными шляпами. В небе загорается первая ласковая звезда...»

Или вот другое подобное же описание: «Сулейман заговорщически подмигивает мальчику и пропустив мимо себя арбу, смотрит вдаль, на вершину перевала. Оттуда уже спускаются первые арбы, нагруженные доверху кукурузой. Они идут вереницей друг за другом, тяжело поскрипывая и покачиваясь. Сулейман смотрит, стоя посреди дороги, притенив глаза рукой, в которой зажата дымящаяся папироса. Хворостинка торчит из-за его спины, подобно пике. Он смотрит шурясь... Небо безоблачно и сине-сине, как в сказке...»

Хворостинка, торчащая из-за спины как пика делает нашего Сулеймана чем-то похожим на Дон-Кихота. Поэтому можно его условно назвать Дон-Кихотом социализма.

Потому его творчество не кабинетное, а жизненное. Он не только воспеваает новую жизнь, но и сам является его творцом и непосредственным участником. Это хорошо продемонстрировано в одном из многочисленных эпизодов:

Дорога лежит сквозь сады каменистая, но ровная. В конце аула Сулейман вдруг трогает шофера за плечо и, выпятив губы, поднимает ладонь. Он говорит:

- Немедленно останови машину. Опять проклятый буйвол забрался в колхозный сад. Сколько раз говорил исправьте ограду: никак не исправят! Ах!..

Он выпрыгивает из машины и идет сам выгонять из сада буйвола, издали крича на него, гикая и угрожая посохом...

Сулейман одинаково бережно относится и к своему добру и к коллективному. Иначе не стал бы так гневаться и самолично выгонять буйвола из колхозного сада. Общественную собственность он ставит превыше всего!

Его активную гражданскую позицию показывает другой эпизод. Не хватает воды, чтобы орошать сады. Для этого надо прорубить толстую скалу, которая преграждает путь воде. Люди упали духом, не знают что делать. Тут Сулейман выступает вперед:

- Кто партизан, кто колхозник, кто коммунист, кто комсомолец поднимите руки, - говорит он.

И вдруг появляется лес рук.

- Посмотрите, сколько нас, - говорит Сулейман. – Неужели мы не справимся все вместе с этой задачей? Ведь если народ подумает, ветер поднимается.

Увидев лес рук, от такой неожиданности у людей захватывает дыхание.

- Вот они мы! – говорит Сулейман. – Эй, вы люди, смотрите на себя! Вместе мы сила!

- Ура-а! – раздается вокруг.

Народ кричит в могучем радостном порыве.

Сулейман бросает на народ радостный взгляд и заключает:

- Эй, народ. Если народ захочет, то и войлочный кол войдет в землю.

Таков был Сулейман Стальский, созидатель и строитель социализма, его певец и оратор.

Своеобразны и по-совому интересны взаимоотношения Сулеймана Стальского и Эфенди Капиева. Это и отношения друзей, это и отношения земляков, это и отношения наставника и послушника, мастера и подмастерья.

Сулейман постоянно дает Капиеву уроки жизни и литературы. Он говорит: «Дело поэта – такое дело: как река течет! Сегодня кипит и жернова вращает, завтра, обмелев, спит под мостом...

Один из уроков творческого мастерства Сулейман Стальский дает ему в кремлевской больнице. Он жалуется Габибу (так он называл Капиева), что для него эта фешенебельная больница – есть тюрьма. Говорит ему вспомни, мол, мой сад в ауле. Там созревают мои стихи. И дальше продолжает: «Здесь все желают мне здоровья, им за это спасибо. Они мне делают добро. Но ты возьми, Габиб, голубя, держи его вот так в руке и подноси ему на другой ладони сладких зернышек, - будет ли он клевать? Цып-цып говори ему, ласкай по голове пальцем...- Почему пальцем? – спрашивает Габиб. И он отвечает: - Не ладонью же ласкать крохотную голову голубя, она такая прохладная, а голубь сам теплый!..»

И вдруг Сулейман резко изменился в лице:

- Глупостями ты занят! Неужели не понимаешь, я о себе говорю. У поэтов сердце птицы, нельзя их кормить из рук, скажи им нельзя держать за крылья, скажи. Этот доктор хозяйничает надо мною, как старшина...

В это время в палату входит доктор и делает назначения. Сулейман начинает его упрекать и просит отпустить его домой. Врач не понимает, куда он торопиться, надо же довести до логического конца лечение. Ну, Сулейман заявляет, что его ждет ребенок. Врач в полном недоумении. Он спрашивает: - Какой еще ребенок? – и тут Сулейман отвечает. –Тот, который, когда в руки берешь – плачет, а положишь на постель – молчит.

- Чунгур? – Капиев.

- Да, - ответил Сулейман. – Скажи доктору чунгур меня ждет...

Выводы. Как видим, дороже всего Сулейману-ашугу было не свое здоровье, а любимый инструмент, который он считал своим детем. Это говорило о преданности его своему ремеслу ашуга и великому предназначению Поэта.

Заключение. Поэзия Сулеймана Стальского является образцом метода социалистического реализма. Поэт воспеваает революцию, прославляет вождей революции, он всей душой принимает идеи революции и с оружием в руках воюет за них с контрреволюционными деникинцами.

Расул Гамзатов его назвал эпиграфом к дагестанской литературе.

Список использованной литературы:

1. Стальский С. Стихи и поэмы. – Махачкала: Даггиз, 1931.
2. Стальский С. Избранные произведения. – Махачкала: Даггиз, 1932.
3. Стальский С. Думы о Родине. – Махачкала: Даггиз, 2000.

Магомедова С.А.

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ БАГАУДИНА АСТЕМИРОВА

Аннотация. В статье речь идет о поэте, драматурге и публицисте, видном общественном деятеле, одного из основоположников кумыкской советской литературы Астемирове Багаудине Аджиевиче.

Багаудин Астемиров в 1918 году создает молодежный кружок «Враг невежества», в котором вместе с ним активно участвует его ближайший друг Алимпаша Салаватов, известный писатель, поэт, драматург.

В 1919 году Б. Астемиров становится активным участником революционной борьбы за установление советской власти в Дагестане.

К этому периоду относится начало его литературной деятельности. В первых стихотворениях Астемирова выражен призыв к подвигу во имя Свободы народа. Поэт Астемиров пишет: «Бесстрашным и бдительным будь, сражаясь за отеческий край, ты грудью прокладывая путь и жизнь, если надо, отдай!» вершит стихотворение «Смелее, товарищ» в 1919г.

Ключевые слова: молодежный кружок, общественное мировоззрение, просветительские задачи, Всероссийский съезд, Наркомпрос, Дагестанская ассоциация пролетарских писателей.

Астемиров Багаудин Аджиевич – поэт, драматург и публицист, видный общественный деятель, один из основоположников кумыкской советской литературы.

Родился Багаудин Астемиров 18 октября 1898 года в бедной крестьянской семье в селении Аксай Хасавюртовского округа Терской области (ныне Хасавюртовский район, республика Дагестан). Начальное образование он получил в мактабе (в школе), в котором обучали детей и светским наукам.

В 1917 году Багаудин Астемиров несколько месяцев обучался во Владикавказе, затем продолжил учебу в Темир-Хан-Шуре, окончил учительские курсы, которыми руководил Шахсуваров.

В юношеские годы начинается формирование его общественного мировоззрения революционных взглядов.

Багаудин Астемиров в 1918 году создает молодежный кружок «Враг невежества», в котором вместе с ним активно участвует его ближайший друг Алимпаша Салаватов, известный писатель, поэт, драматург.

О назначении этой организации Б. Астемиров писал в автобиографии: «Сначала мы ставили просветительские задачи... По мере развития революционных событий в Дагестане мы стали заниматься политикой: агитировали молодежь за большевиков, читали большевистскую газету «Ишчи халкъ» («Трудовой народ»), издававшуюся тогда в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск) и присылаемую нам З. Батырмурзаевым.

В 1919 году Б. Астемиров становится активным участником революционной борьбы за установление советской власти в Дагестане.

К этому периоду относится начало его литературной деятельности. В первых стихотворениях Астемирова выражен призыв к подвигу во имя Свободы народа. Поэт Астемиров пишет: «Бесстрашным и бдительным будь, сражаясь за отеческий край, ты грудью прокладывая путь и жизнь, если надо, отдай!» вершит стихотворение «Смелее, товарищ» в 1919г.

После победы революции Багаудин Астемиров занимается комсомольской работой. Он один из первых организаторов комсомола в Дагестане, первый редактор областной комсомольской газеты «Молодой дагестанец».

В своем письме Багаудину Астемирову от 28.10.1957г. Петр Брюханов, один из организаторов Махачкалинской комсомольской ячейки в 1920 году, в своем письме писал: «В Темир-Хан-Шуре группа талантливой молодежи во главе с Тату Булач, Б. Астемирова, Сары Кустановичи других товарищей развернула большую работу по организации областного центра комсомола и организации комсомольских ячеек в других округах Дагестана: Хасавюртовском, Даргинском, Казикумухском, а также в городе Дербенте, где комсомольская организация возглавлялась Л. Эрлих и И. Эрлих».

Багаудин Астемиров в эти годы являлся членом Совета Молодежи Востока, избирался делегатом на 4-ый Всероссийский съезд РКСМ (25.08.1921г.) и на Кавказский краевой съезд КСМ №1 (02.10.1921г.).

Б. Астемиров в 1931-1932 годы был зав. агитпропотделом Дагобкома партии, парткомом просвещения ДАССР (1932-1936гг.) в годы, когда в республике осуществлялся исторический этап борьбы за подъем культурного уровня трудящихся масс: ликвидация неграмотности, введения всеобуча, строительство школ, техникумов, вузов, расцвет печати и национальной литературы.

Багаудин Астемиров являлся в эти годы членом Совета Молодежи Востока, избирался делегатом на 4-ый Всероссийский съезд РКСМ (25.08.1921г.) и на Кавказский краевой съезд КСМ №1 (02.10.1921г.), где он в своем выступлении призывает молодежь к объединению и сплочению. Важную роль в жизни и становлении личности Багаудина Астемирова сыграли Нухай и Зайнулабид Батырмурзаевы, отец и сын, известные в Дагестане, просветители революционеры, образованнейшие люди своего времени, поэты, писатели и публицисты.

Багаудин Астемиров, занимаясь просвещением как Наркомпрос, не упускал из виду и литературу, он одновременно вел огромную работу по организации писательских сил Дагестана.

Багаудин Астемиров возглавлял ДАПП (Дагестанскую ассоциацию пролетарских писателей), являлся ответственным редактором первого номера литературно-художественного журнала ДАПП, 1932г., где была опубликована и его статья «Новая важная страница в истории Дагестана».

Решением Дагобкома ВКП(б) ДАПП 02 августа 1932 года был ликвидирован и утвержден Организационный комитет Союза советских писателей Дагестана, председателем которого был назначен Багаудин Астемиров.

Под руководством Багаудина Астемирова ведется активная подготовка к съезду писателей, проводятся творческие вечера писателей, поэтов Дагестана. Как сообщалось в прессе, в апреле 1933 года оргкомитетом СП Дагестана был подготовлен творческий вечер Гамзата Цадасы («Дагправда», 21.04.1933г.), 11.04.1933г. вечер, посвященный творческой деятельности С. Стальского, 14.04.1933г. встреча с Загиром Гаджиевым, 03.12.1933г. состоялся тожественный вечер народных поэтов Абдуллы Магомедова и Казияу Али и др.

В эти годы в литературной жизни Дагестана происходит небывалый расцвет: выпускаются антологии кумыкской, лакской, аварской, даргинской литератур, создаются первые прозаические произведения (Р. Дикмагомаев), зарождается литературная критика (Э. Капиев).

Первым выходом на всесоюзную арену является книга «Дагестанская антология», изданная в Москве в 1934 году. Она была составлена Э. Капиевым, в нее вошли в переводе на русский язык стихи и проза народов Дагестана: аварцев, даргинцев, кумыков, лакцев, лезгин, ногойцев, татов.

В «Предисловии», написанном Э. Капиевым, отмечается, что «Книга составлена по инициативе и под непосредственным руководством оргкомитета ДАССП... Огромную мо-

ральную и материальную помощь оказал составителю народный комиссар по просвещению ДАССР и председатель Оргкомитета ДАССП Багаудин Астемиров, которому антология в полной мере обязана выходом в свет».

Значительным литературным явлением было прибытие в республику писательских бригад из Москвы. В их задачу входила активизация проводимой работы по подготовке к I Всесоюзному съезду писателей. В числе направленных бригад были также мастера художественного слова, как Н. Тихонов, П. Павленко, В. Луговской, Р. Фатуев, Л. Пасынков и др.

В Махачкале с 15 по 18 июля 1934 года проходил I Всесоюзный съезд писателей, на котором с отчетным докладом о работе оргкомитета Дагестанского Союза писателей выступил Багаудин Астемиров.

На съезде было выбрано правление Союза писателей Дагестана, председателем которого избрали Багаудина Астемирова.

В августе 1934 года он возглавил республиканскую делегацию на I Всесоюзном съезде писателей, в состав которой вошли также С. Стальский, Г. Цадаса, Аткай, Г. Мелечи, Р. Дикмагомаев, Р. Нуров и др. В Москве на съезде, Багаудин Астемиров был избран в Правление ССП СССР.

Будучи председателем Союза писателей Дагестана Багаудин Астемиров способствовал утверждению яркого, самобытного таланта представителей первой когорты народных поэтов республики С. Стальского, Г. Цадасы, А. Магомедова.

Произвол, царивший в годы репрессий культа личности Сталина, прервал кипучую общественную и литературную деятельность Багаудина Астемирова, верного солдата партии, членом которой он был с 1930 года. На его долю выпали нечеловеческие испытания и унижения, поспраие человеческого достоинства. Будучи необоснованно обвиненным, он пронес через все эти трагические для него годы несгибаемость и мужество, веру в торжество справедливости, верность идеям и делу, которым он служил.

Власть великих идей, которые его вдохновляли, которыми он жил, оказалась сильнее власти отдельных личностей. Даже в самое тяжелое для него время он оставался политически и нравственно стойким, помыслами и словом преданным этим идеям, Родине.

Список использованной литературы:

1. Абуков К. Слово о Б. Астемирове // Наследие, возвращенное народу. - Махачкала, 1990.
2. Атабаев М. И живым помогая жить // «Ленин елу», 13 октября, 1988
3. Астемиров Б. Жизнь я прожил, веря в правду... сост. Ф.Б. Астемирова. - Махачкала, 2004

Сулейманова М.С.,
к.ф.н., доцент
ДФ РГПУ им. А.И. Герцена
(Россия, Махачкала)
Омарова З.С.
к.ф.н., доцент
ДГПУ им. Р. Гамзатова
(Россия, Махачкала)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА СТИХОТВОРЕНИЯ РАСУЛА ГАМЗАТОВА «ХІАЖИМУРАДИЛ БЕТІЕР» («ГОЛОВА ХАДЖИМУРАДА»)

Аннотация. В статье рассматриваются композиционные особенности и художественная структура стихотворения Расула Гамзатова «ХІажимурадил бетІер» («Голова Хаджимурада»), способствующие созданию образа героя и выявлению авторской мировоззренческой позиции. Авторы статьи указывают на влияние аварского фольклора на композиционно-речевые особенности стихотворения Расула Гамзатова и картину мира, созданную дагестанским поэтом. Особое внимание уделено в статье диалогической и монологической формам речи, тесно связанным с композиционным членением стихотворения Расула Гамзатова на две части и их противопоставлением. Авторы статьи подчёркивают, что в художественной структуре первой части стихотворения Расула Гамзатова преобладает вопросно-ответная форма диалогической речи, позволяющая автору выполнить три художественные задачи: выразить собственное мироощущение, выявить особенности характера героя, раскрыть образ врага. Во второй части стихотворения преобладают логико-философские рассуждения поэта, формирующие читательские представления об авторской картине мира.

В результате исследования авторы статьи приходят к выводу, что соотношение частей стихотворения Расула Гамзатова «Голова Хаджимурада» и его художественная структура, диалогическая и монологическая формы речи, использование фольклорных элементов на образном и лексико-синтаксическом уровнях формируют картину мира дагестанского поэта, в центре которой - общенародное отношение к проблеме предательства и её природе.

Ключевые слова: Расул Гамзатов, стихотворение, композиция, художественная структура, диалог, герой, Хаджимурад.

В последние десятилетия в современном отечественном литературоведении намечается усиление интереса к художественной картине мира художников слова, поскольку в ней особенно ярко проявляются и отражаются особенности национальной картины мира, национальные символы, национально-специфические концепты и т.д. Авторская картина мира является частью художественной картины мира, формирующейся в сознании читателя при непосредственном восприятии художественного текста. Иначе говоря, в художественной картине мира отражается непосредственно авторское видение действительности в определённых

пространственно-временных рамках. Анализ художественного текста помогает нам понять особенности мировидения автора, его мировоззренческую позицию через восприятие языкового содержания текста, через языковые концепты, определяющие художественную структуру текста. Рассмотрим в обозначенном аспекте стихотворение Расула Гамзатова «ХИажимурадил бетIер» («Голова Хаджимурада»), позволяющее обозначить основные аспекты картины мира дагестанского поэта.

Художественную картину мира в творчестве Расула Гамзатова формирует культура горцев, их этно-ментальное своеобразие, наиболее ярко воплощённое в произведениях устного народного творчества. Общеизвестно, что фольклор любого народа представляет собой идеальную систему эстетических и нравственных ценностей, вследствие чего произведения устного народного творчества оказывают сильнейшее морально-нравственное и эмоциональное воздействие на читателя. Следовательно, вполне естественно, что и в творчестве Расула Гамзатова основным средством создания картины мира являются фольклорные образы и мотивы. Поэт умело и, главное, уместно использует языковое богатство устного народного творчества: пословицы, поговорки, прибаутки, языковой строй речи. Распространяется это и на художественную структуру авторской поэтической речи, характерной для произведений устного народного творчества.

Однако не только устное народное творчество формирует картину мира дагестанского поэта: довольно сильное влияние на мировосприятие Расула Гамзатова оказали философские позиции и взгляды многих русских поэтов, а также советская идеология, что нашло отражение во многих его произведениях, созданных в 50 - 70-е годы минувшего столетия. Ещё одной важной особенностью творчества дагестанского поэта, на которую указывает исследователь З.К. Магомедова, является идейно-содержательное богатство и глубина поэтической мысли: «Любое, даже небольшое произведение Р. Гамзатова ...совмещает в себе множество аспектов – общечеловеческий, философский, исторический, политический» [2, с. 199].

В данной статье мы обратимся к художественной структуре лирического стихотворения Расула Гамзатова «ХИажимурадил бетIер» («Голова Гаджимурада»), в котором значительная роль отведена фольклорному образу – говорящей голове (возникает своеобразная аллюзия, отсылающая нас к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»).

Стихотворение Расула Гамзатова «ХИажимурадил бетIер» («Голова Хаджимурада») по художественной структуре и интонационно-смысловому содержанию условно можно разделить на две части. Первая часть поэтического текста представляет собой диалог между лирическим героем стихотворения и головой Хаджимурада. Адресатом вопросов лирического героя является отсечённая кинжалом голова. Вторая часть текста бессюжетна: она посвящена широким философским размышлениям лирического героя об истории своей родины, о судьбах человека и человечества, о героизме и предательстве, о жизни и смерти на фоне изображения фактических эпизодов из жизни реальной исторической личности – хромого Хаджимурада, некогда верного наиба имама Шамиля, переметнувшегося к вражескому стану.

В художественной структуре стихотворения Расула Гамзатова преобладает вопросно-ответная форма диалогической речи. Данная форма речи выполняет три художественные за-

дачи: она способствует выражению мировоззрения автора, выявлению особенностей характера героя, раскрытию образа его врага. К голове Хаджимурада обращён вопрос лирического героя и дан ответ на него, характеризующий и героя, и его врагов:

- *Щибизе мун къотIараб*

ЧIвараб къаркъалаялдаса?

- *Къаникъа дун вахъинин,*

ХIинкъана тушманзаби [1, с. 52].

- *Почему тебя (отрубили) отделили*

От убитого тела?

- *Что из могилы восстану,*

Испугались враги.

[постр. пер. наш: С.М., О.З.].

Ответ Хаджимурата свидетельствует о безумной отваге горца, о его силе и стойкости: даже после смерти он продолжает вызывать у врагов трепет и страх. Отчаянную смелость и храбрость героя автор подчёркивает метафорой «волчья голова» («*бацIул бетIер*») [1, с. 52].

Именно диалогическая форма речи позволяет поэту создать образ героя, в искреннее раскаяние которого безоговорочно веришь. От первого лица мы слышим признание: предательство его вызвано доверчивостью к людям, легковёрностью, с одной стороны, и коварством лицемеров и лжецов, посеявших семена вражды между ним и имамом Шамилём, с другой стороны:

- *Шамилги тун ана дун,*

МацIихъабазда божун. [там же].

- *Шамяля бросив, ушёл я,*

Лжецам поверив. [постр. пер.].

Как видим, в первой части стихотворения Расул Гамзатов подчёркивает бесстрашие Хаджимурада как основную черту характера героя. В его самооценке звучит ключевое слово: смелый, не испытывающий никакого страха («*щибго хIинкъи лъаларев*») [1, с. 52].

Во второй части стихотворения Расула Гамзатова «Голова Хаджимурата» мы наблюдаем иную художественную структуру и форму речи: вместо диалогической речи здесь звучит уже монолог самого автора-повествователя. В тексте данного стихотворения мы обнаруживаем особенность, не свойственную для такого рода литературы, как лирика, однако в целом присущую творчеству Расула Гамзатова: «Свои убеждения поэт излагает не декларативно, он всегда предваряет их каким-либо рассказом, отталкиваясь от которого переходит к логико-философским рассуждениям» [3, с. 39]. Размышлениям поэта, создающим авторскую картину мира, предшествует встреча с головой Хаджимурада в первой части стихотворения. Во второй части – логико-философские рассуждения: мрачные мысли не только о трагической судьбе героя, но и о судьбах человечества вообще, о жизни и смерти, о героизме и предательстве. В последней строфе стихотворения «Голова Хаджимурада» прямо выражена авторская позиция: предательству нет оправдания.

Таким образом, художественная структура стихотворения Расула Гамзатова «ХIажимурадил бетIер» («Голова Хаджимурада») способствует созданию героического образа исторической личности Хаджимурада, наиба имама Шамиля, и выявлению авторской позиции к проблеме предательства, что позволяет читателю «увидеть» авторскую картину мира. Композиционное членение стихотворного текста на две части подчинено выполнению художественной задачи: проследить судьбу отдельной личности на фоне исторической судьбы народа. Художественная структура стихотворения Расула Гамзатова, диалогическая и монологическая формы речи, использование фольклорных элементов на образном и лексико-синтаксическом уровнях (говорящая голова, вопросно-ответные синтаксические конструкции) позволяют поэту не только выразить собственную позицию к предательству, но и показать всенародное отношение к проблеме измены своей Отчизне. Так, отдельно взятое стихотворение дагестанского поэта достаточно полно раскрывает поэтическую картину мира, помогает выявить особенности мировидения автора, его мировоззренческую позицию через восприятие языкового содержания текста, через языковые концепты и композицию произведения, определяющие художественную структуру поэтического текста «ХIажимурадил бетIер» («Голова Хаджимурада»).

Список использованной литературы:

1. Расул ХIамзатов. Цо магIарул кьиса / Расул Гамзатов. Одна аварская повесть-быль. – Махачкала, 2002. (На авар. яз.).
2. Магомедова З.К. Дагестанская публицистика XX века: формирование, развитие, тенденции. – Махачкала, 2005.
3. Сулейманова М.С. Публицистика Расула Гамзатова: проблематика и поэтика / Дагестанская литература: история и современность. Монография. Часть I. – Махачкала, 2021.

Омариева П.Р.,

к.ф.н., ст. преподаватель

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

МАХIАММАД БАШАЕВЛУЛ ОЪРМУЛУЛ ВА ТВОРЧЕСТВАЛУЛ ХХУЛЛУ

Лакрал ва дагъусттаннал машгъурсса чичу МахIаммад Башаев АхIмад – ХIажинал арс увссар 7 ноябрьданий 1910-кусса шинал Карашиял шяраву. 1918-ку шинал ганал ппу ссатиржан хьуну ивкIуссар. Нину лирчIссар мйява ятин хьусса оърчIащал. Хьунмасса захIмат бивхьуну, цалла шяравасса устартуращал чагуртну гьан буллай, шай-кьашай буллай МахIаммадлул ниттил оърчIру хьуни буну бур. Оърмулул дахьра ацIния клира шин хьусса МахIаммадгу ганил гьан увссар чагуртну. МахIаммад зий ивкIуссар КIапкIайлий, Екатеринодардай, Севастополлай, Ростоврай, Новороссийскалий.

«Подваллануву» тлісса повестъраву М. Башаевлул ккаккан бувну бур дуссукъатлуву цалва бакрачлан бувкІмур. 1927-ку шинал Воронежрай никель дуккайсса дуссукъатлуву зуссисса чІумал, хьинну хІарачат буллай заводравугу зий, МахІаммад гьанттайнай дуклан ивкІссар. Ялапар хъанай ивкІссар общежитиялуву. 1930-ку шинал ганал къртурал бувссар Буйнаккалий учительтал хІадур байсса курсру, зун ивкІссар Карашиял шяраву учительну. Му чІумал хъусса ишру МахІаммадлул ккаккан бувну бур «Дагъусттаннал зунттаву» тлісса романналуву.

1934-ку шинал районорал путевкалуцал МахІаммад лавгссар Ростоврайсса университетравун уххан. Га кьамул увссар университетрал рабочий факультетравун. Дуклай унува, кьалайчинугу зий, ганал 1938-ку шинал рабфак къртурал бувссар. Гара шинал МахІаммад лавгссар Къазаннай юридический институтраву дуклан. Къазаннай МахІаммадлул маччалахьин хъанай бивкІссар. Хъунмасса Буттал кІанттул цІанийсса дяъви байбивхъукун, га тІайла увкссар Москвалийн дяъвилул юристтал хІадур байсса Военно-юридический академиялувун. 1941- ку шинал ахирданий академия бизан бувссар Ашхабадрайн. 1942- ку шинал Ашхабадрай къртурал бувссар М. Башаевлул академия.

Муния махъ га гьан увну ур Ттуплислий зун, гичча, цалва тавакърюрайн бувну, гьан увну ур Дагъусттаннайн республикалул прокурорнал кумагчину. Дяъви къртурал хъуну махъ мурахас увну ур га даврия. Мунил сававгу хъуну дур ганая шарссанил бувсса аьрза. Яла пенсиялин укканнин МахІаммад зий ивкІун ур МахІачкьалаллал хъхьирил портрайсса санчастьрал (поликлиникалул) завхозну. Ци даврий га зурчагу, хІакъсса ганал пагъму чичрулуву бивкІун бур.

1965 шинал М. Башаев кьамул увссар СССР-данул чичултрал кьюкъравун. Ганал произведениярттал бувгъуссар лавайсса кІану лакрал ва дагъусттаннал литературалуву. ИвкІуссар МахІаммад Башаев 1979-кусса шинал МахІачкьалалий. Увччуссар гиккува.

М. Башаевлул хъхьичІва – хъхьичІ чивчуну бур «Ца шяраву» тлісса повесть. Га хас бувну бур граждан дяъвилул чІумал хъусса иширттан. Повестьравусса ишру чичул цанма оьрчІний ккаксса куццуй чІалачи бувну бур. Амма повесть бивщуну бакър.

1955-ку шинал «Дусшиву» альманахрай кІилчинмур номерданий ганал бивщун бур «Подваллануву» тлісса повесть. Ганилва хьирив - «Бавцусса душ» тлісса повесть. (Дусшиву 1956. N3). 1964-ку шинал Москвалий оьрус мазрай итабавкьун бур «Дагъусттаннал зунттаву» тлісса роман. МахІачкьалалий лакку мазрай бувккссар ганал «Пухълу» (1966) ва «Авххусса оьрчІ» (1976) тлісса тарихирттан хас бувсса дилогия (кІива цаннишал ца бавхІусса роман). Гава «Дусшиву» альманахрай бивщуссар «Инсантал ва ишру» тлісса романналул цаппара бутІри (1965. № 1-2). КІилчингу га бивщуссар «Литературалул Дагъусттан» тлісса журналланий (1990. № 5). М. Башаев ивкІуну махъ бувккссар ганал «Ливхъусса душ» тлісса лавг заманнул иширттан хас бувсса повесть. Му бивщуну бур («Литературалул Дагъусттан» тлісса журналланий 1989. N 1-2).

М. Башаевлул чивчумунил ца дахханашиву дур: ганал произведенияртту бур циняв лагрулул хъунисса (повесть, роман, куннишал ку бавхусса романну). Ганал чивчуну бакър цавагу хавар ягу очерк. Амма чичул повестирдаву ва романнаву кьачанни вив бивхъус-

са хаварду (вставные новеллы). Цалла творчествалуву М. Башаев ккаккан буллау ур зунттал агъалинал личИи-личИисса члуннардий бутлай бивкIсса оьрму.

XIX аьсрулул байбихъулий Лаккуй хъанай бивкIсса иширтган хас бувну бур ванал «Ппухълу» тIисса роман, «Авххусса оьрчI» тIисса роман хас бувну бур гара аьсрулул дянив хъусса иширтган. XX аьсрулул байбихъулий хъусса дахханашивуртту ккаккан дурну дур «Подваллануву», «Бавцусса душ» ва «Ливхъсса душ» тIисса повестирдаву. «Дагъусттаннал зунттаву» тIисса романналул кIилчинмур бутлуву ишру хъанай бур 1927-ку шинал ва гания мукъах лакрал шяраву. «Инсантал ва ишру» хас бувну бур дяьви къуртал хъуну махъ лакрал колхозирттаву хъанай диркIсса дахханашивуртган. «Бавцусса душ», (цуппалу бувккссар 1962-ку шинал, 1972-ку шинал Москвавий оьрус мазрайгу) хас бувну бур революция хъуннин лакрал шяраву хъусса иширтган. Чичу хъар хъанай ур оьрчIний цанма ккаккмунигу, лакрал халкъуннал творчествалингу, ганияр хъхъичI чивчусса лакрал произведениярттайнгу. Повестьраву буккул хъхъичI бацIлай бур шяравусса авадансса ва мискинсса халкъуннал цакъалавхъхъусса оьрму. Повестьрал тема дур революция хъуннинсса лакрал оьрмулувухъанай диркIсса дахханашивуртту ккаккан даву. Гиву буслай бур цукунсса оьрму бутлай бивкIссарив та чумал лакрал хъудугъулт, хIухчалт, гъарайзулт, маллатал, циваннив гайннал дянив нахIушиву къадиркIсса. Ва повестьрайн асар биян бувну бур К. Закуевлул «Хъявринсса ччаву» тIисса социально - психологикийсса повестьрал.

М. Башаевлул яла машгъурмур произведенияну хъанай бур «Дагъусттаннал зунттаву» тIисса роман. «Подваллануву» тIисса повестьгу хъанай бур ганил цалчинмур бутIану. Ганиву чичул ккаккан бувну бур лакрал хIалтIухъантурал оьрму. ХIалтIухъантурал оьрму яргну ккаккан баншиврул чичул дурну дур подвалланул сурат. Оьруснал шагърулийсса подваллануву ялапар хъанахъисса устартал чичун сагъну буна оьрмулул ясир бувну, чарагъаттавун бавкъусса кунма, чIалай бур.

Подваллануву дур къянкъасса низам: устартал зий бур сеят ряххунния байбихъуну, хъхъунил ацIния кIира хъуннин. Дукра дур ссуссукуьусса, мийгу къинилун кIийлла. Ньюжмардий цал ласлай бур устартуран ва чагуртътуран кIяласса ччатI ва дикI.

Лакрал литературалуву М. Башаевлул хъхъичIра - хъхъичI къаст лархIун дур тарихийсса роман чичин. «Ппухълу» тIисса ганал романналуву шаллу дурну дур лакрал хантурал КIилчинма Сурхай-ханнал (Хъун буттал) ва Аслан-ханнал сипатру. Романналул тема дур хъудугъултрал ва ханнахъал дянивсса душманшиву ккаккан даву, зулмулушал талан хIадурсса къучагътал Лаккуй мудангу бивкIшиву исват баву.

«Авххусса оьрчI» тIисса роман хъанахъиссар «Ппухълу» тIисса романналул кIилчинмур бутIану. Романналувусса ишру бавхIуну бур «Ппухълу» тIимур романналуву хъанахъимунишал. Произведениялуву жула хъхъичI ацIлай ур агъанма персонаж Мамлак, га авцуну Туркнаву аххан увцуну нанисса лакку оьрчI ур. Мамлак авгъуну ур Гуржиянавун. Гикку га арс куна къамул увну ур гуржиричу Ишвилел ва ганал щарссанил Анабиарал. ЧIявусса ккаккуну махъ, Мамлак зана хъанай ур Лаккуйн. Ва романналуйн учин бучIир авантюрно -приключенческий увкуну. Ванил сюжет дур магълул куннасса.

Лакрал литературалуву М. Башаевлул повестирдал ва романнал бугьлагьиссар цинма лайкъсса бусравсса кІану. Ганал произведениярттая ларайсса ца дурссар Расул ХІамзатовлул, Георгий Ломидзел, Наталья Капиевал ва цаймигу критиктурал.

Список использованной литературы:

1. АхІмадов Сулейман. Лакрал литературалул тарих, 2 мур том. - МахІачкъала, 2006.
2. Башаев МахІаммад. Подвалдануву. – МахІачкъала, 1981.
3. Башаев МахІаммад. Бавцусса душ. – МахІачкъала, 1962.

Шабаева Л.А.,

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

БАГАУДИН АСТЕМИРОВ - ОДИН ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ДАГЕСТАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье освещается общественно-политическая деятельность одного из основоположников дагестанской литературы, поэта и гражданина Б.Астемирова. Жизнь и деятельность Б. Астемирова были очень сложными, как и сама эпоха, в которую жил поэт. Однако Б. Астемиров, являясь передовым представителем молодой дагестанской интеллигенции, был активным проводником всего прогрессивного в народ.

Ключевые слова: советская литература, революция, партия, новая жизнь, культура, образование, литература, ликвидация неграмотности, I съезд писателей Дагестана, репрессии, гуманизм поэта.

В прошлом году исполнилось 125 лет со дня рождения поэта, драматурга, публициста, видного общественного и политического деятеля Багаудина Астемирова (1898-1967).

Характеризуя эпоху, в которой жил и создавал свои произведения Багаутдин Астемиров, народный писатель Дагестана, известный критик Камал Абуков писал: «В истории страны и народов есть поколения, на долю которых выпадают самые мучительные испытания всей эпохи. Поколение Б. Астемирова оказалось тем живым звеном, через которое прошёл ток высокого напряжения революционного столетия, и ток этот одних смертельно сразил, других покалечил, но лучшие представители этого оскорбленного необоснованными подозрениями и изреженного смерчем пыток и расстрелов поколения составили как бы духовные мачты высоковольтных линий, без стойкости и выдержки которых не передалась бы нравственная энергия идущим вслед» [1, с.23]. Лучше, пожалуй, не скажешь об эпохе и о невинно пострадавших лидерах того времени.

«... Когда знакомишься с судьбой таких людей, как Багаутдин Астемиров, не можешь не сожалеть о тех перегибах, которые всё-таки имели место в те годы, не можешь не страдать, порою не возмущаться...

Действительно, человек, посвятивший всего себя революции, Советской власти, партии, - он же становится жертвой той же власти, той же партии. Не парадоксально ли это?! Человек, стоявший у истоков Союза писателей Дагестана, - и он же предавался в этом качестве забвению, да и сейчас не очень-то часто пишут об этом. Человек, создавший прекрасные художественные произведения - а много ли читателей, которые знают его творчество, в особенности, на русском языке?» [2],- пишет известный поэт М. Атабаев в статье «И живым помогая жить». И он был совершенно прав.

Особенно красноречив лаконичный автограф Расула Гамзатова, написанный им в подаренной Б. Астемирову книге «Избранное»:

«Багаутдин, дорогой! Люблю Вас нежной любовью. Вы такой человек, перед которым мне хочется, всегда молча поклониться» [3, с.6].

В книге «Багаутдин Астемиров: «Жизнь я прожил, веря в правду...» дочь поэта, Фариды Астемировой, составитель книги Фариды Астемировой, пишет: «Прошло 36 лет, как ушел из жизни отец, но не стих общественный интерес к творчеству и личности его. Работа над подготовкой публикуемой книги была во многом обусловлена этим фактором. Следует с горечью отметить, что некоторые его литературные произведения, а также выступления безвозвратно утеряны и не дойдут до читателя» [3, с.6].

Поэт и Гражданин Багаутдин Астемиров оставил яркий след в истории Дагестана и поэтому продолжает жить в памяти народной.

Родился Багаутдин Аджиевич Астемиров в 1898 году в селении Яхсай нынешнего Хасавюртовского района Дагестана.

Его отец, Астемиров Аджи (Хаджи), был неграмотным крестьянином-бедняком. Несмотря на постоянный материальный недостаток в семье, он сумел дать сыну образование.

Видный писатель и общественный деятель Нухай Батырмурзаев был соседом Астемировых. Вместе со своим другом и наставником, сыном Нухая, поэтом и революционером Зайналабидом Батырмурзаевым Багаутдин читал книги, газеты и журналы в библиотеке отца Зайналабида. Багаутдин знакомился с различными литературными произведениями, и начинал сочинять стихи.

В 1917 году Б. Астемиров по совету Зайналабида Батырмурзаева поступает на 6-месячные педагогические курсы в Темир-Хан-Шуре, открытые инспектором народных училищ Н. Шахсуваровым, а З. Батырмурзаев уезжает на учёбу в Астрахань.

Темир-Хан-Шура тогда являлась административным и идейно-политическим центром Дагестана. Здесь Б. Астемиров знакомится и часто встречается с У. Буйнакским, С.-С. Казбековым, Г.Саидовым, Т. Бейбулатовым и другими видными деятелями. Благодаря этим встречам у Багаутдина расширяется общественный кругозор, обостряется социальное зрение.

Б.Астемиров и З. Батырмурзаев вновь встречаются уже после Февральской революции.

После победы советской власти Б. Астемиров сразу включился в активную созидательную работу по строительству новой жизни в Дагестане. По выражению А.Ф. Назаревича, «он везде и во всем был одним из первых».

Багаутдина Астемирова больше влекли проблемы культуры, образования, воспитания, литературы. Он понимал, что его место - на ниве культуры. Поэтому в 1932 году он с радостью принял предложение первого секретаря обкома партии Цехера заведовать культ-пропотделом. В 1933 году обком партии направил его на самый горячий участок культурного фронта - руководить комиссариатом просвещения.

«Работники театра, художники, композиторы были благодарны за помощь, которую оказывал им Б. Астемиров, работая сначала в обкоме партии Дагестана, а потом в наркомпросе. Эффенди Капиев, Ниязи, Мугутдин Жамал, Аскар Сарыджа, Барият Мурадова и другие работники культуры в любое время суток могли без стука зайти в рабочий кабинет Багаутдина Астемирова и решить наболевшие вопросы», - вспоминал Аткай Аджаматов на вечере, посвященном 70-летию со дня рождения Б. Астемирова.

В эти годы в республике осуществлялся исторический этап борьбы за подъем культурного уровня трудящихся масс: ликвидация неграмотности среди взрослого населения, введение всеобщего обучения.

Велико было желание поэта просветить народ, повысить его культурный уровень. В структуре наркомата просвещения, руководимого Б. Астемировым, возникла ассоциация писателей. Вскоре она превратилась в самостоятельную творческую организацию.

Б. Астемиров вместе с директором Дагкнигоиздата, известным поэтом-революционером Рабаданом Нуровым, развернул большую работу по собиранию при редакциях молодой творческой плеяды. К этой работе Б. Астемиров привлекает своих друзей и единомышленников: Эффенди Капиева, А.-П. Салаватова и других.

В 1932 году на русском языке вышла книга «Поэты Дагестана», автором предисловия и составителем которого был Багаутдин Астемиров.

В 1933 году издан первый сборник стихов и самого Б.Астемирова «Борьба» («Ябушув») на родном, кумыкском, языке. В 1934 году, незадолго до первого Вседагестанского съезда писателей, в Москве издается книга «Дагестанская антология». Составил антологию Э. Капиев. В нее вошли в переводе на русский язык стихи и проза народов Дагестана: кумыков, аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев, ногайцев, татов. Дагестан тогда впервые в русских переводах заговорил голосами своих поэтов с целым миром.

В 1936 году Б. Астемиров составил и опубликовал на русском языке книгу «Поэты Советского Дагестана». В сборник вошли стихи тридцати поэтов разных национальностей. Тогда же появляются первые сборники произведений С. Стальского, А. Магомедова, Г. Цадасы, Н. Ханмурзаева, А. Гафурова и многих других.

В предисловии к книге «Поэты Советского Дагестана» Багаутдин Астемиров пишет: «Страна, с поэзией которой должна знакомить эта книга, представляет собой едва ли не самый интересный и своеобразный уголок нашего Союза.... Здесь уже на сегодня мы имеем имена, заслуженно пользующиеся всесоюзной известностью, среди которых достойны осо-

бого внимания три народных поэта - мудрый старик Сулейман Стальский, Абдулла Магомедов и Гамзат Цадаса. Из молодых советских писателей Дагестана следует, прежде всего, отметить Абдул-Вагаба Сулейманова, Загида Гаджиева, Раджаба Дин-магомаева, Наби Ханмурзаева и Мануваха Дадашева.

Эти писатели обогатили родные литературы не только талантливыми и значительными произведениями, но и новыми жанрами, новым содержанием и новыми темами...».

В ноябре 1936 года решением ЦК ВКП (б) он исключен из партии за скрытие факта службы рядовым (с декабря 1917 года по март 1918 года) в учебной команде Горского правительства.

Б. Астемиров чувствовал, что черные тучи сгущаются над ним.

Ночью 30 апреля 1937 года, в день рождения дочери Фариды, работники НКВД произвели обыск в квартире Астемировых, конфисковали все бумаги, рукопись пьесы «Наступление» («Чапгъын»), переводы стихов готовящейся к изданию в Москве книги, был уничтожен тираж единственного сборника стихов «Борьба». Б. Астемирова арестовали. Он стал «врагом народа», получив этот общий для всех репрессированных ярлык...

Б. Астемиров стойко отражал натиск следователя. В тюрьме его били, пытали. Но он держался, веря в торжество справедливости и правды...

Приговором Военного трибунала СКВО от 15 декабря 1939 года Б. Астемиров был осужден к 20 годам лишения свободы с конфискацией лично ему принадлежащего имущества.

Куда только не забрасывает его злосчастная судьба: Коми АССР, Саратов, Воркута, Тайшет, Енисей, Красноярский край... Он проходит все круги ада.

После отбытия срока в 1952 году Багаутдину Астемирову не разрешили вернуться домой. Он был отправлен на поселение в Красноярский край, в маленькую деревню Ледящево. В январе 1953 года переведен в поселок Казачинск.

Наступило долгожданное время. Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 14 сентября 1955 года приговор 1939 года в отношении Б. Астемирова отменен, и дело за отсутствием состава преступления в уголовном порядке прекращено. Из ссылки на поселение был освобожден 17 октября 1955 года.

Вернувшись домой, больной и измученный Б. Астемиров не ушел на покой: он с головой окунулся в работу.

До последних дней своей нелегкой жизни Багаутдин Астемиров шел в ногу со своей страной, что ярко отражено и в его произведениях. Он всегда находился на передовой линии огня, не зная отдыха, трудился. И поэтому он мог с полным правом сказать: «Перед лицом своего 60-летия, обзревая весь пройденный путь, я могу сказать, хотя это и нескромно, что жизнь прошла не даром. Я был проверен годами революционной борьбы, трудностями первого этапа строительства новой жизни, тяжелой трагедией 37 года... Я могу сказать, что эту проверку я вполне выдержал, и, значит, жизнь прошла не даром» [3, с.28].

Б. Астемиров до самого конца не разлюбил жизнь. Несмотря ни на что, жизнь оставалась для него радостью. Из непреодолимой любви к жизни вырастал гуманизм поэта. Жизнь

поэта, его судьба и история Дагестана, всей советской страны детерминировали основные аспекты, идейную устремленность поэзии Багаутдина Астемирова.

Список использованной литературы:

4. Абуков К. Слово о Б. Астемирове // Наследие, возвращенное народу. - Махачкала, 1990.
5. Атабаев М. И живым помогая жить // «Ленин елу», 13 октября, 1988.
6. Астемиров Б. Жизнь я прожил, веря в правду... сост. Ф.Б. Астемирова. - Махачкала, 2004.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ **РОДНЫХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР В ШКОЛЕ И ВУЗЕ**

Ашурбеков А.А.

к.ф.н., доцент

ДГПУ им. Р. Гамзатова

(Россия, Махачкала)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние внеклассного чтения на формирование и развитие читательской деятельности у школьников. Анализируются различные аспекты этого процесса, включая мотивацию учащихся к чтению, а также роль учителя в организации внеклассной работы с книгой. Особое внимание уделяется истории изучения этого вопроса в трудах известных отечественных ученых-методистов прошлого столетия. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что систематическое внеклассное чтение способствует развитию критического мышления, расширению кругозора и улучшению коммуникативных навыков школьников.

Ключевые слова: внеклассное чтение, читательская деятельность, преподавание литературы, школьники.

Annotation. This article examines the impact of extracurricular reading on the formation and development of reading activities among schoolchildren. Various aspects of this process are analyzed, including the motivation of students to read, as well as the role of the teacher in organizing extracurricular activities with the book. Special attention is paid to the history of studying this issue in the works of famous Russian methodologists of the last century. Based on the conducted research, it is concluded that systematic extracurricular reading contributes to the development of critical thinking, broadening horizons and improving communication skills of schoolchildren.

Key words: extracurricular reading, reading activity, teaching literature, schoolchildren.

Понятие «читательская деятельность» рассматривается в трудах разных педагогов, психологов, учителей. В Педагогическом энциклопедическом словаре приводится следующее определение внеклассного чтения: «Педагогически организованный процесс подготовки учащихся к самостоятельному чтению в соответствии с их индивидуальными интересами и потребностями» [6, с. 36].

Внеклассное чтение расширяет кругозор учащихся, помогает выработать привычку читать книги в свободное время по собственному выбору. Основные формы организации внеклассного чтения: чтение вслух на уроке, рассказ, беседа учителя, аудиовизуальные средства обучения, рекомендательная библиография. Наряду с уроками внеклассного чтения проводятся различные внеурочные мероприятия – конференции, литературные праздники, чита-

тельские конференции, выставки, а также индивидуальная работа педагогов, родителей с учащимися, позволяющая выявить интересы детей и сформировать круг чтения. Внеклассное чтение помогает приобщить учащихся к библиотеке и научить их пользоваться рекомендательными библиографическими пособиями.

В методике преподавания литературы существует убеждение, что внеклассное чтение сильнее влияет на развитие читательской деятельности школьников, формированию их читательских интересов и в целом служит опорой школьного курса литературы.

Понятие читательской деятельности в работах различных авторов изложено по-разному. Например, Н.А. Рубакин определяет её как «личностное свойство, которое характеризуется наличием у читателя мотивов, побуждающих его обращаться к книгам, и системы знаний, умений, навыков, дающих ему возможность с наименьшими затратами сил и времени реализовать свои побуждения в соответствии с общественной и личной необходимостью» [2, с. 33].

Большой вклад в изучение читательской деятельности внесла профессор Н.Н. Светловская. Она разработала «теорию формирования типа правильной читательской деятельности», согласно которой выделяются такие ключевые понятия: «квалифицированный читатель», «читательская самостоятельность», «тип правильной читательской деятельности».

Профессор считала, что тип правильной читательской деятельности – это трёхступенчатый процесс, в ходе которого дети самостоятельно, целенаправленно осмысливают и осваивают книги [8, с. 70].

Читательская деятельность – самостоятельный и важный вид интеллектуально-эмоциональной деятельности. Читательская деятельность представляет собой сложную структуру, в которую входит три ключевых этапа: «предчтение», процесс чтения и «последствие».

По мнению Н.Н. Светловской основной целью обучения чтению является формирование квалифицированного читателя, которая достигается посредством овладения типом правильной читательской деятельности. Она отмечает, что «квалифицированный читатель – это ребенок или взрослый, который обладает читательской самостоятельностью, т.е. умеет видеть в любой книге собеседника, различать собеседников и выбирать из их числа нужного для себя и делать это с наименьшей тратой времени и сил» [8, с. 21].

Н.Н. Светловская считает, что читательскую самостоятельность характеризует наличие у ребенка мотивов, которые побуждают его общаться с книгами, и системы знаний, умений, навыков, которые позволяют реализовать свои запросы, соответствующие необходимости, с наименьшей затратой сил и времени [8, с. 24-27]. Именно читательская самостоятельность позволяет ребенку дать реальную оценку своим читательским возможностям и подготовке, а также является причиной стойкого интереса всех учащихся к миру книг и постоянному чтению книг по собственному выбору [8, с. 70].

По мнению С. Дорошенко, читательская самостоятельность включает в себя сформированность техники чтения, умения слушать, воспринимать и осознавать прочитанное. А Ольга Валентиновна Джежелей считает, что читательская самостоятельность – это умение и

желание вкладывать в чтение «труд души», размышление над книгой ещё до чтения, восприятие содержания, обдумывание прочитанного, когда книга уже закрыта [4, с. 96].

На основании этих определений мы делаем вывод, что читательскую самостоятельность нужно развивать, и внеклассное чтение способно справиться с этой задачей лучше, чем обычные уроки литературы, на которых изучаются обязательные произведения.

Для достижения положительного эффекта нужно уделять большое внимание внеклассному чтению, постоянно опираться на индивидуальный читательский опыт детей, учитывать их интересы и предпочтения в литературе.

Формирование читающего ученика в отечественном опыте не было гладким. Педагоги постепенно приходили к мысли о серьёзном изучении индивидуальности читателя-школьника. В процессе преподавания складывалась методика изучения, ведущая свое начало от педагогов конца XIX в. – начала XX в.: Х.Д. Алчевской, Н.А. Рубакина, А.П. Нечаева, Ц.П. Балталона и др. Они признавали не только существование внеклассного чтения, в котором преобладали детективы, приключения и фантастика, а не классические произведения, но и тот факт, что книги, которые ученики читают вне школы, зачастую влияют на развитие личности сильнее, чем то, что проходят в рамках школьной программы.

В начале XX в. Н.А. Рубакин в своих работах пропагандировал идею индивидуализации чтения. Он писал о необходимости «приспособления списков рекомендуемых книг к личностям тех читателей, которым они указываются», и считая более важным изучение не читающей массы, а отдельных читателей [7, с. 67].

В начале 20-х годов XX в. были широко распространены социологические опросы, которые выявляли общую картину чтения. Был выпущен сборник под руководством Н.А. Рыбникова, называющийся «Детское чтение: методы изучения», в котором изложены различные методы изучения читателей [3, с. 72].

Цикл крупномасштабных социологических исследований («Советский читатель», «Книга и чтение в жизни небольших городов», «Книга и чтение в жизни советского села», «Исследование художественных интересов современных школьников» и др.) был проведён в 1960-70-е годы. Авторы одного из них отмечали, что дети школьного возраста больше интересуются кино, чем литературой, хотя она и лидирует среди художественных интересов учеников [1, с. 42].

В вышедших в 50-70-е годы работах психологов и методистов Л.В. Благонадежиной, О.И. Никифоровой, Н.Д. Молдавской, Л.Г. Жабицкой, М.Д. Пушкаревой, Л.Н. Рожиной, О.Ю. Богдановой, В.Г. Маранцмана, В.П. Полухиной и других был представлен другой материал о читателе-школьнике. Прослеживалась мысль о растущем разрыве между внеклассным чтением и уроками литературы. Говорилось также о том, что у учеников отсутствует мотивация к чтению, падает роль учителя в формировании читательской культуры школьников. И. А. Бутенко предложила учащимся старших классов ответить, из каких источников они больше всего узнают о книгах. По результатам опроса на приоритетных позициях стояли родители, одноклассники, родственники и сами книги, а уже после них какую-то роль в этом вопросе играл учитель, библиотекарь или сам школьник. Чаще всего с учениками обсуждали прочитан-

ное родители, изредка – друзья [1, с. 92].

Исходя из вышесказанного, читательская деятельность – это целенаправленный процесс осмысления и освоения книг, который состоит из трех шагов: «до чтения», процесс чтения, «после чтения». Читательская деятельность проявляется в устойчивой необходимости обращаться к книгам, в сознательном выборе материала для чтения, в способности эффективно применить в процессе чтения приобретенные знания, умения и навыки.

В структуру читательской деятельности входит: восприятие читаемого; осмысление читаемого; воссоздание читаемого; воспроизведение читаемого.

В результате чтения разных видов текста читательская деятельность протекает по-разному. При чтении как художественных, так и познавательных текстов учащиеся находят и извлекают информацию из текста, интегрируют и интерпретируют информацию, осмысливают и оценивают содержание текста. При чтении художественного текста учащиеся дополнительно к вышперечисленному должны в полной мере воспринимать изобразительно-выразительные средства языка, воссоздавать в воображении картины жизни, изображенные писателем, видеть авторскую позицию во всех элементах художественного произведения. Все эти действия, выполняемые в процессе читательской деятельности принято называть читательскими умениями.

Список использованной литературы:

1. Бутенко И.А. Читатели и чтение на исходе XX века: социологические аспекты. – М.: Наука, 1997.
2. Голубков В.В. Методика преподавания литературы – М.: Учпедгиз, 1962.
3. Детское чтение: методы изучения / Сборник статей под ред. Н.А. Рыбникова. – Москва-Ленинград: Госиздат, 1928.
4. Джежелей О.В. Литературное чтение. Чтение и литература. 1-4 классы. Методическое пособие – М.: Дрофа, 2011.
5. Маранцман В.Г., Богданова О.Ю. Методика преподавания литературы. – М.: Просвещение, ВЛАДОС, 1994.
6. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая рос. энцикл., 2002.
7. Рубакин Н.А. Избранное в двух томах. Том первый. – М.: Книга, 1975.
8. Светловская Н.Н. Теоретические основы читательской подготовки и практика читательской деятельности: учебное пособие для СПО – М.: Издательство Юрайт, 2024.

Шахбазов А.Гарат оглы,
директор Судурской
сельской средней школы
(Азербайджан, Гусарский район)
Казимагомедова Ф.И.
к.ф.н., доцент
ДГПУ им. Р. Гамзатова
(Россия, Махачкала)

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: данная статья посвящена изучению и описанию воспитательного пространства с точки зрения его проектирования и моделирования.

В статье подчеркивается, что педагогическое моделирование позволяет спроектировать воспитательное пространство с учетом его многомерности, макросоциальных процессов, состоящих из действий и педагога, и ребенка.

Авторы приходят к выводу, что воспитательное пространство – результат специально организованной деятельности в контексте педагогической, оно не стихийно; а создание воспитательного пространства включает внутренние процессы, связанные с выбором приоритетов педагогической деятельности, и внешние, которые включают освоение сообществом детей и взрослых окружающей среды.

Ключевые слова: исследование, методика обучения родной литературе, воспитательное пространство, процесс воспитания, моделирование, теоретико-методологический анализ.

Abstract: This article is devoted to the study and description of the educational space in terms of its design and modeling...

The article emphasizes, Pedagogical modeling allows you to design an educational space In view of its multidimensionality, Macrosocial processes, consisting of an action and a teacher, and the child.

The authors conclude, that the educational space is the result of specially organized activities in the context of pedagogical, it is not spontaneous; and the creation of an educational space includes internal processes, Selection of Pedagogical Priorities, and external, which include community development of children and adults in the environment.

Key words: The study, Methods of teaching native literature, Educational Space, The Education Process, Modelling, Theoretical and Methodological Analysis.

Лучшие представители педагогики с момента его зарождения как науки задавались поиском путей и средств, способствующих правильному формированию духовных сил ребенка, ориентированных на нравственность.

Все, что происходит в жизни, любые ее проявления разворачиваются в пространстве. Причем для реализации, свершения того или иного явления требуется свое соответствующее пространство.

Процесс воспитания также реализуется в определенной среде, имеющей свои пространственные границы, в рамках которого в результате различных социальных взаимоотношений, разворачивающихся в жизни ребенка (поступки людей, слова, действия, образы и т.д.) и происходит его социализация. По утверждению Лузиной Л.М. «Пространство, в котором происходит воспитание, педагогически очерчено. Воспитательное пространство – пространство воспитания, а не функционирования различных учреждений» [1, с. 85-96]. Следовательно, деятельность воспитателя должна быть ориентирована на создание этнокультурного пространства, способного обеспечить демократичное саморазвитие и самореализацию, которое и организует человека культуры.

В роли создателей воспитательного пространства могут выступать как школы (ученический и педагогический коллективы), так и любые образовательные, социокультурные учреждения.

Возникнуть воспитательное пространство может как в результате распорядительной деятельности органов управления (например, управления образованием), так и по инициативной деятельности самих детей, спровоцированных стремлением и личностными потребностями освоить жизненное пространство, но обязательно внутри объективной педагогической реальности через специально организуемую деятельность, т.е. как результат организаторской деятельности. Поэтому, мы считаем, что объектом педагогического моделирования, гарантирующим комфортный и эффективный результат образовательной деятельности, прежде всего является воспитание.

Моделируя воспитательное пространство, его структуру и функции необходимо продумать способы управления им, провести диагностику среды, чтоб выявить его потенциал, потребности, мотивы (как коллективные, так и индивидуальные).

Воспитательное пространство как явление педагогической деятельности многогранно, многоаспектно и уникально, в отличие от ее модели, хотя модель воспитательного пространства существеннее.

Рассматривая воспитательное пространство как объект педагогического моделирования, проектируя его, стоит отталкиваться от процессов, совершающихся на разных уровнях, так как именно эти процессы могут стать определяющими. Поэтому, в целях создания устойчивой системы необходим учет макросоциальных процессов, состоящих из действий и педагога, и ребенка, и психолога, способного, изучая и анализируя эти процессы в общем развитии воспитательного пространства, найти и определить способы управления им.

В.А. Ясвин, рассматривая воспитательный процесс в образовательной среде, подчеркивал, что «моделируя воспитательное пространство, закладывая в него различные элементы, их связи, альтернативные пути его развития, важно выбрать главное», то есть на чем будет базироваться система, что будет его характеризовать, что и какие процессы послужат основанием для самосовершенствования организации. [2, с. 47-48]. Главное в процессе моде-

лирования воспитательного пространства составляет совокупность педагогических принципов, на которых и будет основываться система, цели и т.д. При моделировании воспитательного пространства необходимо учитывать, что цель не в создании системы, цель – ребенок, педагог.

С момента конструирования и создания концепции и программы школы идет и моделирование его воспитательного пространства.

Итак, *моделирование* воспитательного пространства *есть* ни что иное, как *описание* будущей модели, которую предполагают, желают создать.

В научную терминологию понятие «воспитательное пространство» введено не так давно Новиковой Л.И., Караковским В.А. и др.

Мы исходим из того, что воспитательное пространство – объединение множества объектов, взаимосвязанных временными рамками и информационными связями.

Как отмечают разработчики теории воспитательных систем (Селиванова В.А., Новикова Л.И. и др.) «воспитательное пространство» на данном этапе выступает и в качестве объекта исследования, и в качестве педагогического моделирования, и в качестве инструмента воспитания лишь по причине официального его отсутствия в категориальном аппарате педагогики, несмотря на его наличие в действительности [3]. Эти же исследователи (Л.И.Новикова) рассматривают воспитательное пространство как целенаправленно организованная педагогами и детьми «среда в среде».

Ознакомление и анализ ряда научно-исследовательских работ о воспитательном пространстве дают возможность определить из всего многообразия представлений несколько наиболее характерных для данного явления. Так: *пространство как среда*, адаптированная для реализации воспитательных задач (при этом среда имеется ввиду и природная, и культурная, и социальная, и информационная); *среда – реальность*, действительность, не сконструированная человеком, а *пространство – результат педагогического освоения среды*, из чего следует, что данные понятия - «пространство» и «среда» - не эквивалентны; как мы уже указывали ранее, *воспитательное пространство* – результат специально организованной деятельности в контексте педагогической, оно не стихийно; и наконец, *создание воспитательного пространства* включает внутренние процессы, связанные с выбором приоритетов педагогической деятельности, и внешние, которые включают освоение сообществом детей и взрослых окружающей среды [4, с. 31].

Исходя из того, что воспитательное пространство способно отображать социально-общественные особенности определенного времени, государственного и общественного устройства, ментальности и культуры, его можно рассматривать в качестве социокультурного явления; в то же время воспитательное пространство – явление психолого-педагогическое.

Итак, пространство урока, пространство школы и пространство культурно-образовательной среды социума формируют культурно-образовательное пространство в целом. И только на основе общих замыслов реализации педагогики саморазвития ребенка с предоставлением ему пространства для саморазвития, активности, самореализации путем социальных проб и ошибок все пространства формируются в целостную структуру.

Таким образом, главным в воспитательной деятельности с точки зрения гуманизации воспитательного пространства является личность ребенка, его индивидуальность и развитие.

Осознание воспитания как обеспечения условий развития ребенка требует некоторого смещения ориентиров в ценности образовательной среды. Школу обучения постепенно должна сменить школа развития с уклоном на этнокультурный компонент как пространство и время жизни детей и учителей, где обязанности педагога как субъекта воспитательной деятельности в корне отличаются от его ранее принятых функций как субъекта воспитательной работы. Так, образовательную деятельность педагога, устанавливая ее идеологию, стратегию и тактику, целиком пронизывает воспитательная деятельность, являясь смысловой основой системы образовательной деятельности. Воспитательная деятельность реализуется в рамках пространства детства, пространства взаимодействия педагога и детей, определяемое как воспитательное пространство.

К функциям воспитательной деятельности в контексте гуманизации воспитательного пространства относят оказание поддержки ребенка в процессе его развития, защиту его интересов, ненавязчивое управление процессом развития личности ребенка, этнокультурное влияние и организацию деятельности детей.

И наконец, на современном этапе содержание воспитательной деятельности педагога включает изучение ребенка как условие гуманизации воспитательного пространства; обязательное конструирование ситуаций для самореализации, саморазвития и самовоспитания, а также - активной жизнедеятельности детей; и, наконец, гарантирование комфортного самочувствия ребенка в детском сообществе.

Список использованной литературы:

1. Степанов Е.Н., Лузина Л.М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. - М., 2002.
2. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. - М.: Смысл, 2001.
3. Караковский В.А. Воспитание. Воспитание. Воспитание. - М., 2000.
4. Демакова И.Д. Гуманизация пространства детства: теория и практика. - Казань, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Омарова З.С. Счастье беззаветного труда и востребованности (к юбилею ученого А. Г. Адилова)</i>	3
Проблемы изучения языков Кавказа	
<i>Адилов А.Г. Методика преподавания числительных табасаранского языка в начальной школе</i>	7
<i>Бабаев В.А. Категории числа и падежа местоимений в лезгинском языке</i>	13
<i>Бабаев В.А., Шахбанова А.Р. Приемы изучения лексики лезгинского языка в старших классах</i>	16
<i>Габидуллаева П.М. Звукоизобразительная лексика даргинского языка</i>	20
<i>Ильясов М.В. Повелительное наклонение в диггаликском говоре даргинского языка</i>	23
<i>Ильясов М.В. Особенности наречия даргинского языка как часть речи</i>	25
<i>Исрафилов Н.Р., Маллаева С.Д., Этапы пополнения лексики агульского языка заимствованной терминологией</i>	28
<i>Исрафилов Н.Р., Гаджиев Н.Г. Способы образования наречий в агульском языке</i>	30
<i>Мурадова Д.М. Литературияб авар мацIалда жаниб синонимал лъугъине ругел ресал</i>	34
<i>Саадулаева Р.Щ. Функции послеложных конструкций в лакском языке</i>	37
<i>Саадулаева Р.Щ. Адаптация заимствований в лакском языке</i>	41
<i>Хайбулаева М.М., Габидуллаева П.М. К вопросу выражения таксисной семантики в аварском языке конвербами</i>	45
<i>Хайбулаева М.М., Габидуллаева П.М. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в аварском языке (на материале произведения Расула Гамзатова «Мой Дагестан»)</i>	49
<i>Хачукаева М.Я. Традиционные формулы коммуникации между супругами (на материале нахско-дагестанских языков</i>	53
<i>Чапаева Р.М. Язык фольклора как компонент культуры этноса</i>	57
Национальные литературы и мировой литературный процесс	
<i>Адилов А.Г., Мирзаханова Т.Г. Художественные особенности жанра рассказа в творчестве А. Джафарова</i>	60
<i>Биданок М.М., Дибиров И.А. Вклад Ш.Х. Салакая в научную жизнь Абхазии</i>	66
<i>Ильясов Х.И., Тинаева А.Оз. К. Фольклорный жанр Шамма</i>	70
<i>Ильясов Х.И., Тинаева А.Оз.К., Поэтическое слово Сулеймана Стальского</i>	79
<i>Магомедова С.А. Штрихи к портрету Багаудина Астемирова</i>	88
<i>Сулейманова М.С., Омарова З.С. Художественная структура стихотворения Расула Гамзатова «ХIажимурадил бетIер» («Голова Хаджимурада)</i>	92
<i>Омариева П.Р. МахIаммад Башаевлул Оьрмулул ва творчествалул ххулла</i>	95
<i>Шабаева Л.А. Багаудин Астемиров – один из основоположников дагестанской советской литературы</i>	98

**Традиции и инновации в методике преподавания родных языков
и литератур в школе и вузе**

<i>Ашурбеков А.А.</i> К вопросу о влиянии внеклассного чтения на развитие читательской деятельности школьников.....	103
<i>Шахбазов А. Гарат оглы, Казимагомедова Ф.И.</i> Воспитательное пространство как объект педагогического моделирования: теоретический аспект.....	107

РОДНЫЕ ЯЗЫКИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 75-летию
Адилова Ашурали Гаджибалаевича*

Формат 60x84 1/8. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 14,0. Заказ № 004-25. Тир. 300 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45

“ФОРМАТ”